

Руслан Платонов

Кукловоды

Руслан Платонов

Кукловоды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31507928

ISBN 9785449056436

Аннотация

В основу сюжета положены реальные события, случившиеся в 2002 году в г. Одессе. По данным уголовного дела, одним из украинских телеканалов снят документальный фильм «Злой гений». С помощью авторского вымысла сюжет повести значительно расширен, введены новые сюжетные линии. Полный увлекательных приключений и удавшихся подельникам авантюр преступный путь в конце концов пресекается органами правосудия.

Содержание

Часть I	5
Часть II	49
Часть III	170
Часть IV	197
Конец ознакомительного фрагмента.	222

Кукловоды

Руслан Платонов

© Руслан Платонов, 2019

ISBN 978-5-4490-5643-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Некоторые из описываемых эпизодов основаны на реальных событиях. Остальное является вымыслом; всякое сходство либо совпадение с кем- или чем-либо является случайным

Часть I

Неисповедимы, непредсказуемы пути-дороги человеческие. Что есть наша жизнь – пестрый калейдоскоп, нелепый набор хаотических происшествий? Так сказать, генератор случайных чисел? Или строго запрограммированная, предопределенная неразрывная цепь причин и следствий? Мы управляем судьбой или – она, злодейка, нами?

А может, ее, судьбы, вовсе и не существует? Например, некая высшая сила руководит нами в земном путешествии нашем? Не тащит нас, как теленка на веревочке, а именно руководит, советуя и наставляя, указывая истинный путь, но всегда оставляя за нами право выбора – вправо или влево свернуть на развилке.

Каждому из нас знакомо это состояние, и всем – кому чаще, кому реже – приходится определяться, решать, как поступить в том или ином случае.

Вот-вот отойдет нужный трамвай от остановки: уже скрылся в дверном проеме последний пассажир, вагоновожатый назвал следующую остановку и взялся за рычажок закрытия дверей – мчатся ли, сломя голову, через оживленную проезжую часть или подождать другой вагон?

С одинаковой вероятностью в лотерейном барабане жизни может выпасть один из двух номеров: держа в поле зрения готовый отправиться трамвай, спешащий человек упус-

кает из виду мчащийся наперерез «Фиат»; или же благодушно машет рукой – успеем! зачем подвергать свою единственную и неповторимую жизнь глупому риску попасть под машину? – и благоразумно садится в следующий трамвай, в котором террорист уже оставил сумку под сиденьем...

А возможен и третий вариант – шар без номера. Благополучный, бесцветный и пресный.

Мы не можем всего предусмотреть, все просчитать и верить. Но все же, все же! – как не хочется быть ограбленным или убитым подонком, которому безрассудно открыл входную дверь, купившись на банальное «вам телеграмма», не подумав, не взвесив последствий... Кошмар! – принятое однажды невинное решение открыть небольшой магазинчик на краю базара через пяток лет оборачивается злорадной пулей от завистливых конкурентов, оборвавшей твою такую ладную и отрадную жизнь в расцвете лет. Ужас как неохота попасть за решетку, соблазнившись выгодным предложением некоего мерзавца занять вакантное место главного бухгалтера преуспевающей компании (с Вашим-де умом и опытом...)

Кто ж знал?! Ведь с одинаковым успехом можно и влиться в спаянный коллектив солидной фирмы, и одним махом решить свои финансовые и социальные проблемы, оказавшись в итоге на ласковых песках Сен-Тропе вместо суровых тюремных нар! Ведь так? Скажите, ведь так может быть?!

Да, может.

Или не может.

Нам не дано предугадать.

А жаль...

* * *

Аще что в одном месте убудет, в другом непременно прибавится.

Тысячу раз был прав батька Ломоносов!

Два месяца в приморском колхозе, вместо учебы посвященных то ли уборке, то ли поеданию в немереных количествах вкуснейшего спелого винограда, никак не повлияли на объем учебной программы. Два дня или даже две недели еще туда-сюда, но два месяца – это уже слишком.

А посему его непреклонное величество директор железнодорожного техникума недрогнувшей рукой подписал приказ о продлении тысяча девятьсот восемьдесят пятого дробь восемьдесят шестого учебного года ровно на два месяца. Как следствие, вместо первой половины июня защита дипломных проектов плавно переместилась на первую половину августа. Что поделаешь – выпускной курс: ни теоретические занятия, ни преддипломную практику, ни само дипломирование урезать не представлялось возможным.

Студенты повздыхали, поворчали, однако никуда не делись с подводной лодки.

Но однажды – как и все на свете – все-таки подлетели

к своему концу, разноцветной стайкой веселых пташек промелькнули хоть и искусственно продленные, но все же прекрасные, незабываемые студенческие деньки.

Вот и долгожданные новенькие, остро пахнущие свежей типографской краской дипломы приятно холодят разгоряченные ладони. Наташа Зайцева – высокая, красивая девушка с точеными чертами лица и тяжелой гривой иссиня-черных волос – долго, с наслаждением вдыхала этот по-своему приятный запах, вдвойне ласкающий обоняние из-за красной обложки. Стоявший рядом с ней Сергей Антонов – давний ее друг, возлюбленный, жених и, вне всякого сомнения, будущий муж, тоже получивший диплом с отличием – некоторое время наблюдал за Наташей, снисходительно улыбаясь, а затем рассмеялся:

– Может, еще на зуб попробуешь, чудо в перышках?

– Ты же знаешь – я запахи люблю. Сигаретный дым, например, терпеть ненавижу, а запах табака мне нравится. И запах диплома – тоже.

– А как насчет запаха моря, гор и цветущего миндаля? – обнял Сергей девушку за хрупкие плечи. – Что ни говори, нет худа без добра. Лето пролетело в душных аудиториях, зато диплом обмоем в морской водичке! Старик «Нахимов» весь к вашим услугам, госпожа!

Прижавшись к крепкой груди любимого, Наташа улыбнулась той улыбкой фонтанирующей радости, которой могут улыбаться только влюбленные, не обремененные грузом жи-

тейских забот и абсолютно счастливые молодые люди.

Да и отчего не радоваться, скажите на милость? Долгих четыре года нелегкой учебы уже за плечами, впереди – нескончаемая и счастливая взрослая жизнь, которая начинается с увлекательнейшего круиза по Черному морю на прекрасном пароходе «Адмирал Нахимов», вместе с родной студенческой группой вообще и с любимым Сережей в частности.

Это ли не счастье?

Идею Ольги Катлабуги – бессменной старосты их техникумовской учебной группы – вот так, нестандартно, отметить окончание учебы вчерашние студенты восприняли троекратным «ур-ра-а!!!»

Мысль и в самом деле блистала оригинальностью и новизной. Полупьяные поскакушки под стеклянным окном податого фотографа где-нибудь в захудалом кафе, одиозно величаемые «выпускным балом», стандартностью и однообразием навевали тоску. Было уже, было... Видали, слышали. По предварительным прикидкам, чуть ли не половина группы – в основном приезжие и неисправимые пессимисты – вообще не собиралась участвовать ни в какой «групповой отмене», намереваясь славно «оторваться» в родных пенатах.

Не успев дослушать до конца эмоциональную речь старосты – «По бабкам круиз ненамного дороже выпускного потянет, а зато!...» – вышеупомянутые неисправимые пессимисты опрометью бросились на вокзал – сдавать билеты, приобре-

тенные загодя с благородной целью поскорее осчастливить своим долгожданным появлением родных и близких.

Теперь же уважаемые сородичи пусть сгрызут в нетерпении еще десяток-другой ногтей. Ждали четыре года – перетопчутся еще пару недель. Ничего с ними, горячо любимыми, не случится. Упускать такую возможность – круиз по самым красивым местам нашей необъятной родины на «Адмирале Нахимове»! Да что – одичали мы, что ль?

Тем более, что суетиться-напрягаться в поисках драгоценной путевки не придется. Оля Катлабуга, в противовес небольшому росту, содержала в своей худощавой фигурке неиссякаемый запас кипучей энергии и организаторских способностей. Наверняка прежде, чем озвучить задумку, она прозондировала почву и предварительно уладила все необходимые формальности. Как и всегда, на протяжении всех четырех учебных лет, сдадим Оле деньги – и ни от чего более голова болеть не будет. Разве что от коктейлей в корабельном баре.

Оставалось только блаженно плыть, отдавшись на волю пенных волн и ласкового бриза.

* * *

Краткая справка.

Пароход «Адмирал Нахимов».

Первое название – «Берлин».

Построен в сентябре 1925 года на верфи «Бремер Вулкан», Германия.

Длина наибольшая – 174,3 м.

Высота от борта до палубы «А» - 16,7 м.

До шлюпочной палубы – 19,2 м.

Осадка с полной загрузкой – 9,0 м.

Водоизмещение полное – 23000 т.

Силовая установка – две паровые машины общей мощностью 12000 л. с.

Скорость – 16 узлов.

Экипаж – 326 чел.

Пассажировместимость – 1122 чел.

– Ничего себе! – поднес Сергей Антонов рекламную афишку парохода к самым глазам Наташи, весело улыбаясь. – В такой древней посудине целый стрелковый полк плывет в неведомые дали!

Черноволосая красавица, напротив, при упоминании о делах военных взгрустнула.

Этой осенью ей предстояло проводить своего сердечного

друга воистину в неведомые дали – служить царю и отечеству. Именно так, сияя белозубой улыбкой, объявил Сергей в прошлый четверг.

Что ж, положенная отсрочка для окончания учебы подошла к логическому завершению – а с ней и совместные с Сережей восхитительные деньки. Жаль, что свадьбу не успели сыграть до отплытия. Спонтанно получилось бы незабываемое, полноправное свадебное путешествие.

Да чего уж там – любовь не заглядывает в документы. Путешествие, пусть и не свадебное, обещало быть прекрасным.

– Хоть бы во флот не взяли, – тихонько вздохнула Наталья.

– Что? – не расслышал Сергей в приморском шуме.

– Загадываю, чтобы тебя во флот не загребли, Аника-воин! – ласково взлохматила девушка аккуратную прическу Антонова.

– Чтобы ты, когда я возвращусь, спела мне песенку типа «Моряк, ты слишком долго плавал»? Мне это не подходит! – засмеялся Сергей. – Я тебя никому отдавать не намерен. Флот?.. Нет, вряд ли. Какой из меня краснофлотец? «Моряк – в воду бряк, а из воды – никак». Я, наверное, в десантники попаду. По крайней мере, в военкомате так говорят...

В теплый летний день Наталья вздрогнула и поежилась, словно от ледяного ветра.

Хрен редьки не слаще. Что в соленой воде бултыхаться,

что с парашютом с неба сигать – для ее девичьего понимания было одинаково опасно. Надо полагать, до ухода Сергея на действительную они распишутся, и не дай Господь что случится... Стать вдовой, не успев побывать женой?..

Наталья еще раз зябко передернула плечами.

– Тебе что, холодно? – удивился Сергей, обнимая ее за оголенные плечи. Чтобы не заводить разговоров, которых Антонов не любил, Зайцева кивнула головой. В самом деле – к чему заранее изводить себя глупыми химерами? Все будет хорошо, просто прекрасно! Иначе и не может быть!

Не по-августовски жаркий день ускользящего лета клонился к закату. С моря потянуло свежим соленым ветерком. Они стояли, тесно прижавшись друг к другу, коротая время в ожидании начала посадки на величественный океанский лайнер – именно таким представлялся старый пароход юной влюбленной паре. Ожидание праздника если и не лучше самого праздника, то, во всяком случае, доставляет немалое удовольствие, в предвкушении чуда волнуя кровь и поднимая настроение до небесного уровня.

...Посадка на пароход происходила как во сне. «Включились» в окружающую действительность Сергей с Натальей уже в каюте.

Оба, хоть родились и выросли в большом приморском городе, впервые ступили на палубу настоящего корабля – развлекательные «поплавки» в прибрежной зоне на прогулочных катерах и лодках были не в счет.

Проворные моряки споро расселили бестолково совавшихся не в тех направлениях пассажиров по их каютам и оставили одних – осваиваться и привыкать к новому, пус-кай и временному жилищу.

Путешествие – пусть и не трансатлантический переход – тем не менее, предстояло не такое уж короткое. Во всяком случае, не менее интересное – в числе прочих пароход дол-жен был побывать и в городе-легенде Сочи.

– В городе Сочи – темные ночи! – пропел радостно воз-бужденный Сергей, со сноровкой заправского матроса рас-пахивая иллюминатор. В каюте действительно было несколь-ко душно – кондиционированием и даже более-менее приличным вентилированием внутренних помещений «су-перлайнер», против ожидания, оборудован не был.

В излишне прогретую перестаравшимся летним солнцем атмосферу небольшого помещения задиристо ворвался на-сквозь пропитанный солью морской воздух.

– Вы ведь не возражаете? – учтивости парня не было пре-делов.

Соседи по каюте – однокашники Виталик с Ирой, тоже будущая семейная пара – и не думали возражать.

Как же не вдохнуть всей грудью свежего морского бриза, не ощутить его йодистый запах и даже вкус?

– Иллюминаторы будем закрывать, только если двенадца-тибальный шторм шибанет! – авторитетно заявил храбрый мореплаватель Виталик.

Прекрасная половина каюты – Наташа с Ириной – как и все женщины, морским волкам перечить не стали, а сразу принялись за обустройство их совместного обиталища.

Небольшое четырехместное помещение было оформлено и меблировано в строго выдержанном функциональном стиле разумной достаточности. Четыре кровати, напоминавшие полки в вагоне (правда, несколько шире и мягче) загораживались от посторонних нескромных взглядов шторками (отлично! То, что надо!) Индивидуальные светильники в каждой такой «спаленке» создавали неповторимый, отделенный от всего мира уют, навевавший умирительные воспоминания о раннем детстве с его необъяснимым стремлением к сооружению в укромных углах колоритных «халабуд», в которых ощущаешь себя в полной безопасности и недостижимости для внешних враждебных сил. Плюс еще небольшой стол, платяной шкаф и умывальник – вот и вся обстановка.

Однако с милым и в шалаше неплохо живется, а уж тем более на борту комфортабельного круизного лайнера.

Не прошло и часа, как вещи были разложены по местам, одежда развешена в шкафу, а на столике заботливые руки хозяйшек сервировали праздничный ужин из захваченных из дому в дальнюю дорогу припасов.

Несмотря на поздний час, молодежь не торопилась готовиться ко сну.

– Виталик! Сережа! А ну, прогуляйтесь в коридор! Нам переодеться нужно! – выставила Ирина шутливо упирив-

шихся парней за дверь. – Только далеко не уходите, иначе съедим все сами! Вас ждать не будем, не надейтесь!

– И выпьете тоже? – в притворном ужасе вытаращил глаза Сергей, подталкиваемый в спину Натальей. – Если так, нам с Веталем надо срочно бежать на берег, пока не поздно! Совместной ночи в одной каюте с буйными во хмелю девицами нам не вынести!..

– Поздно! – поднял палец к потолку Виталий. – Отплываем!

– Поехали! – на манер Гагарина воскликнул Антонов.

...Знойным утром 31 августа 1986 года пароход «Адмирал Нахимов», выполнявший свой последний круизный рейс Одесса – Батуми – Одесса, по окончании которого он должен был пойти на слом, прибыл в Новороссийский порт точно по расписанию.

Август на Черном море почти всегда штилевой и жаркий, с нечастыми освежающими дождиками. Это время – самое удачное для морского отдыха. Сияющие счастьем пассажиры «Нахимова» спешили насладиться им сполна. Веселой молодежи, которой на корабле было большинство, весьма льстил сам особый статус черноморских путешественников. Кто – сам не подозревая, что со стороны это выглядит трогательно и смешно, а некоторые – сознательно, не комплексуя, воображали себя избалованными впечатлениями богатеями из далеких западных стран. Во всем поведении молодых людей, в облике, речи за время плавания появились какие-то

новые, несвойственные им ранее черты. Парни будто сразу повзрослели лет эдак на десяток-другой, приобрели напускную солидность и даже некую важность, а если и начинали дурачиться, то не на людях.

Девушки же по своей природе взрослеют раньше легкомысленных и пустоватых сверстников. На «Адмирале Нахимове» одnogруппницы Сергея Антонова и вовсе неосознанно играли роль светских львиц.

Особенно это удавалось тем из них, которые от рождения были наделены такими задатками. Их спутники диву давались, обалдевшими глазами взирая на вчерашних бесшабашных девчонок. Невероятный вопрос напрашивался сам собой: да они ли это?.

Вот и сегодня, глянув на вышедшую из каюты Наташу, Сергей Антонов от удивления раскрыл рот. Старая знакомая который раз за не такое уж продолжительное время круиза предстала в совершенно новом, неузнаваемом облике.

Сандра Лейнер, да и только.

Высокая, стройная, в прекрасно облегавшем худощавую фигурку новом платье золотисто-желтого цвета (и где она каждый раз их берет, обновки? Вроде всего только два чемодана – вот и весь ее багаж!) она просто завораживала, заставляя любоваться исключительно собой, напрочь забыв о морских красотах.

Узкие черные очки загадочно скрывали ее глаза, отлично гармонируя с желтым платьем. Золотые украшения – круп-

ные серьги с небольшими бриллиантиками, тяжелая золотая цепь с бросавшимся в глаза янтарным кулоном, несколько изящных колец на тонких пальцах, витой золотой браслет на хрупком запястье ослепительно сверкали на умытом утренней росой южном солнце. Пусть неуместные, даже безвкусные в сочетании с легким летним платьем и прогулочным случаем, все же драгоценности так шли ей к лицу, и особенно – золотой змейкой обвивший предплечье браслетик, украшенный тремя рубинами, рассыпавшими вокруг красные искры при каждом движении руки.

Этот браслет Сергей подарил любимой на день рождения. Сколько ему пришлось разгрузить вагонов и сэкономить на собственном желудке для накопления необходимой суммы – история красноречиво умалчивает. Однако вспыхнувшие при виде подарка ярче драгоценных камней глаза очень небезразличной тебе девицы-красавицы того стоили.

– Ну, что, Сергей Валентинович? Оценим достопримечательности города-героя Новороссийска?

Сергей примкнул отвисшую нижнюю челюсть к верхней, сглотнул слюну и торопливо отвечивал:

– Отчего бы и нет? Обожди наверху, я мигом – шмотки перемену!

Оставив спутника переоблачатся, Наташа поднялась на прогулочную палубу.

Взгляды практически всех, кто дышал свежим утренним воздухом, в один миг скрестились на молодой девуш-

ке: вздыхающе-восхищенные – сильной половины, завистливо-оценивающие – прекрасной.

И никто в разномастной толпе не заметил скрытого за дешевыми черными очками сально-скабрезного взора.

Малозаметный, какой-то потертый, неожиданный и нелепый на круизном лайнере, сутулый то ли зеленый парень, то ли солидный мужчина стоял на самом краю палубы. Моложавое узкое лицо со слегка удлинённым носом странно не вязалось с пепельно-седым ершиком волос на открытой пылающему солнцу голове, не позволяя с уверенностью определить его возраст.

Простая ширпотребовская, к тому же старая, застиранная и линялая одежда, разительно контрастировавшая с вычурными нарядами небедных круизеров, мешковато свисала с узких покатых плеч, однако плотно облегая излишне округлые, смахивающие на женские бедра.

Пассажир пребывал в полном одиночестве. Ни захваченной из дому, ни благоприобретенной на пароходе спутницы рядом с ним не наблюдалось.

Узрев взявшего черноволосую красавицу под руку высокого крепкого парня в джинсовом костюме и больших черных противосолнечных очках, одинокий субъект ненавидяще скривил рот и резко отвернулся, устремив взгляд на оживленный поутру портовый город. Его узкие бледные губы еле заметно шевелились.

Но что они бормотали – молитвы, проклятия или просто

чепуху – никто не слышал. Да и на самого потертого путешественника никто не обращал ни малейшего внимания. Любопытные взоры окружающих дам беспрепятственно проникали сквозь него, да и мужские взгляды проскальзывали мимо, не усматривая в некрасивом сопернике потенциальной угрозы своим мужским правам.

Упоенные полной чашей бурно кипящей жизни Сергей с Наташей вообще не заметили примостившейся в дальнем углу прогулочной палубы несимпатичной личности. Счастливые не наблюдают не только часов, но и вообще ничего и никого вокруг.

Молодая пара, обгоняя пестрый поток выбравшихся на экскурсию в город пассажиров «Нахимова», резво сбегала по трапу вниз. Виталий увлек свою ненаглядную на берег получасом ранее.

Серая личность в мрачной одежде в числе немногих осталась на корабле.

Поздним теплым вечером Сергей с Натальей, оставив в торговых и увеселительных заведениях города энное количество денег и получив взамен море ярких впечатлений и пакет разномастных сувениров, вернулись в свой ярко светящийся множеством огней плавучий дом. Увлечшись обзором красот славного города Новороссийска, они чуть не опоздали к отплытию.

– ... Вот был бы номер! – красочно описывал Сергей имевшую быть картину весело хохочущим сокаютникам. – При-

кидываете? Пришлось бы вас на лодке догонять и вползать в каюту через иллюминатор! Руку бы хоть подали? Или стали б маму звать с перепугу? Ставлю себя на ваше место: в открытом море вдруг кто-то тарабанит в иллюминатор – откройте, это мы! Так и... короче, так и сдохнуть можно. Примерно то же, что ночью услышать стук в окошко на десятом этаже...

Несмотря на поздний час и накопившуюся за целый день блужданий усталость, отдавать брэнное тело в нежные ладони Морфея никто из обитателей каюты не пожелал.

Чтобы дать короткий отдых гудящим ногам перед танцевальным вечером и подкрепить алчущее тело, великолепная четверка уселась за стол наскоро перекусить, чем Бог послал.

Нет ничего приятнее задушевной беседы за дружеским столом. Приятели громко обменивались впечатлениями насыщенного дня, подначивали друг друга, забывая о еде.

Внезапно разговор оборвался на полуслове.

Все четверо, как по команде, глянули на большие настенные часы. Они показывали ровно 22—00.

Корабль мягко вздрогнул и медленно, словно нехотя, начал отваливать от причальной стенки.

Трудяги-буксиры, вспенивая винтами мутную портовую воду и пугая стаи прозрачных медуз, с привычным упорством отводили судно от тридцать четвертого причала, разворачивая его на акватории порта носом к выходу.

Отдав буксирные концы, корабль гудком поблагодарил

братьев меньших и двинулся в открытое море. Он все дальше и дальше отходил от пассажирского причала, направляясь к выходу из Новороссийского порта. Огни большого города медленно отступали во тьму, плавно покачиваясь из стороны в сторону, словно прощались с великолепным кораблем.

Двенадцать тысяч старых лошадей борозды не портили. «Адмирал Нахимов» неторопливо, чинно рассекал острой грудью аспидно-черную воду, как и подобает степенному ветерану. Старый пароход ни на миг не забывал, что он несет на своих усталых плечах тысячу двести тридцать четыре человека – пассажиров и членов экипажа, самую большую драгоценность на свете. Напрочь отшибло память только тем из вышедших в море, кому единственные и неповторимые жизни этих людей были доверены по роду службы, и в ком плывущие были уверены больше, чем в самих себе...

...Окружающий мир поглотила душная, бархатно-черная южная ночь. Стоял полный штиль – ни ветерка. Море пребывало в абсолютной расслабленности и неге – спокойное и гладкое, как ртуть в тарелке.

На палубе судна звучала возбужденная, громкая музыка. Многочисленные корабельные бары и рестораны трудились в поте лица, усердно стараясь напоить и накормить веселящихся от души пассажиров.

Две молодые влюбленные парочки набрали побольше воздуха в грудь и окунулись в разухабистое празднество с головой.

Феерический вечер закурил их в игривом водовороте.

* * *

Капитан дальнего плавания Вадим Марков как всегда мастерски вывел судно через ворота Новороссийского морского порта. Выполнив все необходимые формальности, он направил «Адмирала Нахимова» полным ходом в одиннадцать узлов к выходу из Цемесской бухты и далее – в открытое море.

Расслабленность и беспечность веселящихся пассажиров словно передались и тем, в чьих руках, словно в ладонях великана, умещался игрушечный кораблик с более чем тысячей маленьких человечков на борту, плывущий в пригоршне воды сквозь черный купол ночи.

Да и отчего было дергаться и напрягаться? Плавание в таких погодных условиях, в безопасных и пройденных множество раз вдоль и поперек прибрежных водах – спокойная, расслабляющая ум и тело рутина, рабочая обыденность.

В Багдаде все спокойно.

Пройдя траверз Мысхако, капитан Марков, оглядывая пустынное море, увидел вдали по правому борту огни большого судна, движущегося в порт с запада наперерез их курсу. Опытный судоводитель, в полном соответствии с международными правилами, уже приготовился отдавать команду уступить идущему в порт кораблю дорогу.

Внезапно ожила корабельная радиосвязь. Дежурный поста регулирования движением сообщил, что это идет балкер «Петр Васев», и его капитан, вопреки правилам, согласен пропустить пассажирское судно.

Капитан Марков МППСС – свод международных правил предупреждения столкновения судов – знал, как собственную биографию. Однако – что ж: дают – бери. Но если уж нарушать – так продуманно.

Как говорится, можно, если осторожно.

Вадим Марков снял трубку радиотелефона и вызвал капитана балкера. В трубке прозвучал голос капитана сухогруза Николая Ткаченко:

– Я сбавил ход и пропускаю!

Капитан Марков кивнул головой невидимому собеседнику и скомандовал:

– Курс сто шестьдесят!

Тяжелый корпус парохода, слегка покачиваясь, послушно выполнил поворот и лег на указанное ему направление.

Находившиеся на ходовом мостике офицеры молча смотрели вперед, в непроницаемую стену ночи. Огоньки «Петра Васева» медленно приближались.

Прошло три минуты. Капитан Марков провел ладонью по лицу, вздохнул, глянул на часы.

Однако! – скоро одиннадцать вечера. Или ночи – как кому угодно. Из порта вышли – а дальше ребята сами справятся. Нечего ему тут официоз разводить.

Заученно проинструктировав вахтенного штурмана о давным-давно известных тому прописных истинах, Вадим Марков передал ему управление судном и ушел с мостика в свою каюту.

«Адмирал Нахимов» и «Петр Васев» неуклонно сближались друг с другом.

* * *

– Поскучай немного без меня, Наталка! – сбивая ладонями с одежды поток красной жидкости, Сергей Антонов комично прыгал на одной ноге, словно вытряхивал воду из ушей.

Нечаянно облившая парня вином из объемистого бокала пожилая дама пчелой кружилась вокруг него, причитая и ку-дахча, как наседка:

– Ой, простите! Извините! И как это я... Мне так неловко!..

Сергей великодушно махал рукой:

– Да ладно! С кем не бывает! Натала! Побудь тут, а я бегу костюмчик спасать! А то еще подумают, что я – алкоголик!..

– Ты солью, солью присыпь хорошенько! – подсказывала Наталья любимому. – Там, в клетчатой сумке, найдешь большую красную банку – в ней соль! Виталик, сходи с Сережей, пожалуйста, помоги ему!

В бликах огней цветомузыки, особенно ярких на фоне

черного бархата ночи, все на прогулочной палубе приобретало некие нереальные, фантастические очертания. Импровизированный карнавал находился в самом разгаре. Легкий хмель стер границы условностей между отдыхающими, внеся непринужденность и даже фривольность в отношения между вчера еще незнакомыми людьми.

Наталья с бокалом шампанского в руках прислонилась к ограждению палубы, обмахивая свободной рукой разгоряченное лицо. Ирина, утомленная непрерывными танцами, пристроилась рядом.

И вновь никто не заметил прожигавшего стройную фигуру Наташи Зайцевой похотливого взгляда, разогретого по случаю танцевального вечера винными парами. Несмотря на давно поглотившую корабль непроглядную темень, одетый в те же самые тускло-серого цвета рубашку и брюки сутулый мужчина черных очков не снял. Они криво, уродливо и совершенно неуместно торчали на его потном вытянутом носу.

Весь вечер, покуда возле красивой черноволосой девушки в легком желтом платьице неотлучно находился высокий крепкий парень, облаченный в синий джинсовый костюм, неприметный гражданин следил за ними из своего дальнего угла. Он неотрывно ошупывал липким взглядом то длинные стройные ноги красавицы, загадочно обрисовывающиеся под легкой тканью, то ее грациозные бедра, то высокую грудь. Совершенно другой, алчный блеск появлялся в его во-

дянистых глазах, когда взгляд натыкался на сверкавшие золотые изделия, во множестве украшавшие шею, уши и руки незнакомки. Судя по всему, золотых излишеств этот простецкий товарищ в частном владении не имел, и это обстоятельство наверняка вызывало у него черную зависть к обладателям таковых.

Но когда веселому спутнику золотоносной дамы основательно подпортили вином голубенький костюмчик, отправив его с товарищем вниз на неопределенное время, серый субъект отлип от стенки.

Какой-то вихляющей, пританцовывающей походкой он подкатил к оживленно беседовавшей парочке прелестниц у борта. Притормозив в полутора метрах от Натальи Зайцевой, он некоторое время молча стоял, заложив руки в карманы и слегка покачиваясь на носках поношенных сандалий.

Однако оживленно беседовавшая с подругой девушка совершенно не замечала его присутствия.

Выждав минуту, гражданин вынул руки из карманов, громко кашлянул, ступил на шаг вперед и выпятил впалую грудь, словно демонстрировал медали.

Медалей на его вылинявшей рубашке не наблюдалось. Тем не менее, нечто необычное на хилой груди подошедшего все-таки было.

Три приколотых к нагрудному карману разноцветных светодиода – красный, желтый и зеленый – яркими искрами поочередно вспыхивали и гасли, создавая эффект бегущего

огня. Даже в фейерверке разноцветных вспышек корабельной цветомузыки они были хорошо заметны благодаря своей неожиданности и необычности.

По всей видимости, незаметный пассажир полагал при помощи подобного незамысловатого трюка в одночасье завладеть сердцами всей прекрасной половины танцующих.

Однако Наташа не обращала ни малейшего внимания ни на «бегущие огни», ни на бестолково торчавшего посреди палубы их носителя. Постояв еще некоторое время и не дождавшись восторженных оваций своему ноу-хау, мужчина поправил съехавшие вниз по потному носу очки и обратился к Наталье:

– Позвольте пригласить вас на танец!

Девушка оторвалась от разговора и бросила удивленный взгляд на неуклюжую фигуру с переливами разноцветных огоньков на груди. Подошедший стоял спиной к свету, и его лица, а тем более под черными очками, рассмотреть было невозможно. Но и в неверных отблесках светодиодов было ясно, что красотой физиономия незнакомца явно не отличалась.

– Я не танцую! – бросила она странному мужчине дежурную фразу и вновь повернулась к Ирине.

– А может, все-таки передумаете? –дохнул запахом портвейна еще сохранявший остатки учтивости «кавалер». – Спляшем краковяк, познакомимся, о жите-бытье...

– Я ни танцевать, ни тем более знакомиться ни с кем не со-

бираюсь! – повысила голос Наталья. – Тем более с какими-то... электровениками!..

Ирина, а с ней и несколько находившихся неподалеку отдыхающих, оценив остроту, не смогли удержаться от смеха.

Даже в полумраке прогулочной палубы в глаза бросились рубиново вспыхнувшие уши незнакомца. Острые насмешки красивых девушек в ответ на искренние порывы тоскующего мужского естества, а тем более при свидетелях, способны вывести из равновесия кого угодно. Подвыпивший «электровеник» исключением не стал.

Вытянув руки перед собой и эмоционально потрясая длинными кистями, худосочный круизер презрительно скривил губы и злобно зашипел прямо в лицо Натальи, брызжа слюной и алкогольными парами:

– Ты ч-чего выдергиваешься, прош-шмандовка? С-сильно грамотная? Да я тебя, х-х-халяву...

И тут же был остановлен сильным рывком за плечо. Бросив короткий взгляд назад, неудавшийся ловелас разом прервал гневную тираду, скорее угадав, чем увидев тихо подошедшего сзади Виталия, без раздумий решившего постоять за честь однокашницы. Хулиганствующий пассажир съежился от испуга и метнулся прочь с места имеющего разгореться конфликта. Виталий благоразумно остался на месте – стоило ли ввязываться в пьяные разборки и портить столь прекрасный вечер себе и другим?

– Слушайте, а который час? – спохватилась Наталья. – Я

совсем выпала из обоймы!

– Двадцать три часа... и двенадцать минут! – с трудом разглядев в полумраке крошечный циферблат наручных часов, ответила слегка обескураженная безобразной выходкой незнакомца Ирина.

Наталья подошла к Виталию, чтобы поинтересоваться, где он обронил облитого вином друга, но, увидев его внезапно расширившиеся от ужаса глаза и вытянутую в сторону моря трясущуюся руку, умокла на полуслове и обернулась.

Высоченный силуэт какого-то судна быстро и беззвучно, словно в кошмарном сне, черной громадой надвигался прямо на правый борт «Адмирала Нахимова».

Через несколько мгновений корпус лайнера содрогнулся от страшного удара.

Неописуемая сила играючи вырвала из-под людей твердую палубу, и под ногами разверзлось неведь откуда взявшееся посреди танцпола море.

* * *

Балкер «Петр Васев» полным ходом шел в Новороссийск из Канады. В трюмах низко осевшего в воду судна находились тысячи тонн первосортной канадской пшеницы, которую с нетерпением ждала не очень сытая страна, вместе с ортодоксальным социалистическим укладом победившая заодно и собственное сельское хозяйство.

Капитан Николай Ткаченко торопился. Портовики попросили его как можно быстрее поставить судно под выгрузку в надежде получить неплохую премию. Подводить хороших людей не хотелось. Да и болтаться в море вот уже который день приелось до тошноты. А твердая устойчивая земля – вон она, рукой подать.

Тем не менее, когда дежурный поста регулирования движением новороссийского порта предложил пропустить выходящего из порта «Адмирала Нахимова», Ткаченко ответил согласием.

– Ничего, успеем. Подойдем поближе к выходным створам, а как только проскочит «пассажир», на ходу захватим лоцмана и полетим дальше, – мгновенно продумав предстоящее маневрирование, произнес капитан. Вахтенный помощник кивнул, краем уха слушая капитанские мысли вслух. Тем временем Ткаченко, связавшись по радиотелефону с коллегой на «Нахимове», подтвердил свое намерение сбавить скорость и пропустить лайнер.

– «А по МППСС должно быть наоборот – левым бортом обязаны разойтись!» – не без злорадства подумал стоявший на ходовой вахте третий помощник Зубюк, но капитану, естественно, перечить не стал. Да и чего поднимать перья – обо всем договорились, действия продумали, все под контролем. К тому же на то он и капитан, чтобы командовать. А дело Зубюка и остальных – брать под козырек и выполнять указания беспрекословно, точно и в срок.

Тем временем над морскими просторами сгустилась непроглядная темень – хоть глаз выколи. На смутно угадываемой вдаль линии горизонта переливистыми искрами зажглись гостеприимные огоньки долгожданного пункта назначения – города-героя Новороссийска.

– Вот он, «Нахимов»! – едва заметив ходовые огни выходящего из порта судна, абсолютно точно определил капитан Ткаченко. – Так... Какая у нас скорость-то?

– Одиннадцать с половиной, – отозвался вахтенный помощник.

– Отлично, отлично... – пробормотал капитан, наклонившись над приборами системы автоматизированной радиолокационной прокладки. – Разойдемся красиво!

Яркие звездочки ходовых огней «Адмирала Нахимова» неуклонно приближались. Они двигались, слегка покачиваясь, четко наперерез курсу балкера, словно замыслив нечто недоброе.

Иллюминаторы ходовой рубки «Васева» были залиты черной тушью южной ночи; однако напрягать зрение и нервы, полагаясь на капитанский опыт, интуицию и чутье в конце двадцатого века нет никакой необходимости. Да и какой смысл испытывать глазомер – не за баранкой «газона» находишься. Надстройка-то на балкере расположена на корме, а впереди – корпус длиной в республиканский стадион. Благодаря автоматике от непосредственного наблюдения за движением встречных-поперечных судов можно и отвлечься.

САРП – он хоть и не «Шарп», но...

– Капитан, пеленг не меняется! – неожиданно прозвучал встревоженный голос вахтенного помощника.

– Вижу. Слежу за прибором! – слегка посерьезнел тон капитана. Не отрываясь от мерцающего экрана радара, он передвинул рукоятку машинного телеграфа на «средний вперед».

– Капитан, мы столкнемся!.. – голос Зубюка сорвался на крик.

Однако Николай Ткаченко не отвечал. Будто загипнотизированный, он словно окаменел, воткнув неподвижный стекленеющий взгляд в прибор. Только словно действующая отдельно от тела беспокойная рука капитана вновь двинула рукоятку машинного телеграфа – в этот раз на «малый вперед».

И лишь отчаянный возглас старшего помощника: «Васев» таки таранил пассажирский теплоход!» – привел в чувство внезапно покрывшегося холодной испариной капитана. Он оторвал враз расширившиеся глаза от экрана и принялся лихорадочно дергать рукоятки обалдевшего машинного телеграфа – «полный назад», «право на борт»...

Но эти отчаянные потуги уже были ни к чему – как мертвому припарки.

Тяжеленная громадина груженого сухогруза сотысячетонной массой со всего хода врезалась в расцветенный огнями правый борт «Адмирала Нахимова», сминая, как бумагу, толстые стальные листы, круша в куски палубы и переборки.

* * *

В теплую летнюю погоду, в спокойном море, в четырех километрах от берега разыгралась совершенно неожиданная, нелепая и страшная трагедия.

В момент столкновения на «Нахимове» сразу погасло освещение, и это сыграло роковую роль в судьбе множества людей.

Подводная носовая часть «Петра Васева» – так называемый бульб – несмотря на свою округлую форму, будто гигантским ножом распорол борт пассажирского парохода. Не успев погасить неудержимый бег, тяжеленный балкер все глубже и глубже проникал внутрь обреченного судна, как горячий нож в масло, коверкая все на своем пути.

Катастрофический удар пришелся прямо в одну из водонепроницаемых переборок, разделявших машинное и котельное отделения. Десятки тысяч тонн воды хлынули смертоносным потоком в образовавшуюся пробоину, изначально предрешив участь судна.

...Сухие цифры материалов расследования звучат обыденно и вовсе не страшно.

«Скорость поступления забортной воды в пробоину размером восемьдесят квадратных метров составила двадцать девять тысяч тонн в минуту».

При таких обстоятельствах судно ушло под воду за восемь

минут.

* * *

Сохранявший на глазах многочисленных танцующих пренебрежительное спокойствие и полнейшее равнодушие к судьбе залитого вином джинсового костюма, Сергей Антонов, оказавшись в каюте, дал волю чувствам.

– Ну, кор-рова дойная! – крепко досадовал парень, вертя в руках поруганную одежду, достойную отныне разве что украшать гардероб спившегося бомжа. – В чем я теперь ходить буду?! Лучший мой костюм! Двести рублей псу под хвост!.. Н-ну!..

– Да где же соль-то? – бормотал под нос потрошивший объемистый клетчатый баул доброхот Виталий. – А, вот!

Он рывком вынул со дна сумки громадную банку с солью. Хлоп! – тяжелая посуда отделилась от крышки и треснула оземь, выложив соль на полу каюты замысловатыми снежными заносами.

Виталий только в затылке почесал, обескуражено глядя на зажатую в пальцах пластмассовую крышку.

Сергей Антонов только рукой махнул.

– Иди отсюда, помощничек смерти! Проваливай!

– Соль – белая смерть! Нафиг она нужна! – вмиг нашелся неунывающий дружок.

– Исчезни, диетолог! – взбеленился Антонов, швырнув

джинсы на пол. – Доктор Перец! Профессор кислых щей!..

Вытолкав неудавшегося помощника за дверь, Сергей с тяжким вздохом присел над поверженным костюмом и принялся щедро сыпать соль на переливающиеся всеми цветами радуги винные пятна, черпая ее прямо с ковра.

Внезапно холмик соли непостижимым образом выпрыгнул из ладони и широким веером возвратился обратно на пол.

Из-под ног парня словно некий шутник-переросток выдернул ковер и одновременно зачем-то погасил свет в каюте.

Сергей кубарем отлетел к двери и, врезавшись в нее всем телом, лишился чувств.

Но очень скоро пришел в себя от хлестнувшего в лицо холодного горько-соленого потока – будто тот же дураковатый клоун, спохватившись, бросился отливать его водой из огромного ведра.

Антонов со стоном поднялся на четвереньки и замотал головой, фыркая и отплевываясь. Однако потерявший чувство меры незримый весельчак, издавая ужасающий скрежет, тут же подбавил водицы, заставив ничего не понимающего Антонова поспешно встать на ноги.

Судя по ощущениям, непонятно откуда взявшаяся в каюте вода плескалась уже где-то у колен.

Окружающий мир вместе со зримыми очертаниями утратил и привычную реальность. Не веря самому себе, Сергей наклонился и вытянул вниз левую руку – правой приходи-

лось держаться за косяк двери.

Погрузившиеся в бурлящий поток пальцы утвердили Антонова в мысли, что рассудок, против ожидания, не покинул его звенящую от удара голову.

Вместе с вернувшейся способностью здраво мыслить грудь Сергея стиснул животный страх: корабль тонет!

Кошмарную догадку подтвердили донесшиеся из коридора отчаянные крики и хлюпающий топот множества бегущих ног.

С большим трудом переставляя отяжелевшие в быстро прибывающей воде ступни – словно в материализовавшемся кошмарном сне – Сергей, вытянув вперед руки, бросился к выходу.

* * *

Лучи мощных прожекторов подошедших к месту гибели «Нахимова» спасательных

судов, словно гигантскими волшебными кистями, отобразили на черном полотне ночного моря реалистичную декорацию для фильма ужасов.

Сотни смертельно перепуганных недавних счастливых пассажиров круизного лайнера плавали в жидком месиве из корабельного мазута и непонятно откуда взявшейся синей краски, слегка разбавленном едкой морской водой. Мужчины и женщины, молодые и старые, – перепачканные краской

и мазутом, все они были неопределенного возраста и на одно уродливое, пятнистое лицо. Вместо веселой музыки над волнами разносились тревожные гудки подошедших на помощь больших и малых кораблей; веселый гам танцующих сменили отчаянные крики о помощи.

Уцелевшие несчастные счастливцы, которых не утащил с собой на илистое морское дно безвременно почивший старый пароход, из последних сил тянулись к звездному небу, тщаь выбраться из адской каши, заполненной к тому же множеством всяческого мусора, всплывших предметов корабельного обихода, ящиков, бочек... Одних эти предметы больно ранили, для других – явились неожиданным спасением: не умевшие плавать до конца своих дней благодарили небо за вовремя подвернувшийся кусок доски или деревянный ящик.

Ни одна из спасательных шлюпок, ни один плот на погибшем судне не сработали, не отделились от своих гнезд, разделив горькую участь парохода. Во избежание произвольного срабатывания спасательные плавсредства были намертво принаитовлены к местам хранения.

Как торты из папье-маше на красочной витрине.

* * *

Наталья Зайцева пришла в себя от тягучей, выворачивающей наизнанку дурноты.

Разомкнув тяжеленные веки, девушка похолодела от ужаса – ей показалось, что она ослепла. Широко открытые глаза не увидели ничего, кроме сплошной черноты.

Забыв обо всем на свете, Наташа изо всех сил напрягала зрение, раздирая глазные орбиты и пытаясь осознать происходящее.

Да что же это такое?.. Господи Боже!!!

Случайно бросив взгляд вверх, Наталья облегченно вздохнула и рассмеялась. Звезды на ночном небе все так же ярко мигали, словно подбадривали попавших в крутую переделку ни в чем не повинных людей. Не ослепла! И не умерла!

Вдруг кто-то невидимый возле самого уха произнес сдавленным голосом:

– А, чтоб тебя!.. Не хватало только с какой-то прибацанной в воде мокнуть... Ну, какого ты ржешь, идиотка? Смешного дерьма наглоталась?..

Говоривший зашелся удушливым, подвывающим кашлем.

Зайцева разом оборвала смех. Кто это?..

Постепенно ее глаза привыкли к темноте. А одновременно с возможностью видеть к ней разом, лавинообразно возвратились и все остальные чувства.

А вместе с ними – и дикий страх. До ее слуха донеслись отчаянные крики утопающих, зовущих на помощь и разыскивающих друг друга людей; онемевшие ее пальцы отчаянной, бессознательной хваткой впились в нечто насыщенное

водой и скользкое – словно в гигантский кусок мыла. Мокрая холодная одежда противно липла к дрожавшей спине; ее обессиленное распластанное тело размеренно поднималось и опускалось, словно плыло по волнам.

Но – воды под ним не было.

Так вот как сходят с ума!..

– Где я? – еле ворочая терпнущим языком, спросила невидимого соседа Наталья, так как ее собственная голова от попыток осознать происходящее начала стремительно наполняться томительной болью.

– Там же, где и я! – послышался все тот же хриплый голос. Видимо, чувство юмора не изменяло грубияну даже в столь печальной обстановке.

– А вы где? – осмотрительно решила подыграть хаму воспрянувшая духом Наталья.

– К сожалению, не в аэропорту... – тяжело вздохнул голос в ночи. – Мы с тобой болтаемся в море на какой-то скамейке. А парходик наш – буль-буль, буль-буль... И никакая собака не спешит на помощь! Сволочи! Падлы!

Внимая визгливому нытью невидимки, Наталья ладонью попыталась смахнуть с век стекающую с волос воду.

Что такое?..

Пальцы скользнули по чему-то липкому и противному. Не имея возможности разглядеть э т о, Наталья поднесла ладонь к носу.

И ее тут же обильно вырвало.

– Господи!.. Что же это такое? – мучительно простонала терзаемая желудочными конвульсиями девушка.

– Это краска! – ядовито прокаркал из тьмы «соскамейник». – А еще – корабельный мазут! Марки М40! Чтоб ты горел... Тьфу! Тьфу!! – незнакомец неуместно язвил, плюясь и откашливаясь.

Наталья хотела было поинтересоваться, откуда в море взялась краска, но набежавшая вдруг волна залила ее полуоткрытый рот препротивнейшей смесью морской воды, невесть откуда взявшейся краски и идентифицированного хамоватым невидимкой мазута.

Внутренности девушки словно вспыхнули адским пламенем. С мучительной болью ее вновь вырвало, вывернуло наизнанку.

С этого момента бурная радость от осознания чудесного спасения сменилась дикими мучениями. Принявший за предельное количество смешанной с анилиновой краской и мазутом морской воды, обожженный и отравленный желудок взбунтовался и терзал несчастную Наталью Зайцеву с изощренностью опытного палача.

Время для мучимой невыносимой тошнотой и болью девушки остановилось. Сколько она пробултыхалась на скользкой от мазута скамейке – она не помнила.

В памяти смутно удержался лишь момент появления спасательных судов и то непонятное и страшное, что произошло с ней дальше.

Яркий сноп света резанул по воспаленным глазам. На фоне ослепительно белого потока, как на экране, вырисовалась плоская, словно вырезанная из жести, черно-синяя взлохмаченная голова с размытым пятном вместо лица.

Лишь через несколько секунд до измученного сознания Натальи дошло, что этот плоский силуэт – ее сосед по спасительной скамейке.

Но что этот сосед-домосед несет?..

– Елки-палки!.. Да это ты, что ли? Ах ты, сука! Вот где ты мне попалась!..

Луч света метнулся в сторону, вновь ввергнув окружающий мир в кромешную тьму.

Внезапно тяжелый удар обрушился на голову несчастной девушки, затем еще и еще. Краем ускользящего сознания Наташа ощутила, как черное чудовище сорвало с ее шеи золотую цепь, затем вырвало из вспыхнувших жгучей болью мочек ушей серьги и принялось холодными клешнями нащупывать ее онемевшие пальцы. Легко сорвав со скользких рук беспомощной жертвы золотые украшения, монстр снова принялся наносить тяжелые удары по голове Натальи.

Затем спихнул обмякшее тело девушки в воду.

* * *

Долгое, долгое время Сергея Антонова терзали ночные кошмары.

Парадокс: некоторое облегчение, как ни странно, принесла ему служба в армии.

Облегчила воинская муштра его моральные страдания – своей невероятной, всепоглощающей тяжестью.

Служба в воздушно-десантных войсках отнимала все силы – как физические, так и душевные. Вымотавшись сверх всякой меры днем, он, едва добравшись до подушки, засыпал мертвецким сном – будто проваливался в небытие, без снов и видений. Подобным спасительным образом на человека действует обильный алкоголь.

Когда же в беспросветной жизни солдат ВДВ случались столь ожидаемые десантниками нечастые «просветления» – дни государственных праздников, зимних холодов ниже сорока градусов или иное что, прерывающее однообразную цепь учений и тренировок – «протрезвевшему» Сергею снова становилось невмоготу.

Воспоминания о проклятом черноморском круизе не давали покоя всю долгую, бесконечную ночь. Сергей лежал с широко открытыми глазами, изо всех сил пытаясь уснуть – ведь завтра, как всегда, предстоял обычный трудный день.

Однако вместо ласковых объятий Морфея на парня накатывали перемешанные с мазутом черные волны. Тогда он реально начинал испытывать муки удушья, как в те ужасные минуты, когда в черном склепе заполненного холодной водой корабельного коридора он отчаянно бросал цепенеющее тело то в одну, то в другую сторону, натываясь на стены, гло-

тая воду и задыхаясь.

Как он выбрался из тонущего парохода – в памяти не удержалось. Будто некая высшая сила повела его, указала ему, в какую сторону плыть в бесконечном лабиринте затопленных переходов, в адской кутерьме из обезумевших, тонущих и уже захлебнувшихся людей вперемешку со всяким хламом.

После столкновения с балкером «Адмирал Нахимов» продолжал по инерции двигаться вперед, беспомощно опрокидываясь на правый борт и погружаясь в бурлящую воду.

Через несколько минут ширина узких коридоров – около метра – превратилась в высоту. Утратившие рассудок люди кидались во все стороны, ища выход наверх их смертельной западни быстро заполнявшихся водой темных отсеков, бились головой о ставшие потолком стены и кричали от ужаса, покуда поднимавшаяся вода не заливала их распахнутые рты, сострадательно прекращая предсмертные мучения несчастных.

Даже не из последних сил, – они давно иссякли, – а каким-то непонятым, чудесным образом Сергей Антонов в полуотключенном состоянии выбрался из железного нутра «Нахимова» и рванулся наверх, к поверхности моря.

Выскочив из воды, как поплавок, он судорожным зевком хватнул драгоценного воздуха – и окончательно потерял сознание.

...Очнулся Сергей Антонов уже на больничной койке.

Первое, о чем он поинтересовался у врачей, было отнюдь не состояние собственного здоровья.

Где Наташа? Она спаслась?

Однако о судьбе Натальи Геннадьевны Зайцевой никто ничего не знал. В списках пациентов больницы, куда в числе прочих доставили и Сергея Антонова, таковая не числилась.

Впавший в черное отчаяние парень сбежал из больницы, переполошив врачей и собственных родителей, которые прилетели в Новороссийск утренним авиарейсом и не застали его в больничной палате.

...Он бродил по кишасим людьми путям железнодорожной станции, на которую были согнаны полдюжину рефрижераторных пятивагонных секций.

Внутри обметанных инеем моргов на колесах рядами лежали замороженные трупы утонувших – выловленных в море и поднятых отважными водолазами с «Адмирала Нахимова». Безутешные родственники, с отчаянным криком, горькими рыданиями или страшным молчанием опознавшие в зачоченевшем, выкрашенном в голубой цвет покойнике отца, мать, сестру или брата, увозили с собой скорбный груз «500», а им на смену прибывали другие – пополняя застывшие ряды в ледяных вагонах и увеличивая рыдающие толпы живых рядом с ними.

Лучшие водолазы, прибывшие в Новороссийск со всех концов страны, рискуя здоровьем и жизнью, круглосуточно поднимали утопленников с затонувшего парохода, ежеднев-

но отнимая последнюю робкую надежду у десятков людей.

В обособленном положении находились те, родных которых не было ни в белом списке спасенных, ни в черном перечне мест груза «500». Они бродили, как неприкаянные, по станции, порту, городским больницам и моргам, упрямо отказываясь поверить в худшее даже тогда, когда операция по подъему тел погибших и поиску выживших была прекращена.

Среди таковых находился и теряющий с каждым днем остатки надежды Сергей Антонов. Он метался по городу вместе с такими же, как он, искал, выбиваясь из сил, – и не находил, забывая о мучившем его тяжелом воспалении легких и не реагируя на слезные просьбы родителей, умолявших его лечь в больницу или хотя бы уехать с ними домой.

Отчаявшимся отцу и матери помогла окончательно свалившая Сергея болезнь. Однажды, тяжело закашлявшись, парень упал прямо посреди улицы и был увезен каретой «скорой помощи» в реанимационное отделение той же «родной» больницы.

После долгого курса лечения Сергей Антонов был увезен родителями домой, а затем – на Кавказ для восстановления тяжело больных легких.

И тогда, на Кавказе, и потом, будучи в армии, Сергей через родителей и знакомых предпринимал отчаянные попытки узнать что-либо о судьбе Натальи, но все было тщетно. Квартиру их в городе снимали какие-то люди, заученно от-

вечавшие по телефону: «Хозяева уехали. Куда – не знаем, когда вернутся – не ведаем». Никто о Наталье Зайцевой ничего не знал, ничего не слышал.

Слаб человек...

Время-песок сделало свое дело. Постепенно Сергей отчаялся и махнул рукой. Видимо, бедная Наталья покоится на дне Черного моря в ржавом стальном гробу, постепенно погружающемся в донный ил, вместе с сотнями таких же несчастных.

И ни к чему тревожить их прах.

...Серебристые рефрижераторные вагоны беззвучно катили по отполированным блестящим рельсам. Сергей открывал и закрывал тяжелые железные двери, переходил из вагона в вагон, словно ехал не в рефсекции, а в пассажирском поезде. Вагоны были загружены какими-то грязными и мокрыми ящиками, бочками, коробками... Сергей пробирался сквозь них, будто продирался через тропический лес, распиливая и расталкивая в стороны горы хаотически наваленного скользкого хлама.

Внезапно путь преградил огромный, до самого потолка, штабель каких-то длинных деревянных ящиков. Сергей начал взбираться по ним – все выше, выше...

С трудом он влез на верхний ящик, глянул вниз – и живот сжало судорожным страхом. Пол вагона отчего-то оказался далеко внизу, словно дно ущелья. А на нем ровными рядами лежали неподвижные синие трупы. Среди них в глаза бро-

сился один – в мокром желтом платье, со спутанными волосами и черным лицом.

Неустойчивый штабель ящиков, на поверку оказавшихся гробами, вдруг покачнулся раз, другой – и Сергей с беззвучным криком полетел вниз, прямо на покойников...

...С мучительным стоном Сергей проснулся и сел на постели. Сердце бешено частило, лоб покрылся холодной испариной.

Нет, это невозможно. Чем так мучиться, лучше чем-нибудь заняться.

В такие ночи Сергей, очнувшись от кошмарного сна, больше не спал. Он тихо вставал, шел в пустой спортзал и до подъема усиленно занимался, качая мышцы и отрабатывая приемы рукопашного боя.

Дежурные офицеры, хоть и усматривали в этом нарушение порядка, ему не препятствовали.

Поезд с синими трупами мало-помалу уходил за горизонт, исчезал, растворяясь в бездонной пропасти забвения...

Часть II

Как всегда понуро горбясь, Дмитрий Ефимович Кошелёв быстро шагал по мутно блестящему от дождя асфальту. Подобно любому нормальному мужчине, Дмитрий, разглядев в туманной пелене дождевых струй семенящие красивые женские ножки, поднимал воткнутый глубоко в землю взгляд и в одно мгновение жадно обнимал глазами их обладательницу, внутренне плотоядно облизываясь. Вслед наиболее симпатичным Кошелёв даже оглядывался – и смотрел, покуда завеса дождя не скрывала от его сального осмотра их аппетитные фигуры.

Дождь всё усиливался. Со слегка вытянутого кончика носа Кошелева густо капала вода. Хлынул настоящий ливень – и по щекам Дмитрия побежали тонкие струйки, стекая за несвежий ворот поношенной рубашки. Со стороны казалось, что уныло шагающий Кошелев горько плачет.

Однако он не плакал, хотя в иные минуты от накатившего отчаяния хотелось разрыдаться подобно сопливой девчонке. Но Дмитрий не был девчонкой и уж тем более сопливой – на своих сгорбленных плечах он с невыразимой усталостью тащил тридцать пять лет бестолково прожитой жизни.

Тридцать пять! Пора, пора тебе, Дмитрий, подводить некоторые итоги – хотя бы промежуточные, ибо середина жизни, ее вершина, уже преодолена. Годы покатались вниз

подобно каменной лавине. Как от них ни убегай, они катятся все быстрее и быстрее. Наступит момент – настигнут и завалят аккуратной горкой. А в горку ту некому даже крест воткнуть.

Н-да, перспективка...

У Дмитрия не было зонта. Он промок до нитки и дрожал, как собачий хвост. Даже встречные-поперечные женщины перестали его интересовать. Желание выпить чего-нибудь горячего заслонило своей широкой спиной все остальные.

Лето в этом году выдалось прохладное и дождливое. Оно раздражало Дмитрия, как сонного человека назойливая муха. «Ну сколько можно поливать!» – злился он. – «Я не гриб, не вырасту!»

Кошелева, как волка, кормили ноги. Оттого-то холодный дождь, мокрый снег, влажный мороз и прочие гримасы юго-западного климата так ему досаждали. Он частенько промокал и мерз, хворал и даже не позволял себе отлежаться – круговорот жизни большого города, всосавший Кошелева с потрохами, не давал такого права. За недвижимое возлежание на боку никто не платил, и злящийся Дима, как цыган из анекдота, с удовольствием сменял бы три зимы на одно лето.

Согнувшись в три погибели, дробно выстукивающий зубами Кошелев перешел на мелкую рысь. Добравшись наконец до своей квартиры, он торопливо толкнул дверь, вбежал

в прихожую и перевел дух. Отдышавшись, Дима вытер ладонью мокрое лицо и захлопнул дверь.

Пройдя в комнату, он с размаху уселся в ободранное кресло. И будто наступил собаке на лапу – так громко взвизгнуло оно под его тяжестью.

Настроение было под стать погоде – мутное, серое. Крайнее уныние расслабляло, парализовало тело и разум. Не хотелось делать ничего: ни переодеваться в сухое, ни кипятить чай. Сегодняшний его выход на рынок закончился впустую – он не выручил ни копейки.

Дмитрий смертельно устал – морально и физически. Сумбурная жизнь пестрого мегаполиса, кривляясь и прыгая, запинала, загоняла его, как старую клячу. Оттого и сгорбился он намного раньше положенного природой срока.

Уставившись в одну точку, Дмитрий задумался. Остановившийся взгляд его водянистых глаз остекленел и не выражал ничего. А вот лицо, руки и даже ноги, подобно зеркалу, отражали бушующий поток мыслей в его мозгу: лежащие на подлокотниках кисти рук с длинными тонкими пальцами беспокойно подергивались, сжимались в кулаки; ноги то подгибались, то выпрямлялись, то скрещивались, ложась одна на другую.

Наиболее выразительно вело себя его худое лицо: тонкие губы то злобно сжимались в щелку, то комично вытягивались в трубку, то горько перекашивались на сторону.

Наконец он дернул головой, вскочил и забегал по комнате

из угла в угол. Потом включил телевизор и снова уселся.

День клонился к вечеру; нудный дождь не прекращался. Он лишь немного умерил свой пыл и теперь тихо шумел, как отдаленный водопад.

Старенький «Электрон», помаргивая экраном – будто ехидно подмигивая хозяину – транслировал очередную передачу о США. Дмитрий замороженно, как ребенок, вбирал в себя впечатляющие красоты тамошней жизни, жадно хлебая их широко раскрытыми глазами. Как в калейдоскопе, на экране мелькали красивые автомобили, ухоженные дома, очаровательные пейзажи – всё яркое и нарядное, как товары на полках в магазине подарков.

Передача прервалась надоевшей до тошноты рекламой. Кошелев, враз спустившись с неба на землю, оторвал взгляд от экрана и с давно и прочно укоренившимся в нем чувством глубокого отвращения обвел взглядом комнату – место его всегдашнего обитания.

От сравнения увиденного рядом с просмотренным только что бесконечно далеким Дмитрию стало не то что психологически – физически плохо: к горлу подкатил вязкий ком, защемило сердце, в глазах от внезапно накатившейся бесильной ярости потемнело.

Такой была его всегдашняя реакция на окружавший быт; но сегодня, после неудачной попытки всучить обнаглевшему до предела клиенту подержанный сотовый телефон по цене нового, ему было особенно горько смотреть вокруг. Ста-

рая ободранная мебель напоминала сползшихся на ночлег бомжей; потемневшие и отвисшие обои ежеминутно грозили свалиться на голову, протертые до дыр половики неудержимо хотелось с глаз долой выбросить в окно. В довершение ко всему холодильник времен царя Гороха был пуст, как голова лоботряса. Даже гороха – и того не было.

От этого промелькнувшего в голове каламбурчика Дмитрий горько усмехнулся, с остервенением сплюнул себе под ноги и уставился в наконец-то с немалым трудом изгнавший рекламу телевизионный экран, где вновь замелькали кадры красивой заокеанской жизни.

Под занавес передачи транслировался сюжет о «Диснейленде». В силу противоречивости натуры Кошелев в душе оставался ребенком (как, впрочем, и многие взрослые, хотя и не признаются в этом никому, даже самим себе), и красочные картинки страны сказок вызвали в нем живейший интерес.

И не только сегодня – каждый раз сюжеты о «Диснейленде» по телевидению или в прессе порождали в груди Дмитрия жгучее желание туда попасть. Почему именно в «Диснейленд» – Дмитрий и сам не знал. Нет, он, конечно же, не отказался бы от поездки куда-либо еще – лишь бы за границу. Но вояж в американский или хотя бы французский «Диснейленд» был его вожаделенной давнишней мечтой.

Окончание телепередачи вызвало у Кошелева новый приступ отчаянной хандры. Выключив телевизор, он улегся

на жалобно застонавший диван и вновь с отрешенным видом уставился в пространство. Его некрасивое, но выразительное лицо опять начало подергиваться, словно бегающие под черепом друг за дружкой беспокойные мысли наперебой пинали его изнутри.

Внезапно бродивший внутри обитателя убогой квартиры, как хмель, круговорот мучительных размышлений прорвал тонкую оболочку молчания. Словно подброшенный выскочившей из дивана пружиной, Кошелев вскочил, обвел удивленным взглядом неприглядную комнатенку, словно впервые увидел ее, и недоуменно произнес, обращаясь к хмуро молчавшему телевизору:

– До каких же пор?

Свершилось – словно прорвался гнойный нарыв, мучивший тело и душу Кошелева последние несколько лет и почти поставивший его на грань психического срыва.

До сегодняшнего дня Дмитрий Кошелев жил, словно во сне: чужой, воображаемой яркой жизнью в мечтах – и серой и скучной наяву. Он был достаточно умен и не мог не замечать трагизма своего положения, глупо и бесплодно проживаемых лет, которые он тратил впустую по весьма банальной причине – отсутствия достаточного количества денег. И самое страшное заключалось в том, что Дмитрий был весьма неглуп и даже некоторым образом талантлив.

А если ты умен – почему ты не богат?

Хорошая поговорка... Не в бровь, а в глаз. Однако суще-

ствует и другая, не менее мудрая: отчего беден? Оттого, что глуп; отчего глуп? Оттого, что беден.

Порочный замкнутый круг. Но его любым способом, каким угодно путем надо рвать! Руками, зубами, ногтями – рвать!!!

В этот хмурый вечер Кошелев словно прозрел. Он принял долго вынашиваемое решение – словно родил его.

И ему стало легче.

Преступный мир, как и животный, тоже делится на классы, виды и подвиды. Особей, преступивших закон, слишком много, а мы – не специалисты уголовного права, чтобы изучать их и описывать. Да и не стоят они того – парадокс славы Герострата им в конечном итоге на руку.

Однако слова из песни не выкинешь.

Споемте, друзья, ведь завтра в поход – на переполненные отребьем улицы.

Нет, что ни говорите, а долг платежом красен. Сколько законопослушных граждан несознательные их собратья исписали «перьями» – статистика еще в каменном веке со счёта сбилась. Так что возьмем в руки перо и тоже попытаемся писать – только не кровью, а чернилами.

Начнем с того, что люди, хорошие они или не очень, или очень не – все-таки не животные. В том смысле, что милые

и послушные зверюшки хоть как-то укладываются в описательные рамки, отведенные им учеными. Сущность же отдельно взятого человека как такового охарактеризовать с какой-нибудь точки зрения – все равно, что при помощи счетных палочек описать работу суперкомпьютера. Хомо сапиенс же во много крат сложнее, многограннее, а главное – противоречивее. Иной его поступок никакой мыслимой логикой, никакими кренделями умственных усилий не опишешь. Кровавый патологический убийца может нежно любить кошек и проливать горькие слезы над сдохшим котенком (и кляп тому в рот, кто скажет, что слезы эти – крокодилы) – в какое логическое прокрустово ложе вы его поместите? И в то же время его моральный антипод, для которого мучителен сам факт существования убийц-маньяков, с сатанинским наслаждением давит жерновом автомобильного колеса того же несчастного котенка – что по этому поводу скажут любители ясной логики?

Однако все мы – люди, и ничто человеческое нам не чуждо, в том числе и противоречивость. А коли так – попробуем разделить неделимое и объять необъятное.

Кто ответит, что опаснее – разъяренный медведь или притаившийся в тупле скорпион? А что страшнее – мощная атака в лоб или тихий удар из-за угла по затылку? То-то же – трудно сказать. Но то, что интеллигентный, с хорошим образованием и высоким общественным положением преступник во сто крат опаснее для общества, чем дебильно-парано-

идальный выродок с ножом в кармане и злобой в глазах – это не подлежит сомнению. В условиях тотальной катастрофы человеческой морали и отхода от Бога четкая грань между преступником и добропорядочным гражданином стерлась, как отработавшая свое тормозная колодка. И внутренних моральных тормозов у человека уже нет, и понятие «страх Божий» вызывает лишь кривую улыбку. А жизнь так и влечет прокатиться с ветерком по трассе, ведущей в рай земной – но в сторону, прямо противоположную от рая истинного.

Однако судить человечество – задача не по нашим скромным силам. Не судите, да не судимы будете...

Речь пойдет о другом, житейском.

Посудите сами – чем так уж страшен уличный хулиган, например? На него всегда найдется адекватная управа, даже если рядом, как всегда, не оказалось доблестных стражей порядка: он вам нехорошее слово – вы ему два; он вас – в ухо, вы его – в рыло; он из кармана нож – вы из-за пояса газовый пистолет... Игра почти на равных. С опасностью вы лицом к лицу – вы ее видите, слышите, можете пощупать (или она вас – это уж как получится). Все это намного упрощает меры противодействия зловредному гаду.

Иное дело – умный и хитрый преступник «в белом воротничке». Он – вроде проникающей радиации: ее не видно и не слышно, однако печальные результаты не заставят себя ждать. Попавший в «зону особого внимания» такого преступника человек становится вроде марионетки в ярмароч-

ном балагане: дергается и пищит тонким голоском, управляемый и ведомый неизвестной силой неведь куда.

Это было бы смешно, если бы не было страшно.

...Дмитрий проснулся внезапно, как от толчка. Вскочив с мятой постели, он сразу вспомнил о принятом вчера судьбоносном решении.

Но... От вчерашнего душевного подъема не осталось и следа. Реалии повседневности вновь навалились на узкие плечи Кошелева таким физически ощутимым грузом, что он присел обратно на разбросанную постель.

Ну, отчего так бывает? Буря восторга, заплескавшаяся в груди вчерашним вечером от разрешения долго мучившего вопроса, превращается в мертвый штиль с первыми лучами утреннего солнца, и вы несказанно удивляетесь самому себе – до чего глупой и наивной оказывается вчерашняя идея, а преграды, виднеющиеся на пути ее осуществления, вырастают до размеров Джомолунгмы.

– Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, – горько усмехнувшись, сказал

себе Кошелев, сунул ноги в истрепанные до неузнаваемости тапки и побрел на кухню.

Наспех позавтракав надоевшей до обморока пресной овсянкой, он тяжелыми шагами вернулся в комнату со своей

любимой чашкой крепкого чая в руке, уселся в кресло и задумался.

Кто виноват и что делать – эти старые, как мир, вопросы за полтора десятка минувших лет истерзали некогда сравнительно чистую душу Дмитрия Кошелева, извозили ее по грязному асфальту городских улиц, вываляли в тротуарной пыли.

Почему лазурные мечты юношества так и остаются мечтами? Светлые стремления, благородные идеалы, некогда отчасти присущие и ему, безоблачному отроку Диме, канули в Лету.

Суровые реалии бытия внесли свои безоговорочные коррективы в розовые замыслы. Ясное, понятное и однозначное съезжилось и забилося в темный угол за сценой, вытесненное с подмостков Его высочеством основной современности – двусмысленностью и лицемерием.

А ведь после случившегося некогда полета в кабине авиалайнера, рядом с экипажем, он окончательно и бесповоротно решил стать летчиком гражданской авиации.

А кем стал?..

Кто (или что?) виновен в том, что вместо благополучной, нормальной, размеренной и достойной жизни он вынужден барахтаться в мутной водице неустроенного бытия? Жить в том вязком болоте, где все свои благородные черты лучше не извлекать из глубокого тайника, потому что они в первую же секунду будут перепачканы зеленой жижей?

Где вместо открытой доброжелательной улыбки настоятельно рекомендуется хронически таскать на лице оскаленную маску с рогами?

Но вот – сварганил черную козью морду, нацепил крутые рога, приклеил острые клыки – а жизнь от этого маскарада лучше не стала.

Вместо благодатных Гавайских островов вокруг все та же унылая невозделанная степь, и одинокая скрипучая соха воткнута в сырую землю.

Всю свою сознательную жизнь Дмитрий Кошелев тужился догнать поезд радости и

счастья, в который еще в начале пути не удосужились посадить его родители. По причине самой обыденной – отсутствия средств на покупку билета в этот поезд. В результате такого расклада Диме выпала черная карта – стоять в числе многих (очень многих!) в придорожной канаве и, глотая дым и пыль, глазеть на летящие мимо сверкающие вагоны, в которых весело катят баловни судьбы, вытянувшие из раздаваемой фортуной колоды козырный туз. Иные из глазееющих безрассудно восстают против раз и навсегда заведенного порядка – пытаются догнать позолоченный поезд и вскочить в него. Некоторым (о чудо!) это случайно удается: они занимают места ненароком выпавших (или выкинутых) из поез-

да пассажиров.

Но обычно происходит не так – беспощадная жизнь твердой рукой восстанавливает статус-кво, и девять из десяти вцепившихся в скользкие поручни на крутом повороте отваливаются, как грязь, и расшибаются в кровь.

А иные – насмерть.

...Прихлебывая горячий чай, Кошелев, будто перед смертью, ударился в воспоминания.

– Эх-эх-эх, – по-стариковски, с присвистом вздыхал он, – дела давно минувших дней, преданья старины глубокой...

Ровно тринадцать лет тому назад, в славном 1986 году, из института связи, как казак из мака, выскочил новоиспеченный инженер Д. Е. Кошелев – с малым оборотным капиталом и большими амбициями. И если из одних небогатое детство формирует людей скромных и неприхотливых, из других оно вылепливает граждан цепких и алчных, главной жизненной целью которых становится стремление в самостоятельной жизни с лихвой возместить все недоданное в детстве «предками».

Кошелев относился к последним. Черная зависть к состоятельным согражданам, завышенная самооценка и полное отсутствие моральных устоев к моменту выхода на жизненные просторы сотворили из него великолепный образец законченного эгоиста и эгоцентриста, человека болезненно самолюбивого, жестокого и безжалостного.

Вот один лишь пример, который характеризовал нашего

героя без прикрас.

Дмитрий имел младшего брата Николая – инвалида детства. Коля родился с дефектом коленных суставов и передвигался с трудом – и уже из-за этого обстоятельства имел моральное право на посильную помощь или хотя бы сочувствие старшего (физически вполне нормального) брата.

Но не тут-то было. Дмитрий относился к младшему брату как к досадной обузе, неудачнику и балласту. Скорее ненавидел, чем любил или уважал – впрочем, как и отца с матерью – и только за то, что все они не были министрами и не обеспечили ему, свету их очей Диме, заоблачный социальный статус. Из-за них, недоносков, он сейчас вынужден был ползать в кишашей массе рабочих муравьев.

Вместо того, чтобы почивать на лаврах муравьиной царевны.

Получающий мизерную пенсию брат вел существование на грани с нищенским. Работавший же во время оно сменным инженером на районной АТС полноценный физически (но отнюдь не духовно) Дмитрий не был столь стеснен в средствах. Однако деньгами ни престарелым родителям, ни брату-инвалиду не помогал – разве что мудрыми советами, которых, впрочем, никто у него не спрашивал.

– Мало денег? – говаривал он. – Пусть зарабатывают! К примеру, закупают сигареты мелким оптом и продают в розницу возле людных мест – вот и зазвенит копейка в кармане!

И вот однажды брату Николаю подошла долгожданная очередь на получение «Запорожца» с ручным управлением. Для инвалида автомобиль – воистину не роскошь, а средство передвижения. В полном смысле слова – протез. И хотя автомобиль полагался ему бесплатно, все же для улаживания некоторых чисто нашенских, отечественных «формальностей» ему требовалась астрономическая для его тощего кошелька сумма – сто долларов.

Коля пришел за помощью к родному брату. Любой христианин, да что там – просто нормальный родственник в подобном случае п о д а р и л бы инвалиду эту не столь уж громадную сумму. Дмитрий же, хоть и имел некоторые свободные средства, эти деньги брату после долгих челобитных просьб и коленопреклоненных уговоров одолжил – под залог золотого колечка и на очень непродолжительный срок.

И когда Николай не принес деньги в указанный день и час, взбешенный Дмитрий примчался к нему и устроил совершенно дикую, непристойную сцену во дворе родительского дома на глазах многочисленных зевак. Устрашающе вращая вытарашченными белками безумных глаз, он тряс брата-инвалида за грудки и орал на всю округу, в непристойных выражениях требуя немедленного возврата денег; в промежутках между выкриками и матерными «этажами» он картинно бегал по двору в поисках топора, дабы зарубить должника насмерть.

Николай вынужден был идти с протянутой рукой к знако-

мым и просить займы по пять, по десять долларов. Через полтора часа «железный лед» Дмитрий Кошелев, бормоча под нос ругательства, унес в потном кулаке несколько мятых зеленых бумажек.

Больше Николай старшего брата никогда ни о чем не просил.

Существует в народе поверье: если ты, даря или одалживая кому-либо что-либо, сильно жалеешь об утраченном, получившему твое «благоденствие» впрок не пойдет.

Так случилось и на этот раз. Николай по обросшему мхом совету старшего брата все-таки начал заниматься индивидуальной трудовой деятельностью, дабы пополнить скудные поступления положенных ему царем и отечеством денег. Освоив новенький «Запорожец», Коля принялся подрабатывать «бомбилкой» – возить «голосующих» на оживленном участке трассы перед пунктом пограничного перехода. Брал он недорого, и пара-тройка небогатых клиентов находилась всегда даже у него, инвалида.

Но, как говорили одесские блатные, недолго музыка играла, недолго фраер танцевал.

В один несчастливый день Николай, столковавшись с двумя пассажирами за один доллар с каждого доставить их в небольшой приграничный городок, помогал им усесться в свое незатейливое такси. Внезапно летевшая на бешеной скорости «копейка», не вписавшись в кривую, со всего хода врезалась в заднее крыло «Запорожца», отбросив его в кю-

вет.

Один из пассажиров Николая погиб на месте; сам Николай был тяжело травмирован и два месяца пролежал в больнице с многочисленными переломами и повреждениями внутренних органов.

«Запорожец» был изуродован до неузнаваемости и восстановлению не подлежал; новое «средство протезирования» можно было получить лишь через десять неумолимых лет. Пьяный водитель «Жигулей» погиб на месте происшествия, «копейку» смяло в драбадан, с небогатых родственников пьяницы не удалось получить ни гроша даже через суд. Скудные сбережения, как в прорву, ушли на лечение. Круг нищеты для Николая Кошелева вновь замкнулся; сердобольный брат Дмитрий вовсе махнул на неудачника рукой и навсегда забыл о его существовании, ведя жизнь обособленно, в соответствии с собственными правилами.

В определенных условиях подобные Дмитрию индивидуумы при наличии хитрости и трудолюбия кое-чего добивались в жизни. Беда же Кошелева была в том, что он ужасно не любил трудиться.

Дмитрий был буквально пропитан ленью, как каша маслом. Она будто сочилась из всех пор его узкоплечего тела со слегка выпирающим животиком, когда Кошелев, разва-

лясь в кресле с огромной чашкой чая в руке, гнусавым голоском изрекал, вяло потрясая свободной кистью: «Труд во всех его проявлениях мне противопоказа-а-ан!»

Продержись Советская власть на своих глиняных ногах еще хотя бы десяток-другой лет – так и просидел бы Кошелев всю свою сознательную жизнь в кресле: на работе – в невысоком руководящем, дома же – в широком велюровом. Но свистнули ветры перемен – и довелось Димочке, скрепя сердце и скрипя зубами, выбираться из кресел на вольный воздух. Ибо за придание блеска штанам в рабочем кресле стали платить до обидного мало и не всегда, за сибаритское же возлежание в кресле домашнем не платили еще никому и никогда.

Хочешь-не-хочешь, а пришлось Кошелеву превращаться из диванного лентяя в лентяя кипучего. Уволившись со службы государевой, он суетился и бегал – зимой и летом, в зной и стужу в поисках заработков легких и обильных, абсолютно не желая строить бизнес по кирпичикам долго и терпеливо, вкладывая деньги в развитие и довольствуясь малым. Но увы и ах – проклятые обожаемые крупные купюры нигде не лежали стройными штабелями, и никто не горел желанием платить Кошелеву за красивые глаза, коими, кстати, он и не обладал. А посему приходилось нашему герою – ведь кушать-то хоцца! – зарабатывать на кусочек хлебушка способами самыми прозаическими, лелея в душе голубую мечту о завтрашнем благополучии. Настоящих друзей

в силу вздорности характера Дмитрий не имел – в основном индифферентных знакомцев – а посему выписывать кренделя по мегаполису ему приходилось в скучном одиночестве.

Для воплощения эфемерной бирюзовой мечты в реальный, гладкий и тяжелый золотой слиток нужна была свежая, нетривиальная идея. Нечто совершенно оригинальное и особое. Что-то этакое, которое произведет фурор в застоявшемся болоте однообразия и серости.

Но – что? Все мыслимое и немислимое уже внедрено в пестрый потребительский рынок ушлыми людишками, не стоившими его, великого Кошелева, обкусанного ногтя.

Ну почему, почему какие-то быки колхозные на поверку оказались – и каждый приходящий день оказываются – умнее, догадливее, сообразительнее, расторопнее Меня? А?! По-че-му-у-у?! Отчего они догадываются махнуть напрямиком через игровое поле, срезав угол, и становятся чемпионами, в то время как я, хитрый и мудрый, ковыляю, дурак дураком, в числе последних по четко обозначенной беговой дорожке?

Как, на каком загибе их, подлецов, обойти и сгрести в свои потные ладони призовой фонд?

Кошелев задыхался от бессильной злобы на всех и вся и рвал на груди теснивший воротник.

Мстить! Платить благополучным гадам той же монетой, которой они платят ему, да еще с процентами! Чтоб мало не показалось!

* * *

В тот черный летний день Дмитрий Кошелев проснулся с ощущением распирающего душу праздника.

Сегодня впервые в жизни ему предстояло сесть за руль собственного легкового автомобиля.

Ценой невероятных трудов и лишений он скопил три тысячи серовато-зеленых американских долларов, каковые еще с вечера аккуратно были подобраны купюрка к купюрке и уложены в потайной карман брюк. Разного рода разбойный люд мог расслабиться – сам хозяин мог вскрыть свой «тайник» только в туалете или ему подобном укрытии, подальше от стыдливых женских глаз.

Ах, как же ему хотелось опуститься в мягкое кресло собственного автомобиля, охватить левой ладонью шероховатый обруч рулевого колеса, а правую нежно и устало опустить на отполированный шарик рычага перемены передач – и лететь, лететь по гладкой ленте автотрассы! Это ни с чем не сравнимое, упоительное чувство чуть ли не каждую ночь овладевало им во сне, вызывая восхитительную телесную истому, сравнимую разве что с полузабытой подростковой поллюцией.

Проснувшись же, «кремлевский мечтатель» с горьким вздохом возвращался с перистых облаков на грешную землю. Более-менее приличная иномарка – или даже «сделано

в СССР. Руками!» – в ближайшие тысячу лет ему не светила галогенными фарами. За тройку с тремя нулями – для кого суточный карманный расход, а для Кошелева бешеные деньги – можно было приобрести лишь экспонат со свалки, лично знавший времена кукурузы на крайнем севере.

Но старый любитель автотехники (к сожалению, безответный) надежды на лучшее не терял. Главное – терпение и еще раз терпение. Опыт есть – чего еще нужно? И с небольшими средствами можно при горячем желании откопать что-нибудь приличное. А при покупке – не зевай! Внимательно осматривай товар и на нетерпеливые «подгоны» хозяина не реагируй. Знаем мы вас, мошенников. Покрасите машину масляной краской и норовите за новую всучить!

– Но со мной, Генри Фордом-Кошелевым, подобный финт не проконает! – вслух произнес Дмитрий и сунул ноги в растоптанные до валенкообразности тапки.

У него не достало терпения даже нормально позавтракать. Наскоро проглотив обычную порцию приевшихся до смерти овсяных хлопьев, запаренных мутной крановой водой и лишь слегка подслащенных, он в авральном порядке оделся и выскочил на улицу.

В полном смешении и смятении всех чувств и функций организма самозванный Генри Форд на попутке добрался до автомобильного рынка под красноречивым именем «Яма». Как он «голосовал», кто его вез, сколько он заплатил – в памяти не удержалось.

Пришел в себя Кошелев лишь на авторынке, в какой-то момент с удивлением оторвав затуманенный взор от созерцания мятого бампера какой-то серой «двадцать первой» «Волги».

Тьфу, наваждение! Да что это со мной!

Усилием воли Дмитрий собрался, методом размеренного дыхания привел в порядок изменившие ему нервы и огляделся вокруг.

Бесконечные ряды разноцветных и разнокалиберных машин – в большинстве легковых, частью же микроавтобусов, грузовиков, мотоциклов и даже тракторов – заполонили все видимое пространство вокруг маленького человека, принявшего выстраданное решение купить четыре кресла на колесах. Под нахмурившимся грозовыми тучами низким небом кипели нешуточные страсти – совершались и расторгались сделки, ругались, мирились и даже дрались торговцы, покупатели и посредники, пригоняли свои примусы на колесах автолюбители, искренне желающие сбыть свою надоевшую собственность с рук, и уезжали на благоприобретенных «примусах» счастливые (пока еще) автовладельцы.

– Как бы еще под дождь не влипнуть! – негромко пробормотал потенциальный владелец одного из тысяч «примусов» и растерянно почесал в затылке – с какого края начать?

Он потерянно сунулся в одну сторону, в другую... Как бы так двинуться на поиски, чтоб и быстрее дело двигалось, и чтоб не упустить чего!

Ну, как говорится, – начнем от печки. Покрутившись на одном месте, как дворняга в погоне за собственным хвостом, Дмитрий дробной рысью направился к въезду на рынок со стороны автотрассы, стараясь не смотреть на разноликие железные соблазны по сторонам. Сейчас, милые, сейчас... Один момент – и вот он я!

У края «Ямы» Кошелев отдышался, утер пот со лба и нырнул в самый первый ряд разномастного железного хлама, с ходу чуть не стукнувшись головой о высокий радиатор испещренного пятнами «УАЗа», по милости схватившего Дмитрия за рукав здорового грузина в фетровой шляпе на голове вместо привычного «аэродрома».

– Пачшиму туда-суда ходышь, дарагой? – на всю «Яму» заревел грузин, радостно вращая вытарашченными белками черных глаз. – Машыну ищишь, да?

– Что?.. А, да, да... Ищу, – закивал головой обескураженный столь навязчивым сервисом Кошелев.

– Так зачшэм тибе ешчо куда-та хадыт? – искренне удивился нахальный кавказец и широко взмахнул свободной рукой, будто желая врезать съезжившемуся Кошелеву по скуле. – Вот – ачличный машин! Звэр-р!! Купышь – нэ пожалеешь! До кханца сваых днэй будышь вспомянат минэ! Па гарам будышь скакат, как горни кхазол!..

«Горного козла» чуть не свернуло в поросячье ухо. «Вот прицепился, собака!» – с замиранием сердца подумал Кошелев, заприметив еще одного жителя гор, спешащего, види-

мо, на помощь земляку. – «Нафиг мне его долбаный „УАЗ“? Сматываться нужно, пока не захомутали!»

Преодолевая неприятный холодок в животе и тошнотную слабость в ногах, Кошелев с трудом высвободил рукав из крепкой руки продавца и, насколько мог, твердо заявил:

– Мне джип не нужен!

– А шьто тебе нужэн? – тут же нашелся опытный маркетолог в шляпе. – Гавари – в адын мамэнт падгоным!

– Нычэго нэ нужэн! Минэ дэнги нэт! Савсэм!! – от страха перешел на русско-грузинский выговор бедняга Кошелев – вот оно, о чем его не единожды предупреждали знакомые! Попал сапогами в йогурт!

Однако грузин моментально потерял к Дмитрию всякий интерес.

– Нц-а! – презрительно цыкнул он языком. – Эсли дэнги нэт – зачшем «Яма» ходышь? Зачшем минэ галава марочышь? Иды атсудова!

С этим суровым напутствием джигит толкнул неудавшегося покупателя так, что тот едва не врезался головой в соседний железный экспонат.

Утершись, неопиcуемо довольный счастливым разрешением имевшего случиться конфликта с «кавказской мафией» Кошелев выровнял полет и скорым шагом молча направился прочь.

Попав с корабля на бал в торговый переплет, Дмитрий не замечал внимательно следившей из-под низко надвину-

той бейсболки за всеми его неуклюжими маневрами пары глаз с хищным прищуром.

– Привет! – внезапно прозвучал над самым ухом еще не совсем оправившегося от цепкой хватки волосатых грузинских рук Дмитрия приятный негромкий голос. – Что, чуть не «попали»? Кавказцы – это мафия! С ними история обычно короткая: заговорил о чем-то – труба. Всучат какую-нито рухлядь и все бабки из твоих карманов выгребут! И хорошо, если живым из «Ямы» вылезешь! Меня, кстати, Андрей зовут.

– Дмитрий... – машинально представился Кошелев и повернул голову в сторону говорившего, наткнувшись взглядом на дружески протянутую для рукопожатия руку.

Жесткий взгляд льдисто-голубых глаз вступившего с ним в разговор человека странным образом не вязался с широкой приветливой улыбкой.

– Погодка сегодня неважная, – все так же сверкая великолепными зубами, продолжал Андрей – крепкий парень в спортивном костюме и красной бейсболке «Найк». – Машину выбираете?

– Выбираю! – заговорил мигом оттаявший в потоке теплого участия Кошелев, пожимая крепкую ладонь парня. – Да вот – меня самого чуть кацо не выбрал!

– Во-во! – весело захохотал новый знакомый. – Да ну их, кавказцев! Не стоит с ними, носатыми-полосатыми, связываться! – внезапно оборвал он смех и наклонился ближе

к уху Дмитрия.

– Только никому не говорите! Неровен час, узнают мужики – со свету сгноят!

– Что никому не говорить? – недоуменно уставился в еще больше сузившиеся глаза доброхота Кошелев.

– Да машину я продаю дешево! Понимаешь, Дима, надо в рейс идти, а бабло – на нуле. Хочу по-скорому сбыть свой родимый аппарат, а то судно без меня уйдет. Нас таковских сейчас – пруд пруди. А без первого «взноса» – никуда... Ну, ты же мужик нормальный – сечешь! А из рейса возвернусь – новую прикуплю!

– А что за машина? – не дал увести себя в сторону мудрый Кошелев, немало польщенный высокой оценкой малознамого человека.

– «Ситроен-ДС»! – гордо отвечивал вольноопределяющийся моряк. – Не новый, конечно, но – в хорошем состоянии. Зато «Ситроен» – это вещь! Фирма! Да что я распинаюсь – лучше одни раз увидеть!

Новый продавец Дмитрия за рукав не тянул. Ноги сами понесли замороженного волшебным словом «Ситроен» Кошелева следом за направившимся вглубь рынка Андреем.

Шли долго, выписывая замысловатые кренделя промеж разновеликих легковушек, стоявших стройными рядами и неровными колоннами, а то и просто бардаком. Рассматривать выставленные «лоты» новый знакомый Кошелеву отчего-то не давал, постоянно занимая его внимание непринуж-

денной беседой.

Наконец, в самом конце очередного длиннющего ряда легковушек Андрей остановился и широким жестом указал на отблескивающий тусклыми бликами «Ситроен» насыщенного синего цвета.

Он мог бы и не размахивать руками. «Ситроен-ДС» спутать невозможно ни с каким другим автомобилем на земле.

Широко раскрытыми глазами Кошелев впитывал в себя чудесное видение.

Длинный и широкий красавец-француз низко восседал на утопленных в кузовные ниши колесах с потертым протектором. Благодарение Создателю – Дмитрий немного разобрался во «вражеской» технике и был наслышан об изюминках «Ситроена-ДС» – о том, что гидропневматические амортизаторы специальной конструкции, сжимаясь в нерабочем состоянии, приподымают над землей кузов автомобиля при запуске двигателя, и о рулевом колесе с единственной спицей. В ответственный момент дока Дмитрий вполне мог избежать глупейших вопросов типа «А руль что – сломан?» и выдать свою провинциальность с потрохами.

Напротив – от первой же реплики Кошелева узкое и длинное лицо Андрея удивленно вытянулось еще больше.

– Какого года выпуска аппарат – семьдесят четвертого?

– Семьдесят пятого! – после неуловимой секунды промедления удовлетворил любопытство ушлого клиента слегка озадаченный продавец. – Но – после капитального ремонта!

Да вы сядьте за руль, сядьте! Сразу скажу – вам понравится!

Дмитрий с ощущением царя, впервые садящегося на трон, открыл заскрипевшую тягучим скрипом дверцу и блаженно погрузил свою «пятую точку» в мягкое водительское кресло.

– Она не битая, не перевернутая, даже не целованная! – продолжал трещать над ухом «моряк». – Из самой Франции!

Будто «Ситроены» в семидесятых могли производить славные хунвэйбины или красные кхмеры!..

Совершенно разомлевший, как линь в ухе, Кошелев не заметил призывный взмах руки Андрея кому-то невидимому.

Пока Дмитрий, как дошкольник в отцовской машине, с глупой ухмылкой дергал рукоятки и выжимал педали, у места предполагаемой сделки нарисовался низкого роста крепыш с бритыми висками.

– Здравствуйте! – излишне громко, словно с глухим, поздоровался он с Андреем, многозначительно подмаргивая хитрым глазом. – Ваш «Ситроен»? Классный аппарат! Вещь!

– Да, мой. Вещь действительно неплохая, – скромно, но громовым голосом отвечивший владелиц «классного аппарата», кивком головы указывая на сгорбившегося в салоне Кошелева. Крепыш в свою очередь понимающе тряхнул головой и вновь затрещал:

– Какого года машина? Семьдесят пятого? После капремонта? Да это же супер! Эксклюзив! Со вчерашнего дня хожу по «Яме», присматриваю себе автомобиль – ни одного такого не встретил! И вот наконец!

– Да вы посмотрите! Может, столкнемся! – излишне суетливо зачастил Андрей, так, чтобы не было заметно со стороны, указывая пальцем на часы.

Тут чуть не начавший пускать пузыри и дудукать малыш Кошелев, совершенно не замечавший странных жестов двух господ за бортом, но прекрасно слыша их деловые переговоры, спохватился.

Да что же это он, ротозей, примеривает шкуру неубитого медведя? Сейчас этот голос за окном выложит на бочку деньги – и будь здоров! Плакал его, Кошелева, «Ситроен»!

Вознамерившаяся ускользнуть из рук синяя птица придала Кошелеву смелости – а наглостью он мог поделиться со всей «Ямой». В мгновение ока выскочив из салона, Дмитрий рубанул воздух рукой перед самым носом низкорослого «искателя».

– Извините! Я первый стоял... то есть, сидел... ну, короче!..

Крепыш отступил на шаг назад и примирительно выставил ладони вперед:

– Да я что! Я – ничего! Первый так первый! Давайте вместе глянем – мне просто интересно.

Пунцовый от своей бестолковой тирады Кошелев благодарно и несколько театрально поклонился незнакомцу. Вдвоем они принялись осматривать машину со всех шести сторон. Дипломатичный владелец им не препятствовал и лишь изредка вставлял в сугубо специальный разговор

свои хозяйские комментарии:

– Подфарник с трещиной? Да это мелочи! Таких на базе – тыщи! Протектор потерялся? Ну, что вы хотите... Новый протектор в автосалонах отдыхает. Вмятина в крыле, говорите? Спокойно рихтуется!

Двери скрипят? Так и положено! Да, да! А вы не знали? Незнание не освобождает от покупки, ха-ха! Что? Магнитолы нету? Украли, сволочи. Купите новую – лучше, чем была! И бумажник из «бардачка», и коврики с пола заодно похитили мерзавцы... Радиатор паяный? Да-а-а... Как же это я не заметил... Да что – скину пару сотен! Новый радиатор того не стоит!

Медвежковатый добровольный помощник тоже сыпал профессиональными замечаниями, словно продавец-консультант:

– Мотор отрегулирован, как часы!

Кошелев, отнюдь не слышавший работы мотора, а лишь видевший начищенный до блеска блок цилиндров, загипнотизировано кивнул головой.

– Поршневая, вдруг что, спокойно подходит от любой «Тойоты» ... Ведущие полуоси – взаимозаменяемые с «восьмеркой» ... Копейки стоят... Радиатор, если потечет, точь-в-точь подходит от «семерки» ... Зато кузов – лялечка! А кузов – основа машины! Да вы сами гляньте – ни пятнышка, ни граммочки ржавчины!

Кряхтя от натуги, Кошелев согнул непривычные к низким

поклонам телеса и, втайне досадуя на мягкую пыль, опустил в нее колени, обтянутые единственными своими приличными брюками. Доброхот, секунду назад поднявшийся из праха у низко опущенного старика «Ситроена», с ловкостью белки вновь улегся на утрамбованный грунт.

– Видите? Вы видите? Днище как новенькое!

Выкрутив шею до болезненного хруста в затылке, Кошелев повел выпученными глазами за указующим перстом профессионала.

Действительно, ровный черный цвет покрывал днище «француза». Ни дырочки, ни вмятинки.

С этого момента Дмитрий весь, без остатка, подпал под скромное обаяние французской буржуазии. Отныне он не мыслил себя вне вожделенного «Ситроена».

Да и к тому же – довольно издеваться над честным человеком и обижать его недоверием, всякими проверками-гляделками. Словно гинеколог на приеме, честное слово. Да и дождь вот-вот сыпанет из клубящихся серых туч – мокни тогда в этой «Яме»!

Дмитрий разогнул трескучую поясницу, отряхнул руки и, усилием воли сурово хмуря расплывающееся в дурноватой улыбке лицо, приступил к завершающей части супервыгодной сделки.

Однако прежде, чем он открыл рот, улыбка сама сползла с тонких губ. А ну, как запросит Андрей, как за родного папу? Что тогда? Отправляться восвояси, несолоно хлебавши?

Ну, нет! Ни за что не выпущу из рук такого красавца! Ты что! Все бабы мои будут!

Дмитрий набрал побольше воздуха в грудь, как перед прыжком с моста в воду, и ухнул:

– Сколько просите?

– Пять! – виновато пожал плечами Андрей. – Хоть и жалко, да бабки срочно нужны. Хотел пять с половиной, но хорошему человеку уступлю, как и обещал.

Крепыш с бритыми висками не смог скрыть огорчения.

– Ну, елки! Подвали я на пару минут раньше! Такую красавицу из-под носа увели! За сущие копейки! Ну, невез-зуха!

Дмитрия словно варом обдало. Он обмяк, опустил руки и поник головой.

– У меня всего три тысячи... – удрученно объявил он потухшим голосом, изо всех сил сдерживая наворачивающиеся на глаза горькие слезы.

Владелец «Ситроена» и «опоздавший покупатель» вновь молниеносно переглянулись.

– Н-да... – озабоченно протянул Андрей и почесал в затылке. – Что ж делать-то... А одолжить ни у кого не можете?

– Могу! – воспрянул духом Кошелев. – Конечно, могу! – робкая улыбка надежды вползла на его удрученно сжатые подковкой бледные губы.

– Где? – без промедления продолжал развивать мысль Андрей. – Здесь, на «Яме»?

– Да нет... – вновь затосковал Дмитрий. – Там, в городе.

У друзей.

– Если недолго – я могу подвезти! – неожиданно предложил свои услуги крепыш.

Впавший в гипнотический сон Кошелев даже не задумался над истинными причинами подобной непонятной услужливости незнакомого человека. К тому же, логичнее было съездить на этом же приобретаемом «Ситроене» – заодно и опробовать автомобиль в ходу.

Но нет: ослепленный Кошелев – точь-в-точь пылко влюбленный, который видит в объекте страсти одни лишь достоинства и не замечает недостатков, а к трезвым доводам окружающих и остатков собственного рассудка и вовсе глух – с радостью принял заманчивое предложение.

После недолгих уговоров и двух клятвенных заверений вернуться через час-другой окрыленный покупатель передал продавцу в виде задатка половину оговоренной стоимости и пулей помчался за оставшейся суммой.

...С замиранием сердца возвращался Кошелев на авторынок через три с половиной часа под наконец-то хлынувшим проливным дождем. А вдруг Андрей за это время все же продал «Ситроен» и проклинает на чем свет стоит запоздавшего Кошелева?..

Собрать за столь короткий срок недостающую сумму оказалось непросто. Слава Богу, хоть добровольный помощник оказался добрым и отзывчивым парнем, а то и вовсе труба. Безо всяких упреков и красноречивых поглядываний

на часы новый знакомый Семен возил смущенного Кошелева по разным адресам, оказав тому неоценимую услугу. Предложенные десять долларов «на бензин» Сеня принял лишь после долгих уговоров благодарного по гроб жизни Кошелева.

На подъезде к рынку Дмитрий вовсе вжался в глубокое кресло «БМВ». Вот сейчас подъедем – а «Ситроен» уже продан!

Влюбился парень, но она была другому отдана...

Х-ху-у-у!..

Вздых облегчения ветром пронесся по уютному салону «БМВ». Кошелев утер взмокший от волнения лоб и выпрямил скрюченное в неведении тело.

«Ситроен» покорно стоял на прежнем месте. Внутри, за омываемыми потоками серой дождевой воды стеклами, смутно угадывалось несколько расплывчатых силуэтов. Кошелев вновь напрягся в недобром предчувствии – не иначе, покупатели от дождя укрылись и ведут расчет с хозяином!

Все, конец. Кто не успел – тот опоздал.

Какова же была его радость, когда мокрого и взъерошенного Дмитрия радушно пригласили в сухой и уютный салон.

Один из силуэтов идентифицировался как частный нотариус, второй оказался офицером ГАИ. Сообразительный, добрый, умный, терпеливый, и вообще – прекрасный рубаха-парень Андрей догадался не затягивать дела, вынуждая покупателя под проливным дождем разыскивать нотариуса

и иже с ним. Что? И расходы по оформлению сделки Андрей тоже великодушно берет на себя? Ну-у-у!..

В порыве взвихрившихся чувств Кошелев горячо сжал руку теперь уже закадычного друга и желанного гостя и даже хотел его поцеловать, но тот отчего-то уклонился.

В теплой дружеской обстановке сделка была завершена к обоюдному удовольствию сторон. В кейсе нотариуса даже оказался миниатюрный прибор для проверки подлинности купюр, каковым Андрей с извиняющейся улыбкой не преминул воспользоваться, дотошно чиркнув каждую из пяти десятков сотенных.

– Я далек от мысли, что ты, Дима, решил меня «нагреть». Вполне могли подсунуть «дурку» тебе самому, разве не так?

Кошелев согласно закивал головой с частотою дятла. К его вящему удовольствию, все купюры оказались подлинными (мало ли чего на свете бывает? И фальшивка могла попасться!). Бережно уложив деньги во внутренний карман «спортивки», Андрей в последний раз пожал потную кисть обалдевшего от счастья Кошелева, вручил ему тихо звякнувшую связку ключей и поспешил откланяться.

То, что весь бедовый квартет покинул «Яму» отчего-то на «БМВ» добровольного таксиста Сени, Кошелева также не удивило. Трясущимися от волнения руками он с третьей попытки попал ключом в прорезь замка зажигания и повернул его по часовой стрелке.

* * *

...Долго, очень долго Дмитрий Кошелев в бессильной злобе грыз локти, с мучительным самобичеванием вспоминая преподанный ему мошенниками суровый, но поучительный урок.

С первых же секунд чуть ли не эротического обладания вождеденным «Ситроеном» Кошелев был повергнут с заоблачных высот в грязную лужу – не только в переносном, но и в самом прямом смысле.

Ошарашивающее открытие Кошелев совершил буквально в первый момент вступления во владение покупкой, еще пребывая на пике неопишуемого экстаза. Двигатель с трудом запустился лишь со второго десятка попыток. Это дизель-то, который в силу своей конструкции должен «схватывать» с пол-оборота!..

Успокоив себя мыслью, что мотор, наверное, просто застыл под не по-летнему холодным дождем, Кошелев поспешил вывести застоявшегося «француза» из размокшей под все усиливающимся ливнем «Ямы» наверх, к благам цивилизации.

Несколько раз «выскочившую» вторую передачу все более одолеваемый смутными сомнениями Кошелев отнес к своей неопытности первый раз севшего за руль подобного «огурчика» новичка.

Но он еще не ведал, какие испытания были уготованы ему подлюгой-судьбой по дороге к дому.

Примерно на половине пути блаженно развалившийся в удобном кресле Кошелев (дизель что-то плоховато тянет... Ну, ничего. Посмотрим, подрегулируем топливную аппаратуру...) вдруг неким седьмым чувством ощутил, что его ноги в худых туфлях подают ему нечто вроде сигналов о какой-то странной некомфортности. Пребывающий на Елисейских полях Даймонд Ефимович Кошелье безотчетным движением передвинул свободную левую ногу чуть вбок. Но и там что-то мешало, что-то назойливо выводило из состояния нирваны.

Наконец Кошелева «достало». Он оторвался от созерцания расстилающейся перед изящным покатым капотом мокрой асфальтовой ленты и глянул вниз.

От увиденного под ногами седой «ежик» волос на голове встал дыбом. Инстинктивным движением Дмитрий бросил педали и подтянул ноги в намокших туфлях к рулевому колесу.

На полу чуда французской автоиндустрии грязными ручейками растекалась неизвестно откуда взявшаяся в салоне вода. Кошелев вылезшими из орбит глазами глянул вверх – с потолка не капало.

Недоумевая, он снова перевел зрачки под рулевую колонку. Как и следовало ожидать, вода небольшими фонтанчиками попадала в салон снизу, с залитой дождем дороги. Как же так?..

Внезапно возникшая в салоне мелкая тряска вывела Ко-

шелева из состояния ступора. Он бросил взгляд в лобовое стекло и углядел, что внезапно прохуdivшийся «Ситроен», дергаясь от не­доста­чи топлива на высокой передаче, само­воль­но съезжает с гладкой трассы на бугристую обочину. По­винуясь водител­ьскому инстинкту, Дмитрий крутанул руль влево и нажал на газ.

Дизель негромко взвыл, но в следующий миг оглушитель­но застучал, так, что этот страшный металличе­ский лязг ото­звался в самых печенках ужаснувшегося «Генри Форда». Ав­томобиль затрясся, словно в лихорадке, резкими рывками продвигаясь вперед.

В такт с этими предсмертными конвульсиями дергалась бесталанная голова бедняги Кошелева.

Надолго сил гибнущего дизеля не хватило. Через полми­ну­ты ватная тишина объ­яла готового разрыдаться от бес­сильной злобы и несказанной обиды французского буржуа.

Не нужно было иметь за плечами автодорожный институт, чтобы догадаться, что в двигателе оборвало шатун.

Поломка серьезная, ремонт дорогостоящий.

...Возможно, что потерявший способность связно мыс­лить и скоординировано двигаться Дмитрий Кошелев просидел бы, тупо уставившись в темную приборную доску, до ве­чера или даже до утра. Из состояния прострации его вывели него­дующие гудки водителей, вынужденных по замыслова­той траектории объезжать стоявший наискосок посреди до­роги «Ситроен». Намечалась недоброжелательная «пробка».

Механическим движением Кошелев толкнул пискнувшую дверцу, выставил левую ногу на асфальт и перенес вес на правую, намереваясь выволочь свой мешок с костями наружу.

Кр-рак! – и его вмиг отнявшаяся нога чуть ли не по колено провалилась сквозь разверзшееся днище автомобиля и прочно утвердилась на мокром асфальте.

Кошелеву показалось, что он сходит с ума. Мамочки!.. Что же это?!

Оставив насквозь промокшую туфлю под «Ситроеном», столетний старец Кошелев с трудом вызволил ногу в сползшем на пальцы простреленном носке, выбрался наружу и встал, как согнутый ураганом столб, под проливным дождем. Угрюмый «француз», как нашкодивший старый пес, низко присел на широких лапах рядом с впавшим в ступор хозяином.

...Поздним вечером какой-то сердобольный колхозник, проезжавший мимо на тракторе, с большим трудом дотащил размокшую синюю калошу с севшим в нее маркизом Кошеле до его обшарпанного «замка». Глянув в безумные глаза владельца «роскошной иномарки», мужик проглотил оказавшийся не в силах вымолвить ни слова об оплате язык и смылся со скоростью звука в неизвестном направлении.

Три дня пролежав недвижимо на диване без сна и еды, худой и желтый Кошелев поднялся со смертного одра и из чистого любопытства обратился к давнему знакомцу Ивану Ху-

дыку, знаменитому «Доктору Айтрещиту», авторитетному профессору по части автомобильных болезней.

Приняв к сердцу состояние друга, близкое к помешательству, Худык забросил текущие дела и без долгих уговоров взялся за обследование впавшего в кому «Ситроена». Он собственным «Фольксвагеном» отбуксировал «удачное приобретение» Кошелева в свою мастерскую и заперся в ней.

Все те несколько суток, покуда Худык священнодействовал в своем царстве ключей и отверток, Дмитрий бродил кругами по микрорайону, не отваживаясь заходить в приземистое закопченное строение. В самой глубине души, таясь даже от самого себя, он лелеял надежду на светлое чудо...

...Вот выходит из врат закопченной «Миссии милосердия» добрый доктор Айтрещит и утомленным, но оптимистическим тоном вещает родственнику больного благие вести: «Ничего страшного. Все можно сделать. Запчастей на базаре – завались. Поставишь мне магарыч – и будем квиты».

Услышав в телефонной трубке усталый пессимистический тон Ивана Худыка, Кошелев вмиг встал перед мастером, как лист перед травой. Он и дрожал точно так, как лист на холодном осеннем ветру, и лицом был так же желт. В гробовом молчании он смотрел на Ивана взглядом побитой дворняги.

– Добрый доктор Айтрещит... под машинами лежит! – нашел в себе силы скаламбурить Дмитрий. – Что же нам он го-

ворит? – с бледной усмешкой попытал счастья бедняга.

Мастер на шутку никак не среагировал. Склонив черно-волосую голову, он стоял, как на панихиде, и только тихонько вздыхал.

– Ну, что? – робким голосом прервал Кошелев затянувшуюся паузу. – Что скажешь, Ваня?

Худык все молчал, сокрушенно качая головой и рассматривая вековечные пятна мазута на своих заскорузлых ладонях.

– Почему ты не взял меня с собой? – вдруг задал он неожиданный вопрос.

– Куда? – слабо улыбнулся Кошелев.

– Да на «Яму», куда! – поднял на Дмитрия наполненные укоризной глаза мастер. – Короче, как мне ни прискорбно это тебе со-об-щать...

Худык вновь умолк, отведя виноватый взгляд в угол мастерской.

– Ну? Ну?! Н-ну-у?! – начав с тона нашкодившего котенка, закончил львиным рыком пораженный в самое сердце автовладелец.

– ... Но ты «попал». В полном смысле слова, – не обращая никакого внимания на понукания, завершил вынесение вердикта Худык. – Сапогами в маргарин.

– Во сколько же обойдется ремонт? – неожиданно спокойным тоном поинтересовался Кошелев.

– Дешевле будет выкрасить – и выбросить! – с тяжелым

вздохом дорезал дергающегося Дмитрия мастер. – Это вечная машина. В том смысле, что продать ее ты не сможешь никогда.

– Ч... Ч-чего? – вытянул по-петушиному шею как пыльным мешком из-за угла треснутый Кошелев. – Что ты сказал?..

– То, что слышал! – угрюмо довесил Худык. – Оглашаю весь список, пожалуйста. Дизель у этого «Наполеона» запоротый. Одна поршневая потянет баксов на семьсот, не меньше. Коробка передач тоже конченная. Амортизаторы надо менять – баксов по сто пятьдесят-двести штук, восемьсот баксов кучка. А в кучке – четыре штуки... Резина крайне хреновая – каждый гаишник будет на штрафстоянку отправлять. Сиденья – продранные до основанья, а затем – хитрые ребята не поскупились надеть на них новые дешевенькие чехлы.

А между тем машина – экспонат для музея автопрома. Таких очень мало осталось. Все запчасти на такой «Ситроен» – только под заказ! Их в самой Франции днем с огнем не сыщешь. Но главное – кузов...

– Что – кузов? – машинально повторил Дмитрий деревянными губами.

– Кузов полностью сгнивший – снизу одни ребра остались, да и те насквозь ржавые. Менять надо. А достать кузов можно лишь ненамного лучший. Год выпуска-то – тысяча восемьсот семьдесят пятый, никак.

– Как – сгнивший? Как сгнивший?! – завыл готовый вцепиться Худыку в горло взбешенный Кошелев. – Что ты годишь, бандура?! Днище было идеальным! Я сам проверял!

– Да «развели» тебя, Дима! – тоном взрослого при разговоре с глупым ребенком прервал ничемные завывания клиента Иван. – Как последнего лоха! Днище машины выклеено обычной! плотной! бумагой! В несколько слоев! И покрашено сверху несколько раз! А под дождем «папье-маше» быстро размокло!..

– Бу... Бу-ма... – Кошелев внезапно побагровел, с неестественным свистом втянул в себя воздух – и повалился на залитый мазутом цементный пол.

* * *

Дмитрий Кошелев пролежал в больнице почти месяц. Перепуганный до смерти его внезапным обмороком Иван Худык чуть не лег с ним рядом.

Слегка оклемавшись и продав своего «клошара» тому же Худыку за триста долларов на запчасти, Дмитрий с лихорадочным блеском в глазах принялся методично, шаг за шагом, разрабатывать план кровавого (на меньшее он был не согласен) и справедливого возмездия ублюдкам, посмевающим втоптать его венценосную голову в жидкое болото.

Охота – пуще неволи. Позабыв обо всем на свете, против обыкновения вовсе скудно питаюсь и крайне мало отдыхая,

дон Дмитрано Кошельтано сутками напролет валялся на колченогом диване, до отказа напрягая непривычный к такому экстриму мозг, перекатывая, шлифуя и обсасывая все детали предстоящего преступления века.

Голова его работала четко и ясно, однако в ней от психической перегрузки, вероятно, сгорел некий предохранитель, напрочь вырубив из логической цепи инстинкт самосохранения, а вместе с ним и опасения за последствия подобного шага.

Мошенников одураченный Кошелев решил ни много ни мало – убить или, как минимум, тяжело покалечить. Хотя бы приснопамятного «морячка» Андрея и помощничка смерти Семена. А если повезет – отправить к праотцам и всю хитрую шайку-лейку, включая имевших пакет акций в этом гадском «бизнесе» частного нотариуса и государственного мужа в милицейских погонах. И при всем при том обеспечить себе железное алиби, ибо загреметь за высокие стены на всю оставшуюся жизнь будущий Кристиан Онассис не имел ни малейшего желания.

Как говорится, в нашей тюрьме – как за каменной стеной...

И главное, главное! – заставить сволочей-экспроприаторов вернуть награбленное. С процентами. И как можно скорее, ибо заимодавцы на днях растеряют куцехвостое терпение и возьмут должника за тощий кадык.

Но – как же это все повернуть?

Задача с десятком неизвестных.

Нанять киллера? Так за такое мокрое до последней нитки дело профессионал затребует, как за родного папу. Да и как на него, крутого профи, выйти? А если его, лопухого внучка Диму, вновь «кинут»? Или же пьеса покатится не по сценарию – что тогда?

Шобло отмороzków с цепями да дубинками обойдется не в пример дешевле, да... Низкая цена – всегда в ущерб качеству. А «повяжут» этих медноголовых – где гарантия, что они будут прикрывать таинственного заказчика жестокого мордобоя в ущерб себе, любимым?

Бред... Бред. Бр-р-ред!

Оптимальный вариант неразоблачимой и неуловимой преступной организации – я, снова я и с нами я. Столь простая схема лишена основного, самого большого минуса любого подполья, его ахиллесовой пяты – толстого рулона длинных языков, который лучше бы в туалетной кабинке использовать, да и всех иных недостатков, присущих любому человеческому сообществу – тупости, зависти, продажности и иже с ними.

Как говорится – с кем идти?..

Но тогда – все, от разработки сценария и до запутывания следов, предстоит разрабатывать и внедрять самому, своими нежными, белыми ручками – а это непросто, ох, непросто!

Думай, Димыч, думай...

От титанических умственных усилий преотвратительно

тошнило, гудела и раскалывалась голова, дрожали и плохо слушались руки. Во рту словно пустыня Гоби раскинулась – лошадиные дозы крепкого чая спасали от непонятной дикой жажды лишь на несколько минут.

Кошелев то вскакивал на трясущиеся ноги и бегал по квартире, то с разбегу падал в кресло, то вновь недвижимо укладывался на старчески кряжавшее ложе.

Однако ничего путного в его дымящейся от перегрузки голове не возникало. Каждый из сформировавшихся в затуманенном сознании вариантов вендетты отвергался при трезвом – после короткого отдыха и чашки крепкого кофе – анализе.

Когда становилось вовсе неумоги, неуемный корсиканец героическим усилием воли заставлял себя немного отвлечься и выходил на короткую прогулку.

А потом все начиналось сначала, вырывая на опустылевший, приевшийся до кошмара бег по замкнутому кругу.

Зарезать сволочей? Так куда ж ему, слабосильному, вступить в открытые рукопашные стычки! Да и, пожалуй, у Андрюши с Сеней тоже ножички в кармашках имеются. А может, и еще что пострашнее...

По-тихому постучать дубинкой из-за угла по бритым затылкам? Да где там! Не все так просто и легко, как может показаться. При его-то мощи не Дима будет размахивать дубиной, а она ним.

Даже если и вернешь одному должок с процентами, дру-

гие неизбежно насторожатся и... Что дальше, за этим «и»?

Застрелить подонков? Так из чего? Из газового пистолета? Или из охотничьего ружья?

Так и мазаевской берданки нет. И скрыться после совершенной казни палачу вряд ли удастся – ведь стрелять придется практически в упор. Да и если честно признаться самому себе – стрелок из «исполнителя» Димы был никудышный. С трех шагов в стену небоскреба мог промазать. В итоге выйдет много шума – и ничего.

Хорошего, разумеется.

Грохнувшись в очередной раз на продавленный диван, вконец очумевший Кошелев безотчетным движением наугад вытащил из кипы валявшихся на полу пожелтевших от времени журналов «Моделист-конструктор» растрепанный экземпляр и раскрыл, как всегда, на последней странице. Бездумно и расслабленно вгляделся в разноцветные картинки.

Постепенно зрение сфокусировалось, и до его задремавшего коротким тревожным сном сознания дошел смысл напечатанного.

И тут же Дмитрий в бешеном прыжке вскочил с дивана и поднес журнал к самым глазам.

А что, если...

* * *

Как ни странно, самым трудным для Кошелева оказа-

лось – отрастить роскошную маскировочную бороду, так как гримировочную взять было негде. На его гладкой физиономии мужские приметы росли крайне скупно и неохотно – разновеликими чахлыми кустиками вместо буйной тропической растительности. К тому же, цвет урожая вызывал отвращение не только у представительниц прекрасного пола, но и у самого Дмитрия – смесь пепельно-серого с седовато-бурым.

Пришлось Кошелеву, как незабвенному Кисе Воробьянинову – усы, собственноручно подстригать и красить отнюдь не окладистую бороду заодно с седой порослью на макушке.

Косметологические изыски не пропали даром.

В одно прохладное осеннее утро из ободранного подъезда поросшей мхом «хрущевки» полным достоинства шагом вышел благообразный пожилой гражданин, до боли напоминавший старого еврея. Он неторопливо вышагивал по посеребренному ночным инеем тротуару, то и дело поправляя съезжавшие с вытянутого носа очки. Длинное черное пальто со странно оттопырившейся, словно у женщины, грудью, широкополая того же траурного цвета шляпа и подозрительно клочковатая иссиня-черная борода придавали ему разительное сходство с ортодоксальным иудеем – разве только черных завитых локонов на висках не доставало. Да и вместо свитков с древними текстами в руках господина угадывалась странного контура длинная и узкая сумка.

Единственное, что можно было абсолютно точно опреде-

лить по внешнему виду пожилого мужчины – это то, что он, несомненно, был болен. Он по-медвежьи переставлял неестественно вывернутые в стороны ноги, словно страдал геморроем, шагал осторожно и неторопливо, словно боялся упасть; приблизившись к господину вплотную, можно было явственно различить тяжелое учащенное дыхание и мокрое от потоков липкого пота лицо с лоснившимся бледным носом, на скользкой поверхности которого невольно было удержаться массивным очкам в черной роговой оправе.

Еще одно, что можно было утверждать с высокой степенью вероятности, – что благообразный «иудей» не испытывал недостатка в средствах. Доковыляв до края проезжей части, чернобородый господин благородным жестом остановил такси, осторожно, в три приема уселся в салон и вальяжно махнул рукой водителю.

* * *

...Осторожно, не подводя колени даже близко друг к другу, полумертвый от страха и волнения перед предстоящей «встречей на Эльбе», Дмитрий Кошелев медленно выбрался из салона такси неподалеку от входа на авторынок «Яма». Поправив покосившуюся на левое ухо черную шляпу и водрузив обратно на потный нос съехавшие с него очки с простыми «оконными» стеклами, он сунул под мышку свою бесформенную сумку и неспешно шагая по-морски – вразвалку,

направился к воротам рынка.

То и дело утирая шероховатым рукавом суконного пальто взмокшее от горячего пота лицо, Дмитрий с большим трудом, чуть ли не с помощью рук переставлял непослушные ноги, мучительно борясь с искушением поворотить стопы назад и задать стрекача.

Шел он все медленнее и медленнее, и наконец остановился, беспомощно озираясь.

Но, поворачивая голову назад, в сторону оставленного за кормой города, Дмитрий каждый раз зримо угадывал грозный призрак выдавшего ему взаймы тысячу долларов низкорослого ростовщика по кличке Колобок – неумолимого и крайне опасного человека, бывшего уголовника. Перспектива получить от Колобка первое предупреждение в виде нанесения неизвестными телесных повреждений средней тяжести Кошелева отнюдь не прельщала.

Да и прочих алчущих немедленного возврата займов ублажить было нечем. Дальновидные расчеты на быструю «раскрутку» с помощью частного извоза были издевательски растоптаны грязными ботинками ублюдка Андрея.

Ну, псячий сын!.. Сегодня я тебе, педерасту, засуну твои же ботинки в два жизненно важных отверстия: один в глотку, а другой – в твой вонючий з-зад!

Обдавшее застывшее заячье сердце Кошелева крутым кипятком воспоминание о снисходительной ухмылке мошенника придало народному мстителю решимости. Жгучая

ненависть, как известно, – одна из сторон отваги. Надежно спрятанные от посторонних глаз злоподлые «сюрпризы» еще подбавляли решимости в трясущиеся от животного страха конечности доморощенного Зорро.

Отбросив всякие сомнения, сицилийский иудей враскоряку затопал внутрь «Ямы». С этого момента его умное серое вещество под дурацкой шляпой было всецело занято горячим упрашиванием неизвестно кого: «Только бы они были здесь сегодня! Только бы не скрылись где! Только бы!..»

Незаметно для себя самого Дмитрий Кошелев бормотал эти шаманские заклинания вслух.

Изнывавшие от безделья два привратника «Ямы», коротавшие смену возле деревянной будки, по-своему расценили встревоженные маневры странного еврея.

– Туалет здесь платный, дядя! – с широкой снисходительной ухмылкой сообщил один из них ковылявшему мимо Кошелеву.

– Да нет! – забулькал, насилу сдерживая смех, его напарник. – Ему, похоже, туалет уже ни к чему. Ему подмыться бы в самый раз да штаны переменить! – и оба заржали во всю ивановскую.

Свинцовая кровь шуганула в голову оскорбленного до глубины души Дмитрия, едва не отправив низко надвинутую на глаза шляпу в стратосферу. От неожиданности он споткнулся и комично замахал руками, выронив при этом громко звякнувшую сумку.

В следующее мгновение Дмитрий Ефимович Кошелев совершил величайший в своей жизни духовный подвиг, скромно оставшийся неизвестным широким слоям общественности. Слышался лишь громкий скрежет превращенных в каменные жернова зубов, крупной дрожью отдававшийся во всем тщедушном теле вершителя судеб.

Сколько сил, душевных и физических, стоило вооруженному до зубов и мерзко оплеванному искателю справедливости не расправиться с насмешниками в две с половиной секунды – средствами математики не счесть.

Вместо неизбежно следующего за наглым преступлением жестокого наказания втоптаный в навоз Кошелев, титаническим усилием воли затолкав обратно рвавшийся на волю злорадный смешок вперемешку с отборной нецензурщиной, проямлил виноватым голосом:

– Прошу прощения... Я не туалет... Я... Мне машина нужна!..

– «Запорожец», что ли? – вновь покатались со смеху веселые сторожа.

– «Бентли»! – сверкнув зловещим взглядом из-под черной шляпы, ледяным тоном рявкнул старый еврей. Подняв с земли свою чудаковатую сумку, он отряхнул с нее пыль, поправил уродливые очки и зашаркал дальше.

Резкая перемена в облике несуразного гражданина разом отбила у сладкой парочки охоту веселиться. Растерянно проводив ковылявшего по тропинке Кошелева долгим взглядом,

охранники недоуменно переглянулись и синхронно пожали плечами.

...Андрей Сипаев и Семен Будин мило беседовали о жите-бытье за тонированными стеклами теплого и по-домашнему уютного салона новенького «Мерседеса». Этот роскошный джип несколько дней тому Будин прикупил в престижном автосалоне, накопив необходимую сумму «праведными» трудами на авторынке.

Не вынеся тягот и лишений воинской службы на холодном осеннем ветру, Андрей Сипаев на время оставил свой пост у сляпанного чуть ли не из старых газет, сверкавшего свежей краской «ДЭУ-Тико». Худосочный силуэт «корейца» отчетливо угадывался на фоне уже по-зимнему низко висевшего солнечного диска. Вся авансцена была, как на ладони, и обаятельный кукловод Андрей позволил себе слегка расслабиться за кулисами.

На «базе» мошенников – в обширном багажном отделении джипа – имелось все необходимое для долгого автономного «плавания», в том числе большой термос с горячим кофе, ящик пива и бумажный мешок с изысками фаст-фуда.

С видимым удовольствием прихлебывая горячий кофе, Андрей Сипаев весело скалил зубы.

– Не я буду, если какого-то козла сегодня на четыре «штуки» не раскручу! Как минимум! У тебя ж, Сема, руки золотые... да, да – не возражай! Механик ты – супер!

Задумчиво попыхивавший сигареткой Будин пожал пле-

чами.

– Да чего там... Все просто. Клей, спрей, пластилин и серпантин. Два притопа, три прихлопа.

– И для лоха – чисто ж...! – закончил тонкую мысль остряк-самоучка, и оба весело расхохотались.

Допив кофе, Андрей зажег сигарету и дымящимся ее концом указал на неуклюже ковылявшего мимо «Мерседеса» гражданина в черном. Тот странным образом хромал, припадая на обе широко расставленные ноги, и по-птичьи вертел головой.

– Третий раз здесь шкандыбает, ворона подстреленная! И чего он ищет?

– Тачку, вестимо! – хмыкнул напарник. – Не иначе, «Запорожца». Горбатого. На что-то покруче пенсии не хватает.

– Не скажи... – задумчиво промышчал Андрей. – Не знаешь, сколько бабла у евреев? Чай, полным-полна коробочка! Сечешь, как он сумку к пузу тиснет? Не иначе, бабки зажимает! А ну, попытаем фарта!

Фронтмен шайки-лейки ужом выскользнул из джипа и, таясь за рядами автомобилей, двинулся наперерез потенциальному «клиенту», на ходу размышляя о широко известной прижимистости потомков Давида и славянских методах ее успешного преодоления.

За высоким бортом микроавтобуса мошенник на десяток секунд застыл на месте, стукнул кулаком о кулак, несколько раз громко выдохнул, сменил на лице оскаленную маску се-

рого волка на благодушную улыбку простодушной дворняги и «случайно» вышел из-за укрытия, чуть ли не помахивая хвостом. Беззаботным прогулочным шагом он двинулся навстречу потенциальной жертве, «рассеянно» поглядывая во круг.

– Шолом алейхем! – сам дивуюсь своей спонтанной мудрости и дальновидности, приветствовал Андрей чернобородого гражданина. Удачное начало – половина дела.

Сквозь слегка запотевшие стекла перекошенных очков на него глянули вытарашенные, как луковицы, безумные водянистые глаза.

«Что выживший из ума старый козел в шляпе, что дерьмо под лопухом – один фиг!» – раздраженно подумал Андрей и хотел уже было плюнуть на придурковатого иудея, но неожиданно тот сам обратился к нему натужным голосом, кряхтя и кашляя через каждые два слова:

– Да... Шолом! Вы... не знаете случайно... кгм... где тут можно... кхе-кхе... машину купить... недорого?

– Вот тебе раз – чудесное совпадение! – тут же запустил «развод» в работу молниеносно сменивший гнев на милость Андрей. – У меня есть как раз то, что вам нужно – машина классная, а прошу немного!

Напористо приблизившись к чудаку в шляпе вплотную, он панибратски взял его под шершавый рукав и, театрально оглядевшись окрест, выдохнул:

– Только никому не говорите! Неровен час, узнают мужи-

ки – со свету сживают!

– Что никому не говорить? – прозвучал запрограммированный мошенником закономерный вопрос «лоха».

– Да машину я продаю совсем дешево! Понимаете... как вас, простите? Георгий? А по батюшке? Иванович? А я – Андрей... Так вот, Георгий Иванович, понимаете – мне пора в рейс идти, а бабло... то есть, деньги – на нуле. Хочу по-скорому сбыть свой родимый аппарат, а то судно без меня уйдет. Нас, моряков, сейчас – пруд пруди. А без первого «взноса» – никак... Ну, вы же мужчина умный – сразу видно! А из плавания возвращусь – новенькую приобрету!

– А что за машина? – включился в незамысловатый спектакль оправившийся от шока Кошелев. Трижды околесив раскидистую «Яму» и не обнаружив нигде самых желанных на данный момент людей, он в расстроенных чувствах брел к выходу, удрученно вздыхая. Но не зря сказано – на ловца и зверь... По всему выходит – хорошая примета. Спокойно, Димыч, спокойно! Не трясись, как заячий хвост! Операция «ы» идет строго по плану!..

– «ДЭУ-Тико»! – с гордостью выпалил лжеморяк. – Не новый, конечно, но – в идеальном состоянии. Машинка – загляденье! Именно то, что вам необходимо! Компактная, но вместительная – три мешка картошки входит, сам проверял! Комфорт – как у «Мерседеса», а расход бензина – четыре с половиной! Меньше, чем у мотоцикла с коляской! Да что я распинаясь – лучше одни раз увидеть!

До напряженного, как взведенный курок, сознания Кошелева доносились лишь обрывки завлекающей трескотни мошенника. Ну-ну... Мели, Емеля. В твоём собачьем распоряжении еще пара минут. Именно столько отвел тебе я, всемогущий Д. К.!

От этой мысли все тело Кошелева наполнилось ощущением небывалого восторга. Сладостный, непередаваемый словами экстаз овладел его рассудком.

Не зря в слове «восторг» есть это «вос», что как бы вверх возносит. По-иному оценить сладкое предвкушение близкого апогея правосудия было невозможно. Дмитрий, для постороннего глаза ковылявший вслед за оживленным «продавцом» все той же опасливой геморроидальной походкой, на самом деле ног под собой не чуял, а парил, парил над каменной тропой, вздымаясь все выше и выше в просторы острого блаженства. Сейчас... Сей-час ... – словно коварный охотник в известном мультфильме, безмолвно выкрикивал сицилийский боевик в обличье чудаковатого захолустного интеллигента.

Где-то глубоко в животе бухало, колотилось взволнованное сердце, швыряя в гудящие виски пригоршни вязкой крови. Голова Дмитрия Кошелева, казалось, вздрагивала от этого гипертрофированного пульса, как от кулачных ударов. Ему приходилось то и дело поправлять нависавшую на острые уши опостылевшую шляпу и ежеминутно грозившие свалиться с мокрого носа бутафорские очки. Взъерошенная

борода его взопрела, как старый валенок.

Кошелев насилу поспевал за бодро вышагивающим Андреем, еле угадывая дорогу сквозь заливавшие глаза потоки горячего пота. Лавина разнородных дум бушевала в его черепной коробке, главной из которых была – не споткнуться, не свести вместе широко расставленные ноги. Ни в коем случае! Ни в коем! Ни...

Уф-ф! Добрались!..

Чернильно-сиреневый «ДЭУ-Тико» скромно помаргивал мутноватыми глазками-фарами в лучах не по-осеннему яркого солнца в самом дальнем углу рынка.

«Предусмотрительно!» – отметил Дмитрий. – «Это нам тоже на руку!»

Все. Рубикон перейден, занавес поднят, пора включать дурачка. Оценка зрителями его игры будет беспристрастной.

Изображая вящую заинтересованность, «пожилой еврей» медленно обошел вокруг автомобиля. Попросил открыть одну за одной все пять дверей, затем капот. Дотошно рассматривал, щупал – чуть на зуб не пробовал.

– Н-да... Н-да-а-а... – мычал что-то себе под нос привередливый клиент, огорченно вздыхая и покачивая сумрачной головой.

Нехитрый расчет чудо-психолога Кошелева оказался верен. Через несколько минут, откуда ни возьмись, на сцене появился «бэк-вокалист» банды Сеня. Едва приблизившись к удивленному «ДЭУ», он тут же запел вдохновенную сере-

наду самому прекрасному автомобилю в мире, попутно причитая о своей злой карме – всюду опаздывать. Вот и сейчас, вознамерившись приобрести своей любимой девушке подобную игрушку, он «пролетел, как фанерка над Парижем».

Шаг за шагом сделка близилась к апогею. Сто раз обсудив бессчетное множество достоинств малыша «Тико» и полное отсутствие недостатков, ударили по рукам – не имевший и десяти долларов в кармане Кошелев после недолгих уговоров «полюбовно согласился» выложить на бочку четыре «штуки». Услужливый Сеня на этот раз вызвался на своей машине доставить на место событий выездную комиссию по утряске бюрократических формальностей – гаишника и частного нотариуса. Их недешевые услуги великодушно предложил оплатить счастливый продавец – дабы пожилому инвалиду не пришлось насиловать свои раскоряченные ноги.

«Растроганный до глубины души» старый козел в шляпе наконец-то получил долгожданную возможность, изображая скупые мужские слезы благодарности, досуха вытереть носовым платком водопад соленого пота, нещадно щипавшего его покрасневшие глаза.

«Пой, ласточка, пой!..» – надоедливой мухой кружилась в голове совершенно не вязавшаяся с ситуацией песенка.

Задуманный сюжет драмы скользил, как по маслу.

Промакивая левой рукой с насмерть зажатым в ней платком горячую испарину на лбу, правой рукой Кошелев конвульсивно тискал старую кожаную сумку у себя на коленях.

С минуты на минуту придет твое время, дорогой. А пока что лежи тихонько в сумочке...

Бойкий крепыш Сеня обернулся на одной ноге – то бишь, одном колесе. Буквально через десять минут распахнулись кукольные дверцы, и в тесный салончик «Тико» ввалились двое – те же провинциальные участники незамысловатого действия. Шайка-лейка собралась в полном составе.

Кошелев будто невзначай остался сидеть на заднем сиденье, за спиной по-королевски восседавшего в водительском кресле Андрея. Худосочный нотариус в суконном кепи, с трудом таскавший свой небольшой ноутбук, примостился рядом с Сипаевым. Офицер ГАИ – здоровенный детина в чудом державшейся на макушке форменной шапке – фривольно грохнулся рядом с нахохлившимся Кошелевым, чуть не перепортив тому всю его хитрую «Барбароссу». Кошелев опасливо отодвинулся от заполнившего своим откормленным задом чуть ли не весь жизненный простор здоровяка в самый угол.

Тихонько повизгивая, затасканный малыш «Тико» под непомерным весом четырех мерзавцев присел на тщедушных лапках чуть ли не до холодной земли.

– Приступим, что ли? – рявкнул басом гаишник и широко улыбнулся насуспенному клиенту. – Эй, уважаемый! – воззвал он к Дмитрию, как к глухому, и по-дружески толкнул его ногу своим слоновьим коленом.

Как ни напрягал Кошелев мышцы нижних конечностей,

это ему не помогло. С таким же успехом он мог противостоять напору танка «Индепендент».

Неожиданно и глухо, словно из-под земли, хлопнул выстрел. Не понял никто ничего, кроме самого резко дернувшегося «сицилийца» в иудейской шляпе. Сам он тоже не осознал всего до конца – дружелюбно сидевший влоборота Андрей отчего-то даже не пошевелился. Видимо, маломощная пуля застряла в спинке сиденья.

Раздумывать об этом было ни к чему и некогда. Случайный выстрел сослужил Кошелеву службу холостого залпа «Авроры».

С быстротой и ловкостью циркового мага Дмитрий выхватил из сумки пистолет с длинным глушителем и приставил его к виску застывшего с глупой ухмылкой на побелевшем лице Андрея Сипаева.

– З-заводи, п-падло! Этот т-твой гр-р-роб хоть за-заводится? – стуча зубами от лихорадочного возбуждения, громко велел неожиданно переменившийся Кошелев хозяину автомобиля. – Поведешь этого «корейца», куда укажу!..

Против ожидания, двигатель малыша «Тико», видимо, испугался грозных окриков злого дяди в дурацкой широкополой шляпе. Послушно запустившись, он с натугой поволок примолкнувшую четверку вон с «Ямы».

Отдыхавший после блестяще отыгранной роли в своем джипе Семен Будин оторвал от влажных губ недопитую бутылку пива и недоуменным взглядом проводил прыгавший

на ухабах сиреневый автомобильчик. Куда это они?

Видно, выживший из ума старикан закомандовал проверить машину в работе. Что ж, десяток километров этот «лего» должен пробежать. А дальше... А дальше – если через пяток-другой минут эта гоп-компания не воротится, придется выручать. Трос, вроде, в багажнике валяется...

Семен Будин вновь расслабленно откинулся на мягкую спинку кресла и предался блаженной неге.

* * *

Блестящий план Кошелева погубили его идиотские очки. По крайней мере, так ему казалось.

На деле же свалившиеся с раскисшего носа окуляры всего лишь предоставили заложникам удобный момент для решительного перелома в безмолвной схватке. Коварно закусивший губу тяжеловесный гаишник давно разглядел марку трясающейся у затылка перепуганного Андрея «пушки». Этот газовый «бульдог» был хорошо знаком служителю закона. «Ишь, фуфлыжник!» – мысленно смешивал «террориста» с грязью бравый офицер. – «Глушитель к „газовику“ присобачил! На понт решил взять, сморчок трухлявый! Этот глушак твой даже газа не выпустил! Лучше бы задницей стрелял – больше толку было б! И что удумал, пенек старый? Чего тебе надо? Н-ну, крыса помойная! Подожди-подожди!..»

Насмешник и не догадывался о том, что он был не совсем

прав в своих догадках.

А вернее, совсем не прав.

Револьвер разбойника в прежней жизни действительно был газовым. С той лишь разницей, что заряжен был он начиненными дробью патронами, и в ближнем бою представлял реальную угрозу.

Но, поскольку начинка патронов смельчаку в тесной шапке была неведома, он безоглядно ринулся в сражение, попутно разыграв для ошарашенных поделщиков доморощенный вариант подвига Матросова.

Покуда подлый захватчик ловил ускользящие очки, словно блох в сорочке, отважный заложник сколь мог молниеносно бросился на сидевшего в двадцати двух сантиметрах потного «киднеппера». Громадной правой лапищей гаишник, словно клещами, схватил дохляка за руку с пистолетом, а ничуть не меньшей левой нежно обнял оппонента за тонкую шею, напрочь перекрыв тому дыхание.

До этого момента крепко колебавшийся Кошелев – прежняя его решимость стрелять в людей уже чадила, догорая, – в смертной панике нажал на спуск револьвера.

Презрев бутафорский глушитель, в тесном объеме таун-кара громко бахнул выстрел.

С головы каменно угнездившегося в пассажирском кресле нотариуса словно некто невидимый сшиб модную кепку, неловко зацепив при этом стальными когтями левую сторону лица. Мелкая дробь, попутно превратив ухо и щеку бед-

няги в кровавый дуршлаг, с тонким визгом прошлась по лобовому стеклу.

От неожиданности послушно руливший в указанном направлении Сипаев сбился с ноги. От пронзительного женского вскрика подстреленного буквоеда он, сам не понимая зачем, резко крутанул руль влево, будто надеялся выскочить из-под обстрела.

Б-бах!! Б-б-бах!!! – словно разряды молнии, дважды прошили наэлектризованную атмосферу салона гулкие выстрелы.

Более нейтрализованному ковбою палить не разрешили.

Пока окровавленный нотариус мелко трясся и истошно визжал в углу салона, Андрей Сипаев оправился от шока, живо направил автомобиль в густые придорожные кусты и пришел на помощь «Александру Матросову». Изо всех сил ударив сумасшедшего «моссадовца» по тонкому запястью, он вышиб из его судорожно сжатого кулака дымящийся револьвер.

Поначалу опешивший от неожиданной боевой пальбы гаишник воспрянул духом и кабаньей тушей навалился на поверженного противника, словно хотел его изнасиловать.

– Задавлю, ш-шавка! – яростно шипел он в дико выкаченные глаза полузадушенного «иудея». Задыхающийся Кошелев, теряя последние силы, несколько раз судорожно свел колени.

В шумной кутерьме удалого разбоя никто не обратил вни-

мания на четыре глухих, задавленных хлопка.

Несказанно удивлен был лишь несостоявшийся «наильник». Словно пародируя свою жертву, он вытаращил побелевшие глаза и громко захрипел. В уголках его перекосившегося рта запузырилась кровавая пена.

Получивший короткую передышку Кошелев зашелся удушливым кашлем.

И тут же от страшного удара по голове лишился чувств.

* * *

...Пришел в себя горе-мститель от методично чередующихся ожогов собственных щек – левой, правой, левой, правой.

Вспышки огня на страдающих ланитах странным образом отдавались звоном и болью в гудящей, словно колокол, голове.

Кошелев горестно застонал и бессознательным движением поднес непослушную руку к лицу, защищаясь от своры выживших из ума пчел.

Незамедлительно получив сильный удар по хрястнувшим пальцам, Дмитрий хрипло вскрикнул и разлепил пульсирующие болью веки.

Он сразу узнал склонившиеся над ним на фоне густой стены редколистного кустарника глумливые рожи Андрея с Семеном. Однако злобный тон их прокурорских речей стран-

ным образом не вязался с презрительной насмешкой в глазах.

– Очнулся, красивец! Ты чего наделал, гнойный гей? – с надрывом в голосе спросил поверженного «клиента» Андрей. – Ты мента завалил, придурок! А Петровича ранил!! Ты понял?! Ты – понял?!! И когда успел – непонятно... Я ж выбил волюну! И по котелку тебя треснул! Как же?..

Прискорбное известие для распростертого ниц Кошелева новостью отнюдь не являлось. К тому же, собственная, не стоившая в руках разъяренных джентльменов удачи ломаного гроша судьба в данный момент интересовала его куда больше.

– Да чего ты напрягаешься, Сипай! Нафиг тебе этот долбанутый на всю голову Мойша! – скривился, как среда на пятницу, крепыш Сеня. – Спроси лучше, где он бабки заныкал! В сумке нету!

– Да!.. – слегка умерил гестаповский пыл Сипай. – Надо забрать у этого... – он остервенело пнул дернувшегося Кошелева в бок острым носком туфли. – ... дятла бабки и сматываться отсюда, покуда не засекли. Всю малину перегадил, фуцин! – снова получил увесистый пинок в ребра Дмитрий. – Теперь ноги делать надо! Где бабки? – крикнул он в самый нос трясущегося от страха и боли Кошелева. – Тебе что – бороденку по волоску выщипать, чтобы ты разговорился, а?!

– Слышь, Сипай! – снова остановил разбушевавшегося

напарника Будин. – Гляди, как у него пальто на груди оттопырилось! Даже разорвалось! Не иначе, за пазухой бабки складирует, пенек старый!

– Точно! – поразился собственной тупости Андрей Сипаев. – А ну, что там прячет дедушка за пазушкой...

С лицом пальпирующего опухоль хирурга Сипаев запустил пальцы за отворот продырявленного пальто.

– Ну да! – довольная улыбка раздвинула его жестко очерченные губы. – Железная коробочка какая-то... Круглая... Вроде как от леденцов...

– Ну? Чего молчишь, козел? – победным голосом констатировал догада Семен. – Раскусили мы твою нычку, старый гомик! Давай сюда коробочку! Слышь, петух?!

Хорошенько размахнувшись, он побудительно двинул не реагиовавшего на грозные окрики скрягу носком ботинка под коленный сгиб.

И чуть не лишился рассудка.

С деревянным звуком колени бородача стукнулись одно о другое – и тут же прозвучал приглушенный хлопок. Из груди недвижимо лежавшего на пожухлой траве старика гейзером взметнулось облачко дыма вкупе с клочьями ваты и сукна.

Андрея, склонившегося над поверженным в прах врагом, будто сильно ударили снизу. Рывком выпрямившись, он со свистом втянул в себя воздух и – попятился к стене кустарника. Злорадный оскал на его торжествующем лице сме-

нился выражением недоуменного отчаяния и боли. Сделав несколько неуверенных шагов назад, он повалился навзничь и забился в судорогах. Из его дергающейся шеи пульсирующим фонтанчиком забила алая кровь.

На одеревеневшей голове Семена Будина ежик волос в один миг превратился в килограмм вколоченных в череп гвоздей. Начавшись с еле уловимого мычания, дикий, граничащий с умопомрачением ужас вырвался из его охваченной спазмом груди отчаянным воем попавшего в капкан волка.

Бросив умирающего друга на произвол судьбы, обезумевший Будин бросился напролом сквозь густые заросли орешника – куда глаза глядят, подальше от страшного места.

И лишь сиреневый «Тико» словно прилег неподалеку от скончавшегося хозяина, как верный пес.

* * *

С ненамного меньшей скоростью с места кровавых событий бежал Кошелев.

Трезво рассудив раскалывающейся от боли головой, он, сколько хватило сил, продирался по густому орешнику, искренне радуясь его частоте и непроходимости. Любой встречный-поперечный мог превратиться в опасного – смертельно опасного! – свидетеля.

И лишь поздним вечером голодный и смертельно уставший «сицилиец» отважился выйти к автотрассе – благо,

несколько долларов в потайном карманчике эта козляндия не обнаружила, и можно было «автостопнуть». Он сколько мог привел себя в порядок, почистил и поглубже на глаза надвинул крепко пострадавшую в схватке черную шляпу, водрузил на нос чудом сохранившиеся в просторном кармане пальто театральные очки.

Вот только крупный озноб никак не желал отпускать его ноющее от боли избитое тело. Все бурные эмоции и неистовые переживания сегодняшнего дня нашли свое выражение в этой неистовой тряске – и относительно успешный исход сумасбродной (что он осознал только теперь) затеи, и наркотическая радость от все ж-таки осуществленной мести, благодатным нектаром заливавшая адский огонь уязвленного самолюбия, и терзающее душу опасение внезапной поимки... Холодный осенний ветер, разыгравшийся к ночи, вносил свою лепту, нагло забираясь под разорванную на груди одежду.

«Голосовал» Кошелев недолго. Буквально через две минуты ярко-красные «Жигули» лихо тормознули у самых его инстинктивно отпрянувших ног; задняя дверца приветливо распахнулась, и Дмитрий пыльным мешком плюхнулся на заднее сиденье.

– В город, отец? – приветливо улыбнулся ему водитель – невысокого роста широкоплечий парень. Рядом с ним сидел еще один молодой человек – высокий, спортивного телосложения молодец в синем джинсовом костюме.

Дмитрий с энтузиазмом кивнул головой, нечаянно сбив на самый нос шляпу, как Остап Бендер – свою морскую фуражку.

Всю дорогу парни вели негромкую беседу. Говорил в основном водитель – по всему видно, веселый и общительный человек; атлетически сложенный собеседник больше отмалчивался.

– Уверяю тебя, Серега: секция тай цзи цюань – это именно то, что нам нужно! – горячо убеждал водитель. – В этом городе нет ничего подобного. И вряд ли появится в ближайшее время – так что конкуренции опасаться нечего. Ты согласен?

Коротко стриженный крепыш безмолвно кивнул.

– Вот! – торжествуя продолжил водитель. – И больших расходов на «раскрутку» не нужно. Так что – вперед и с песней! Слухай мэна – тюрьма нэ мына!

Слабое свечение приборной доски флуоресцирующим разноцветьем слегка подсвечивало лицо водителя. Голова и плечи его немногословного спутника еле угадывались в темноте. Свет фар редких встречных машин причудливо очерчивал их черные плоские силуэты на фоне лобового стекла, словно бумажные фигуры в театре теней.

До города отрезок пути был немалый. Убаюканный теплом и покоем Кошелев незаметно для себя начал дремать, нахохлившись в углу салона, словно старый ворон. Обрывки разговора молодых людей долетали до его одурманенного сном сознания, как сквозь вату – «так, Серега?.. Да, Са-

ня... Группы небольшие... Клиенты будут... Спортзал нужен небольшой...»

Дмитрий Кошелев провалился в сон, словно топор в воду.

* * *

Со временем Кошелев поостыл и в один прекрасный день схватился за седую голову: так он хоть денег лишился, а не сложись пасьянс столь удачно – запросто мог бы лишиться на долгие годы свободы, а то и собственной глупой башки.

То, что за ним не явились среди ночи – чистая случайность. Миллионный выигрыш в казино. Видимо, не нашлось ушлых господ, заинтересованных в раздувании этого дела. Нисколько не выгодно, никому не нужно.

А спустя еще несколько времени Кошелев стал замечать в себе чувство невольного уважения и острой зависти к надувшим его с бумажным «Ситроеном» гастролерам. Вот ведь молодцы ребята! Такой гроб на колесах, который недалекий обыватель смог бы продать исключительно по цене металлолома, они сумели «толкнуть» за пять тысяч! А будь у него, по пояс деревянного, за потной пазухой шесть, семь, десять «штук» – он бы с той же олигофренической ухмылкой собственноручно отдал бы все до цента.

А ведь если досконально разобраться, это их хитро организованное предприятие – фактически ненаказуемо. В момент покупки его никто не бил, денег не отнимал. Сам, сво-

ими вонючими руками (выломать бы их за день до того!) отдал «бабки» после дотошного осмотра товара. Даже милиция, буде к ней, родной, обратился, не помогла б: в чем криминал? Нет криминала. Если бы ушлый покупатель разглядел «натяжку» – сделка просто бы не состоялась. Через минуту нашелся бы другой дурак, коих на век Андрюши с Сенеи хватило бы с избытком. Самосуд «разведенного» клиента – чистая случайность, которую в расчет можно не принимать. Занюханый провинциал с первой и последней «штукой» баксов в дырявом кармане реальной опасности для крутых пацанов представлять попросту не может.

Да-а, нечего сказать – красиво его «развели». На мизинцах. Все четко и выверенно – одним словом, на острие пера (это определение выдумал сам Кошелев. Неожиданно оно ему понравилось и прочно осело в его лексиконе).

Лучше бы «УАЗ» у грузина купил, честное слово...

А вслед за падением ниц перед величием мошенников и посыпанием пеплом своей глупой головы из темных недр подсознания неизбежно выплыл логически зародившийся вопрос: *а почему я не могу так?*

И разве – не могу?

* * *

...Кошелев торопился. Дома терпеливо стоял неисправный телевизор, который завтра кровь из носу нужно было доставить владельцу – директору одной из нефтебаз. Предва-

рительно отремонтировав, конечно. А руки все не доходили.

С некоторых пор Дмитрию стало омерзительно брать в руки инструменты. Раз пять он с выражением отчаянной решимости на лице, закусив губу, хватал тонкое тельце паяльника – и тут же ему начинало казаться, что весит паяльник килограммов около двадцати; рука самопроизвольно опускалась и ставила паяльник на место.

Так дело катилось валиком до сегодняшнего дня. Клиент же был нерядовой, и пренебрегать ним не следовало. С директором нефтебазы у Кошелева был заключен негласный договор – Дмитрий бесплатно обслуживал и ремонтировал компьютеры в офисе нефтебазы и частную теле-радиоаппаратуру из директорского особняка, а взамен мог всегда запросто накормить свою ярко-красную «Хонду-Цивик» даровым бензинчиком. После достопамятной истории на «Яме», с невероятным трудом расплатившись с кредиторами, он сумел купить автомобиль лишь недавно всего за тысячу двести долларов, соблазнившись дешевизной и, на первый взгляд, хорошим состоянием. В кредит новую машину приобрести не удалось – без достоверных документов об устойчивых источниках дохода и платежеспособности потенциального клиента банк о предоставлении ссуды даже речь не вел. Пришлось основательно по сусекам поскрести да закрома промести. Выложив на бочку все свои основные и оборотные фонды и на коленях выторговав у прижимистого продавца триста «зеленых», Дмитрий наконец-то

укатил с торжища на собственном авто. Колесить по городу на общественном транспорте да на своих двоих уже надоело до одури.

Эту-то старую клячу того же 1975 (просто мистика какая-то!) года выпуска, недавно приобретенную у очень спешившего уехать из страны человека на средства, собранные за три долгих года после памятного «кидалова» (сперва нужно было срочно вернуть займы, и лишь потом работать на себя), Кошелев сейчас и подстегивал ударами педали акселератора о пол, торопясь до закрытия рынка успеть купить некоторые радиодетальки «вражеского» производства. «Хонда», вздрагивая и раскачиваясь на многочисленных неровностях городской «толидорогитоликанавы» («по-японски говоря», – мысленно ухмыльнулся Кошелев), тем не менее, бодро бежала, резво «беря» после торможений и юрко лавируя между автомобилями. Старенький двигатель борозды не портил.

«Япония – она и в Африке Япония», – снова мысленно улыбнулся Кошелев, сворачивая к оживленному муравейнику радиорынка. Включив нейтральную передачу, Дмитрий, возжелав с шиком (ох, как он любил этот самый шик!) «впритирочку» остановиться у самой выхлопной трубы стоящего впереди «Мерседеса», плавно нажал на тормозную педаль. Что там «Мерседес» – он, Кошелев, тоже вам не абы кто...

Однако его «японка» вместо того, чтобы мягко толкнуть

водителя сначала в спину, потом в грудь и встать как вкопанная, повела себя странно. С режущим ухо скрипом откуда-то справа-снизу, боком забирая влево, машина угрожающе близко придвинулась к мерседесовской корме. Кошелев похолодел, однако не растерялся – сказался немалый водительский опыт. Мгновенно отпустив тормозную педаль, он тут же с силой нажал ее снова. Еще громче скрипнуло справа, и «Хонда», толкнув хозяина куда-то к двери, наконец остановилась.

Под углом сорок пять градусов к «Мерседесу» и в десяти сантиметрах от его отделавшегося легким испугом заднего бампера.

Дмитрий непослушной рукой выключил зажигание, откинулся на спинку сиденья и вытер мгновенно вспотевший лоб. В голове, как карусель на ярмарке, вертелись отрывочные мысли: «Рухлядь – она и в Гондурасе рухлядь... Говорил же я тебе, идиоту, – тормоза надо посмотреть... А если бы... Ёханный бабай!»

Тут сквозь медленно стихающий ушной звон в сознание Дмитрия начали просачиваться некие посторонние звуки. Еще через какое-то время мозг идентифицировал их: это были громкие удары в оконное стекло и гневные выкрики.

Кошелев повернул еще несколько дубоватую голову и с удивлением разглядел за окном беснующегося рыжего человечка. Он размахивал руками, как огородное пугало на ветру, и выкрикивал какие-то слова. По всей видимости,

нехорошие.

Провалившаяся сквозь ржавое днище машины душа наконец-то капля за каплей вернулась в обмякшее тело. Кошелев ожил, толкнул локтем дверцу и вышел из автомобиля. Рыжеволосый человечек, оказавшийся хозяином чуть не попавшего в переделку «Мерседеса», начал хватать Дмитрия за грудки и визгливо ругаться, на чем свет стоит. Кошелев, хоть и очень боялся подобного рода стычек, тем не менее с видом заправского «крутого» оттолкнул рыжего от себя, сплюнул в его сторону и послал намного дальше северного полюса.

Человечку сразу будто кляп сунули в рот. Видимо, узнав «своих», он умолк, опустил руки и скрылся из виду. Кошелев на все еще ватных ногах заковылял к воротам рынка.

Настроение было испорчено.

Дойдя до самых ворот, еще не совсем вернувшийся в колею Дмитрий хлопнул себя ладонью по лбу – доллары-то забыл купить, «загончик» пополнить!

«Загончик», загон...

* * *

Подобно многим людям с высшим или, как говаривал Кошелев, «верхним» образованием, Дмитрий в свое время прочел массу умных (и не очень) книжек.

В основном он читал книги технические; бестселлера-

ми же совершенно не интересовался. В результате на сегодняшний день в его не очень большой голове пересыпалась и тарактела масса всевозможных знаний: технических и гуманитарных, систематизированных и беспорядочных. Электроника, электротехника, компьютеры и программирование, финансы и банковское дело – все это кучей разноцветного и в большинстве своем бесполезного хлама валялось в его седовласом «чердаке». По мере надобности, предварительно обыскавшись, Кошелев доставал оттуда нужный предмет и пускал в дело.

Например, года три тому назад Дмитрий выудил из одной своеобразной книги тривиальную, но оригинально поданную идею – создать так называемый «загон». Вообще речь в книге шла о всевозможных способах достижения прочного финансового положения. Столь животрепещущая тема сразу же привлекла пристальное внимание алчущего изобильной финансовой стабильности Кошелева.

Идея автора книги состояла в создании каждым индивидуумом личного «загона» – надежного и постоянного источника дохода, дабы оному гражданину не зависеть от превратностей судьбы и настроения начальника. В качестве пояснения для «особо одаренных» писатель привел пример древнего сибирского охотника, который каждый день рано утром выходил охотиться на оленей. Долгие годы он мерз, голодал, рисковал жизнью и здоровьем; когда охотнику нездоровилось, семья жила впроголодь. Наконец, приобретенная

за многие годы мудрость подсказала сибиряку идею – устроить возле дома загон для скота, дабы иметь мясо всегда и в любом количестве. Вместо рискованной беготни по тайге с надеждой на «авось» в груди и пустотой в желудке.

Пример – примитивный, идея – витающая в облаках, однако Дмитрий, закончив читать книгу, долгое время оставался недвижим, как в темя ударенный, переваривая эту книжную мудрость и впитывая ее поучительные соки. По всему выходило, что он, сегодняшний цивилизованный Дмитрий Ефимович Кошелев, и есть тот древний сибирский охотник – то же самое, только вид сбоку.

Так любил шутить один из преподавателей в институте связи – профессор Аникеев, большой шутник и балагур. Число «пи» он помнил до седьмого знака после запятой, и как? В виде стишка! «Пи» -число легко запомнить, «пи» -число легко прочесть – три, четырнадцать, пятнадцать, девяносто два и шесть», – распевал профессор высоким тенорком.

А вот Кошелеву было не до песен: вместо «загона» блестело чистое поле, а сам Дмитрий в этом поле – волк. А волка, как известно, ноги кормят. Эх, ноги, ноги... Не те уже ноги-то – болят, гудят, а то и вовсе подкашиваются под тяжестью валящихся на плечи бед и лет.

После принятия окончательного и бесповоротного решения о создании обширного золотовалютного запаса прошло уже немало времени – а в «загоне» Кошелева вместо несмет-

ного стада гордых оленей хромала пара захудалых коз. Благоприобретенная «Хонда», сожрав и их, подводила хозяина все чаще. Как, впрочем, и здоровье.

Итак... Растущее количество седых волос и, соответственно, уменьшающееся количество зубов во рту настойчиво требовали принятия каких-то кардинальных решений.

Поход в банк и открытие счета не заняли много времени. Пластиковая карточка удобно расположилась в бумажнике среди прочих документов и согревала сердце. Цифра же на счету по современным критериям выглядела просто смехотворно – пятьсот условных единиц. Она чуть ли не вслух вызвала о немедленном добавлении энного количества нолей.

Эти безмолвные крики уже долгое время вызывали у Кошелева непроходящую головную боль. Ну что это за загон такой, в котором сиротливо бродят полтора козла?! А ведь самые приблизительные расчёты показывают: чтобы валютный счет превратился в надежную опору, от количества нулей после единицы должно рябить в глазах. Даже с миллиона (!) американских долларов – при пяти процентах годовых – в месяц будет падать в руки всего четыре с чем-то «штуки». С миллиона, а не с пятисот занюханных баксов!

А пока что в глазах рябит по вечерам от усталости. Голубая же мечта Кошелева – иметь такого размера счет в банке (желательно в швейцарском), чтобы вышвырнуть из головы всякие мысли о повседневном заработке, упасть на диван

и жить на дивиденды – представляла собой линию горизонта: сколь и как быстро ни беги к ней – она все так же далеко.

Вот уже несколько лет Дмитрий напоминал самому себе осла в упряжке, перед мордой которого призывно болтается ароматный клок сена, нанизанный на шест, который крепко держит в руке хитрый возница. Бедное животное тянется голодной мордой к сену, бежит все быстрее, а подлый хозяин с масляными глазками улыбается во все свои лишние зубы – ведь сено для ушастого упрямыча вроде натюрморта: видит око, да зуб неймет.

Таким вот натюрмортом стал для Дмитрия вождеденный образ будущей красивой, разноцветной и беззаботной жизни.

А в сером настоящем Кошелев, аки пчела, в поте лица и других частей тела, носил в свой пластиковый «улей» крупицы бледно-зеленого меда, добываемого всеми возможными способами – от ремонта телерадиоаппаратуры до подпольной торговли ценными бумагами.

Однажды, в достопамятные времена всеобщего товарного дефицита, в его беспокойную голову влетела очередная идея-фикс – заняться изготовлением и реализацией такого прозаического товара, как бытовой хлорный отбеливатель. Почему именно его – Кошелев не мог себе связно ответить ни тогда, ни после.

Новоявленный химический король арендовал пустующий гараж, свез в него необходимые ингредиенты, примитив-

ное оборудование и начал производство слегка желтоватой на цвет и ужасно неприятной на запах жидкости.

До чего же раздражала эта работа нежные руки, благородный нос и возмущенный разум короля и шута, работодателя и раба в одном лице!

С раннего утра до обеда Дмитрий, заткнув разбухший нос и слезящиеся очи, разводил гнусно испарявшиеся химикалии в грязных бочках. Дошедшее до кондиции «варево» с еще большим отвращением вручную, железным ковшиком, разливалось по пластиковым бутылкам б/у (их по несколько копеек за штуку Кошелев приобретал у одного знакомого бомжа).

В положенное время Дмитрий обедал, не разбирая ни запаха, ни вкуса съедаемого. Воистину – питание мое с плачем растворях.

После обеда и непродолжительного отдыха «бытовохимический магнат» негнуцимися пальцами вкось и вкривь наклеивал самодельные наклейки на бутылки, укладывал их в картонные коробки, приобретаемые у того же завсегдагата свалок без определенного места жительства, водружал их на ручную тележку и, обливаясь потом, волок по торговым точкам.

Проклятые хозяева проклятущих торговых заведений весьма неохотно брали самопальный товар даже под реализацию, воротя нос не токмо от запаха емкостей, но и от самой затеи.

Постепенно люди побогаче стали налаживать промышленное производство более качественного и дешевого отбеливателя, и кустарь-одиночка без мотора неизбежно проиграл конкурентную схватку.

В один прекрасный день насквозь пропитавшийся отвратительным запахом хлора Кошелев (прохожие дружно шархались от химического короля в разные стороны) смачно плюнул на свой омерзительный «цех», сложил дотоле барахтавшиеся руки и ушел на дно.

Безумный эксперимент с едким хлором выел в кармане бизнесмена здоровенную прореху, которую он заделывал долго и нудно.

Тяжким трудом накопив некоторую сумму, Дмитрий покончил с честным бизнесом и занялся сравнительно честным.

Прослышав, что некая фирма сдает в аренду холодильные лотки с обязательным условием реализовывать закупаемое ею же за границей мороженое, Дмитрий пустился на хитрость. Подписав договор, он увез три холодильника в небольшой районный центр – подальше от любопытных глаз контролеров фирмы-хозяина. Памятуя о тяжести одиночного труда, Кошелев нанял реализаторов и принялся кормить неискушенных провинциалов дорогущим импортным мороженым, поставляемым владельцем холодильников, и попутно дешевым отечественным, втихомолку закупаемым им самим непосредственно с завода «Полярная звезда». Для от-

вода глаз реализуя изящный ящичек импортных «рожков», хитрый Дмитрий под шумок продавал десяток-другой увесистых коробов «чужого» мороженого. И все было шито-крыто.

Дела шли довольно неплохо до тех пор, пока ночью из арендуемого неохраняемого ларька не украли оставленный там на ночь холодильник.

Это была катастрофа. Показушные усилия провинциальных сторожей порядка ни к чему ни привели; хозяин ларька, небезосновательно подозреваемый несчастным королем мороженого в исчезновении холодильника, послал Диму подальше и пригрозил «раскровенить паразиту морду». В итоге, в полном соответствии с духом и буквой договора, материально ответственное лицо Дмитрий Ефимович Кошелев вынужден был вернуть фирме стоимость пропавшего холодильника, а попутно, как потерявший доверие, – и оставшиеся два.

Кошелев утерся, подсчитал убытки, нанялся продавцом и принялся торговать хозяйским пивом. Ценой невероятного риска – недолива, обсчета и банальных краж – он накопил некоторую сумму денег и вложил их в прибыльное дело – продажу пива на разлив из собственной передвижной цистерны.

По случаю Дмитрию удалось недорого приобрести списанную пивную цистерну-прицеп. Немало порадовавшись удачной покупке, он наскоро подремонтировал приобрете-

ние, выкрасил его в традиционный ярко-канареечный цвет и открыл монопольную торговлю в том же заштатном городишке.

Некоторое время он не мог нарадоваться жизни. С одной «ходки» – а это означало продажу тонны пива – Кошелев клал в карман около ста долларов чистой прибыли. Местные профессиональные алкаши и просто алчущие любители опустошали тысячелитровую цистерну за несколько дней. Даже за вычетом всех предвиденных и непредвиденных расходов сумму месячного дохода пивного магната Димочки нетрудно подсчитать ученику первого класса.

Но...

Снова недолго дудел оркестр, недолго фраер отплясывал летку-енку. Еще не закончился золотой летний сезон, как передвижной пивной бизнес Кошелева был зарезан насмерть высочайшим указом, строго воспрещавшим подобного рода торговлю ввиду ее антисанитарии и смертельной угрозы здоровью горячо любимого чиновничеством народа.

Все потуги близкого к помешательству владельца желтой цистерны ни к чему не привели – ни подключение к водопроводной сети, ни отпуск пива в одноразовой посуде; недостаточно пухлые конверты оказались бессильны. Нет, взять их господа чиновники взяли, однако разрешение торговать все-таки отобрали.

С горя Кошелев в одиночку допил несвежий остаток пива, совершенно забыв, что для пущей пенистости сам же доба-

вил в цистерну несколько пачек стирального порошка. В результате бочковой монополист сильно отравился и долгое время провалялся в обшарпанной райбольнице.

На лечение ушла львиная доля заработанных на пиве средств.

...Одним словом, все его деловые потуги, безусловно, приносили какой-то доход, для среднестатистического гражданина даже весьма приличный.

Но – его светлость Дмитрий Ефимович Кошелев-Красно Солнышко признавать себя рядовым гражданином упорно отказывался, не отдавая себе отчета в том, что он именно таким и является, и до сына губернатора ему очень и очень далеко.

«Золотые» детки сильных мира сего зовутся неординарно – мажоры. Потомка же рядовых тружеников Дмитрия Кошелева-Закопченного с полным основанием можно было назвать форс-мажором.

Сам же выходец из народа очевидный статус-кво стойко отрицал, постоянно суясь не в свои сани.

К тому же жизнь в большом городе, давая возможность заработать, и затрат требовала немалых. Так уж издавна повелось – растущие доходы неизбежно тянут за собой возрастание потребностей и, как следствие, – расходов.

Кошелев безрассудно попытался переступить мудрость веков, начав всемерно эти сволочные расходы сокращать. Он положил себе не тратить больше определенной суммы

в день и, как мог, пытался придерживаться самим собой составленной и утвержденной сметы. Он крайне скудно питался, не отдавая себе отчета о последствиях для собственного здоровья; невзрачно одевался, не думая о том, что неказистый внешний вид вредит деловому имиджу; квартиру снимал самую дешевую, какую только смог найти; автомобиль приобрел недорогой, но очень уж подержанный (в чем теперь сильно раскаивался, ибо его многочисленные старческие капризы дорого обходились хозяину. Скупой платит дважды!). Зубы во рту Кошелева росли через один и напоминали частокол, а вставить недостающие было слишком дорого.

Но все эти секвестры в итоге оказывались тщетой. Сумбурная и безалаберная жизнь страны со всех сторон больно била рядовых граждан вообще и Кошелева в частности. Деньги он терял часто и помногу – и не прогуливал их, нет. Кстати сказать, горячительных напитков он практически не употреблял – разве что ледяного пивка из запотевшей бутылки с рыбкой сушеной любил лизнуть или стопочку коньяка опрокинуть. И не курил никогда.

Суть проблемы состояла не только в невезении и злых кознях завистников. Разваленная экономика и нищий народ с нулевой покупательной способностью тянули вниз многих мелких бизнесменов (в том числе и нашего героя) подобно камню на шее. Сколько умнейших бизнес-голов разбили лбы об эту принципиально неразрешимую проблему – несть числа. В том числе и Кошелев: сколько денег он вложил в раз-

личные бизнес-проекты и потерял их – неохота вспоминать ни ему, ни нам. На каждое более или менее удачное дело приходилось несколько «прогаров». Ну, как тут не вспомнить хорошую песню: «две шага налево, две шага направо, шаг вперед и два – назад». Точно такие же пьяные кренделя выписывала кошелевская деловая удача.

...Такого рода мысли совершили ежедневный круг почета в голове Кошелева, пока он шел от машины к продавцу валюты, чтобы приобрести очередной взяток «меда» – десять долларов – и снести их в банк.

Все еще находясь в плену раздумий о жизни вообще и о ремонте тормозов «Хонды» в частности, Дмитрий озабоченным шагом подошел к молодому, прилично одетому человеку и протянул ему несколько «деревянных» купюр.

– Десятку, – коротко пояснил Кошелев и мельком взглянул на деловитого продавца. Этого белобрысого парня он видел здесь впервые.

Валютчик мгновенно пересчитал деньги, сунул под мышку папку, которую вертел в руках, и достал из кармана внушительную пачку «зеленых». Спрятав в другой карман «деревянные», он выудил из пачки купюру и протянул ее покупателю.

Привычным движением Дмитрий взял купюру за края и принялся осматривать ее на предмет соответствия стандартам Бэнк оф Америка. Внезапно продавец валюты, жизнерадостно улыбаясь, предложил:

– Хотите, покажу самый крутой способ выявить фальшивку?

Кошелев любил знать все и даже больше. Глаза его загорелись.

– А ну, – придвинулся Дмитрий ближе.

Белобрысый мигом вытащил из-под мышки папку. Поперек тисненой золотом кожи была протянута толстая резинка.

– Позвольте, – еще шире улыбнулся валютчик, принял из рук Кошелева купюру, сложил ее пополам и сунул под резинку. Быстрым и ловким движением, на манер Игоря Кио, вынул из кармана еще одну десятидолларовую купюру, сложил ее так же и сунул под резинку впритык к кошелевской.

– Вот, смотрите: все линии купюры, в которой вы сомневаетесь, должны полностью совпадать с проверенным образцом – портрет, буквы, цифры... – проникновенным голосом начал урок валютчик, водя холеным пальцем по брезгливым лицам президентов.

В этот момент кто-то отвлек внимание Кошелева, вежливо хлопнув его по плечу. Дмитрий обернулся. Какой-то субъект, держа в руке деньги, спросил:

– Баксы продаете?

– Нет, – коротко бросил Дмитрий и снова обернулся к продавцу. – Ну-ну, —поощрительно подмигнул он валютчику.

– Да вот, собственно, и все, – улыбка белобрысого растянулась до ушей и даже немного дальше. – Берите свои день-

ги, меня клиент ждет.

Слегка удивленный краткостью лекции, Кошелев вытянул из протянутой папки свою купюру, сунул ее в карман и двинулся внутрь рынка.

Купив все необходимое, Дмитрий сел в машину. Бросив пакет с покупками рядом на сиденье, он вставил ключ в замок зажигания и повернул, запуская двигатель. Вспыхнули разноцветные лампочки на приборном щитке; «Хонда» мелко затряслась в горестном раздумье – заводиться или нет?

Кошелев повернул ключ еще раз – то же самое. Повернув ключ в третий раз, Дмитрий, закусив от злости губу, дал свободной ногой «Хонде» увесистого пинка в рулевую колонку.

Видимо, перепугавшись жестокой расправы нервнобольного хозяина, машина отбросила всякие сомнения. Мотор «схватил» – вздрогнул рычаг перемены передач. Кошелев осторожно тронул с места назад, затем вперед и мастерским виражом обогнул все еще стоявший впереди «Мерседес». Тот издевательски сверкнул на ярком солнце задним стеклом, бросив слепящий блик Дмитрию прямо в глаза. Кошелев поморщился и злобно произнес:

– Двинуть бы тебя в зад!

Кого он имел в виду – автомобиль или его хозяина – осталось неизвестным.

Стараясь ехать помедленнее и меньше пользоваться тормозами, Кошелев держал путь к банку, который имел честь хранить его деньги.

Ничто в мире Кошелев не любил так, как банковскую пластиковую карточку. Ничто и никого.

Вполглаза поглядывая на дорогу, Дмитрий предался сладким мечтам о светлом будущем. Нет, не страны – своем, личном будущем. Он никогда не связывал свою судьбу с судьбой государства, в котором родился и жил. В противовес мудрому замечанию о прямой связи благосостояния отдельного гражданина с общей ситуацией в стране Кошелев имел свое мнение: «В любой ситуации можно неплохо устроиться – нужно только приспособиться!» И хоть суровая действительность постоянно подтверждала правоту оппонентов и напрочь опровергала точку зрения Дмитрия, от своих убеждений он не отходил.

Оригинальностью желаний Кошелев не отличался. Как, впрочем, и подавляющее большинство кандидатов в «новые русские». Хороший дом (желательно – несколько), приличный (а лучше – роскошный) автомобиль, а не этот гроб на колесах, возможность путешествовать по миру и отдыхать на экзотических островах – вот, собственно, и весь список.

Но главное, главное! – будь Дмитрий «при бабках», красивые женщины, откуда ни возмись, гроздьями вешались бы ему на шею. Разные, разные – голубые, красные...

Женщины – это была слабость Кошелева, ахиллесова пята. Его сладость и горечь. Радость и трагедия. Почему трагедия? Да очень просто:

«– Эй, парень, ты девок любишь?»

– Люблю!

– А они тебя?

– И я их!»

Эта присказка была о Кошелеве.

Проклятые особи женского пола почему-то никогда не горели желанием упасть в его широкие объятия. Идет Кошелев – мы его не замечаем. Шествует Дмитрий – мы на него плюем! – как бы говорили их взгляды, направленные мимо Кошелева и даже сквозь него, будто бы он был стеклянным.

Дмитрий безумно страдал. Вроде бы возраст уже должен был хоть немного пригасить бушующий вулкан страстей внутри тщедушного его тела, ан нет – чем день, Дмитрий переживал эту проблему все острее. Прямо как сопливый пацан. В гамме отрицательных эмоций присутствовали все аспекты – и физическая неудовлетворенность, и униженное мужское самолюбие, и прямая обида, когда при попытке познакомиться симпатичная женщина, взглянув на тебя, только фыркает и отворачивается. А затем на полусогнутых бежит, как собачонка, за каким-то вшивым кобелем, не обращая никакого внимания на твои страстные тоскующие взгляды. И все потому, что у того кобеля морда краше или кошелек толще. А будут средства у тебя – даже при кривой морде! – побежит за тобой, лишь стоит потрясти кошельком с монетами. Их магический перезвон действует на этих гордых сногшибательно и укладывающе.

В кровать, конечно.

Кошелев грезил наяву, как наркоман. Во время таких завораживающих мечтаний с ним иногда происходило что-то странное – некое раздвоение личности. Вот и сегодня – один Кошелев витал в эмпиреях: небрежно развалился на мягком кожаном сиденье, ехал на праздничный прием в роскошном «Роллс-ройсе», ведомом наемным шофером, с мобильным телефоном последней модели в одной руке и бокалом вкуснейшего коктейля в другой, а рядом, нежно прижавшись, восседала молоденькая королева красоты и мило улыбалась, воркуя ему на ухо какие-то нежные словечки. Другой же Кошелев, бедный родственник первого, сидел, угрюмо уставясь на дорогу, за рулем поросшей мхом «Хонды», приобретенной чуть ли не даром, в руках держал шершавое рулевое колесо, а рядом на сиденье отвратительно улыбался широко разинутой пастью уродливый бумажный пакет. И молчал, сволочь.

Внезапно в полурасслабленное сознание Дмитрия вторгся некий неясный образ, какая-то заинтересовавшая мозг картинка – где-то даже на подсознательном уровне. Раздвоившиеся Кошелевы мигом воссоединились, сиреневый туман выветрился из головы, и неясный образ тут же приобрел зримые очертания.

Да еще какие! Молодая, симпатичная девушка в мини-юбке «голосовала», кокетливо подняв изящную ручку и выставив вперед стройную ножку – словно материализовавшиеся грезы.

Еще не совсем опомнившийся Кошелев принялся размышлять о том, что банк может и подождать, не сгорит, неплохо было бы остановиться и подвезти красавицу; а тем временем левая нога автоматически выжала педаль сцепления, ее близкая подруга – правая нога – с педали акселератора быстренько перескочила на педаль тормоза (да что ж это так противно скрипит в переднем правом колесе?); правая же рука сама включила нейтральную передачу, а затем распахнула правую дверцу. Язык встрепенулся и галантно отшлепал:

– Садитесь, пожалуйста!

Все это произошло как-то само собой. Дмитрий окончательно очнулся от грез и только сейчас оценил по достоинству внешность своей временной спутницы.

Не королева красоты, но все же довольно смазливенькая девица впорхнула в машину, захлопнула дверцу и, мило улыбнувшись, выдохнула:

– Поехали!

Сильный и терпкий аромат духов невидимым облаком наполнил салон, а душа Кошелева налилась сладкими надеждами. Наконец-то! Вот он, счастливый случай! А вдруг?..

Он искоса взглянул на чисто символическую юбку спутницы и спросил:

– Поехали – к у д а?

Выдержав паузу, девица ответила:

– Мне нужно к вокзалу.

И, кокетливо стрельнув глазами, добавила:

– Хотя вообще-то я не тороплюсь.

Дмитрий чуть не подскочил на месте. Он рывком включил передачу и резко тронул машину с места – будто кто-то сильный толкнул их обоих в грудь.

– Если вы не торопитесь – мне тем более некуда спешить, – сдержанно и с достоинством изрек Кошелев, хотя внутренне он бешено тряс головой, хлопал ладонями о баранку и притопывал ногами – шутка ли, такая рыбка ни с того ни с сего заплыла к нему на сиденье. «И на съеденье», – весело думал полный радужных ожиданий Дмитрий.

Настроение Кошелева резко пошло вверх и даже стало слегка зашкаливать.

Сексапильная улыбка, крохотная юбочонка, наличие свободного времени и полное

отсутствие багажа – только крохотная дамская сумочка – все это кое-что обещало. «А может быть, собака, а может быть – корова», – мысленно, сам не понимая к чему, напевал Дмитрий.

Кстати сказать, для таких чисто гипотетических ситуаций Кошелевым была разработана и утверждена некая система обольщения, отлаженный порядок действий. И вот выпал случай привести заржавевшую систему в действие.

– Разрешите? – Дмитрий – сама галантность – наклонился вправо, слегка потеснив спутницу, открыл «бардачок» и вынул аудиокассету со специально подобранными песнями.

Тихонько взвыл механизм автомагнитолы, и дотоле молчавшая в пару кожаных перчаток шведская диско-группа «E-TYPE» громко запела свой супер-хит «I'm calling, I'm calling your name».

От прекрасной мелодии, сильных и чистых голосов исполнителей, волнующе реально переданных через акустические колонки «Филипс», мороз продрал по коже Кошелева – да и его спутницу тоже. Дмитрий почувствовал это неким седьмым чувством – ни дать, ни взять спинным мозгом.

Нога сама собой нажала на акселератор. «Хонда» взвилась и легко понеслась по хорошей дороге.

До чего же хороша эта гамма чувств – невозможно передать! Машина тихо и быстро мчится, покачиваясь, как лодочка на легкой зыби. Мотор еле слышен – шелест шин и то громче. Пейзажи за окном меняются быстро, как в кино – картинка возникает на несколько секунд и стремительно бежит назад, будто испугавшись несущегося ярко-красного силуэта «Хонды»...

Легкий ветерок нежными ладонями оведал разгоряченные лица. У Дмитрия отчего-то взмокли руки. Сквозь усилившийся аромат духов девушки тоже начал проступать еле уловимый миндальный запах пота.

Солисты и бэк-вокалисты «E-TYPE», передохнув несколько секунд, снова вдохновенно запели песню не менее красивую, еще более усилив необъяснимое ощущение – сладкое щемление в животе, от которого по телу круга-

ми растекается волнующая дрожь, и кровь бередит радостно-грустное чувство, когда хочется любить и отчего-то плакать.

Девушка, глядя прямо перед собой, закинула ногу на ногу, обнажив их выше всяческих границ. Дмитрий искоса мельком взглянул – и будто кто-то щедрой рукой сыпанул ему снега за ворот. Кошелева передернуло от макушки до пят. Струйки горячего пота побежали по спине.

Но все хорошее, как известно, заканчивается быстро. На горизонте возник поворот к вокзалу. Кошелев моментально слетел с небес и враз затосковавшими глазами начал искать плакат с надписью «Финита ля комедия».

Плаката не было, и Дмитрий отчего-то воспрянул духом. С внезапно охватившей его отчаянной решимостью и бешено зачастившим сердцем он миновал величественную громаду железнодорожного вокзала и добавил «газу».

С минуту Дмитрий сидел, вжавшись в сиденье, будто ожидал пули в спину. Сердце, сжавшись в шарик-попрыгунчик, воробышком порхало где-то в горле. Но терпения тупо смотреть в голубую даль надолго Кошелеву не хватило – медленно-медленно он повернул голову вправо: казнит или помиловует?

И тут же усевшийся на голову слон по имени «Что сейчас будет?» резво вскочил и скрылся с глаз. За спиной Кошелева мгновенно выросли крылья, проткнули спинку сиденья и уперлись в заднее стекло. Он облегченно и излишне

громко вздохнул и расслабленно откинулся назад.

Девушка улыбалась обещающе-смущенной улыбкой с легким оттенком блудливости, бросая на Дмитрия отрывистые взгляды искристых глаз.

Дело было на мази. Кошелев решил провести последний, решающий тест. Он вдруг резко возжелал сменить кассету в магнитоле (хоть скрипящая в данный момент могла услаждать слух еще около часа). Бросив мимолетный взгляд на дорогу, Дима элегантно-небрежно, как гордый океанский лайнер, накренился вправо, снова открыл вещевой ящик – крышка его откидывалась вниз – и будто невзначай коснулся тыльной стороной ладони округлой коленки незнакомки. От прикосновения ее нежной, как у ребенка, матово-молочной кожи к грубым костяшкам его руки по телу словно пробежал разряд тока. Продолжая вести себя, словно восьмиклассник на первом свидании, Кошелев, бросив мимолетный взгляд на дорогу и слегка подравняв сдуру направившийся было к тротуару автомобиль, затаил дыхание и медленно перевернул ладонь – словно карты в игре ва-банк. Снова выстрелив глазами по дороге (выбросившая дурь из головы «Хонда» на сей раз шла строго по прямой линии), Кошелев перевел лукавый взор на девушку.

Она смотрела вперед. По ее личику бегали красные пятна, играя с белыми собратями в некую замысловатую игру. Дело уже плыло в масле, как вареник.

Заглядевшийся на хорошенькое лицо и переживающий

молодые судороги Дмитрий вознамерился было наконец-то узнать имя симпатюли. Он кинул очередной расслабленно-небрежный взгляд на дорогу... и поперхнулся словами.

«Хонда» на скорости сто километров в час (вот те на!) летела, как одуревшая от скачки лошадь, прямо в стену большого дома, подло игнорируя крутой изгиб улицы.

«Смотри на стопы, а не на ж...» – промелькнула во враз опустевшей голове Дмитрия не совсем подходящая к ситуации поговорка. Однако доля правды в ней была.

Все чувства и мысли из оцепеневшего тела Кошелева вмиг перетекли в правую ногу, которой он бегемотоподобно вдавил в пол педаль тормоза, одновременно выворачивая руль влево чугунной рукой.

Странное дело – «Хонда» продолжала вести себя, словно взбесившаяся лошадь.

...Дальнейшие события пронесли перед глазами Кошелева, словно кошмарный сон – когда происходят ужасные вещи, а ты не в силах ни остановить их, ни ретироваться.

Раздался громкий скрежет где-то у ног девушки, и автомобиль, словно в каскадерском трюке, встал на два колеса (или на одно – кто его знает!). Дико завизжала пожираемая шершавым асфальтом резина насмерть застопорившегося правого переднего колеса.

На какое-то мгновение «Хонда» зависла под бросившим очевидцев в холодный пот углом крена, словно раздумывая: поставить седоков с ног на голову или пожалеть? – и, вильнув

вправо, грохнулась на левую пару колес, как в дым пьяный здоровяк на диван.

И тишина. Блаженная тишина. Только тихо звенит в ушах да отдаленно, как сквозь вату, слышится совершенно некстати распеваящий «Е-ТУРЕ». Кошелев с застывшим блаженно-глупым выражением лица и приклеенной к губам идиотской улыбкой с минуту сидел, вцепившись в рулевое колесо бульдожьей хваткой и наслаждаясь счастьем.

Много ли человеку надо? Избежать внезапной глупой смерти – уже счастье неопишное.

Идиллию счастливого возвращения с того света нагло прервали сбежавшиеся на запах жареного прохожие, забросавшие Дмитрия кучей никчемных вопросов типа «У вас все в порядке?». Выставив в окно тяжеленную руку и деревянно помахивая нею, счастливый виновник инцидента непослушным языком прервал сердобольные излияния:

– Все... в... по-ряд-ке...

Разочарованные зеваки потихоньку начали отваливать. Узреть кучу металлолома и лужу крови не удалось – ну и все. Чего тут интересного?

Кошелев выключил магнитолу – благо больших усилий на это не требовалось – и продолжал расслабленно сидеть, наслаждаясь тишиной и покоем. Однако его вернувшееся к жизни ухо начало выделять из ватной тишины какие-то отрывистые диссонирующие звуки. Дмитрий недовольно поморщился, оглянулся по сторонам и с большим удивлением

обнаружил рядом с собой горько плачущую молодую девушку.

Ах, да! Очаровательная незнакомка! А почему она плачет?

– Что случилось? – наклонился к девице Кошелев.

Девушка не отвечала, только рыдала все громче и почему-то держалась обеими ладонями за лоб. Кошелев недоуменно глядел на нее, как баран на новые ворота. А это что? Елки-палки!

На ветровом стекле со стороны незнакомки во всю ширь змеилась паутина внушительных трещин.

И тут Дмитрий все понял. Он вскочил, как ужаленный, распахнул дверцу и обежал машину кругом.

Так и есть – из-под переплетенных на лбу девушки побелевших пальцев стекали небольшие струйки крови. Смешиваясь со слезами и слюной, они образовали на светлой блузке пострадавшей причудливый розово-перламутровый ручеек.

У Кошелева онемели ноги. Мало того, что он вообще не переносил даже вида крови – к случившемуся он сам приложил недрогнувшую руку, а это уже чревато.

Несколько минут ошалевший Дмитрий стоял, как пыльным мешком ударенный. Ну, что делать? Что такое «не везет» и как с ним бороться, право слово!

Девушка постепенно перестала рыдать, только иногда громко всхлипывала, как обиженный ребенок.

Надо было что-то предпринимать. Кошелев вынул из кар-

мана мятый носовой платок, подал страдальце и спросил:

– Как вас зовут-то?

– Алена, – тихо ответила теперь уже знакомая незнакомка, утирая мокрое от слез и крови лицо и с удивлением и страхом поглядывая на все гуще краснеющий платок.

– Покажите! – с опаской попросил Дмитрий, осторожно повернул к себе голову девушки и откинул с ее лба прядь спутавшихся волос. Против ожидания, размеры постигшей Кошелева катастрофы оказались не такими уж большими.

Вспухший желвак с внушительным рубцом рассеченной кожи посередине, конечно, не украсил личико Алены, но и не обезобразил его, а скорее сделал немного смешным. У Дмитрия отлегло от сердца.

– Сильно болит? – сам собой вырвался глупейший вопрос. – Простите, пожалуйста, я не хотел. Так получилось, – совсем по-детски добавил он.

– Да нет, ничего страшного. В голове только гудит, – жалко улыбнувшись сквозь все еще блестящие капельками росы на длинных ресницах слезы, ответила Алена. Затем она открыла сумочку и принялась, по всеобщему женскому обыкновению, «чистить перышки», замазывая и запудривая рану.

Дмитрий некоторое время заморожено наблюдал, как Феникс возрождается из пепла, и вдруг спохватился. Алена, судя по всему, не собиралась покидать его не очень-то гостеприимный автомобиль. Значит, не все еще потеряно!

«Видно, я ей нравлюсь», – мысленно польстил себе Дмитрий. Догадка о том, что Алена-краса, длинная коса, являлась обыкновенной искательницей приключений и легкого заработка, даже близко не пролетала возле его седой головы. А вот кое-какие соображения, как реабилитироваться, появились.

Да и покидать это несчастливое место давно пора. Тем более что праздные прохожие снова начали создавать толчею и любопытствующе заглядывать в окна автомобиля. В любую минуту можно было ожидать вызванной доброхотом автоинспекции, а такая встреча в наполеоновские планы Кошелева уж никак не входила.

Дмитрий захлопнул дверцу, обежал машину кругом, быстренько угнезвился на сиденье, завел мотор и...

Сегодня «Хонда» явно превратилась в упрямого осла. Мотор натужно взвыл, корпус автомобиля затрясся, как в лихорадке, и как-то боком протащился вперед сантиметров на двадцать. Не в силах продвинуть машину дальше, двигатель начал обессилено терять обороты, бормоча низким тоном, словно жалующийся на здоровье старичок.

Проклятие! Взбешенный Кошелев закусил губу и принялся, быстро переключая передачи, резкими рывками раскачивать автомобиль вперед-назад, словно выбирался из болота. Он уже сообразил, что заклинило тормоз в правом переднем колесе, но исправить в данный момент ничего не мог, да и не хотел. Ставить машину на домкрат, снимать колесо

и заниматься ремонтом – это уже был бы верх идиотизма. Да и сумерки уже залили синей тушью яркие краски вечерних улиц и потихоньку добавляли черной. Алена начала нетерпеливо поглядывать на часики, красноречиво давая понять Кошелеву, что время глупостей прошло.

«Ррр-рр! Вв-ву-у-у!! Ввв-у-у-у-у!!!» – редела быком и дергалась козлом «Хонда» под насмешливыми взглядами прохожих. Собственное правое переднее колесо держало ее, как адмиралтейский якорь. Левое же, яростно пинаемое дифференциалом, с визгом пробуксовывало по асфальту, оставляя на его шершавой поверхности черные полосы. Наконец – кр-р-ряк!!! – автомобиль сорвался, словно собака с привязи, и понесся по вечерней дороге.

Кошелев мгновенно умирил его пыл, сбросив обороты двигателя до минимума. Крутанул баранкой туда-сюда – ничего, слушается. Идет легко, тихо. Больше никаких тестов проводить Дмитрий не стал – ну его к лешему! Вали кулем, потом разберем... Нужно было срочно чем-то ублажить желанную спутницу, ибо лимит ее терпения явно был на исходе. Того и гляди – потребует остановить машину и скроется в неизвестном направлении.

Кошелев раздумывал недолго.

– Аленушка! – елеиным голоском воззвал он, теперь уже внимательно глядя на слабо освещенную редкими фонарями дорогу.

– Да? – холодноватым тоном ответила девушка.

– У вас, я так понял, свободный вечер? – внутренне холодея, спросил Кошелев. —Кстати, меня зовут Дима.

– Очень приятно, – тон Алены слегка оттаял. Игнорирование вопроса о свободе вечера Кошелев воспринял как предоставление полной свободы действий как минимум до утра.

– А давайте-ка заедем в какой-нибудь барчик и отметим день рождения! – как с моста в воду ухнул Кошелев и застыл в ожидании.

– Чей день рождения? – удивленно распахнула и без того большие глаза Алена. – Ваш?

– Наш! – осклабился довольный собственным остроумием Дмитрий. – Мы сегодня не погибли – значит, родились! И жить будем долго! Это грех не отметить, как вы полагаете?

– Ну что же, – наконец-то дождавшись от Кошелева первых за весь вечер разумных слов, проворковала Алена. – Давайте отметим!

Сжатая пружина в животе Кошелева облегченно распрямилась, толкнув некий клапан в голове. Тот немедленно запустил в оборот шарики, которые сразу начали заезжать за ролики. «Бар – это хорошо, – напряженно размышлял незадачливый ловелас. – «Да вот мани-мани – шиш в кармане! Чем рассчитываться-то, а?»

И тут его осенило – а десять долларов для «загона»! Без одной дощечки «загон» постоит, не завалится. Десяти «баксов» плюс пары-тройки тархтевших на дне кармана «дере-

вянных», по мнению Кошелева, вполне должно было хватить для продолжения праздничной программы. Чем рассчитаться с дамой ближе к утру, он не думал.

Дмитрий быстренько прикинул в уме примерное меню ужина при свечах и его стоимость – ни дать, ни взять Ипполит Матвеевич Воробьянинов – и свернул к знакомому бару «Ласточка». Там при необходимости можно было спокойно рассчитаться и «зелеными» по вполне приемлемому курсу.

Осторожно остановив автомобиль недалеко от входа в «Ласточку», Кошелев заглушил двигатель, мелкой рысцой обежал вокруг и галантно вывел из салона мадемуазель Алену. Захлопнув и заперев дверцы, Дмитрий взял девицу под руку и медленным, полным достоинства шагом повел ее к воротам страны чудес – светский лев, да и только.

Войдя в довольно неказистое, отделанное и обставленное с претензией на «крутизну», тускло освещенное помещение с десятком маленьких столиков, Кошелев обвел вокруг глазами – где бы приземлиться?

Есть! В самом углу глянцево блестел крышкой свободный стол. Усадив спутницу, Дмитрий уселся сам и вновь начал вертеть головой – теперь уже в поисках обслуживающего персонала.

К чести заведения, прилично одетая молодая девушка в кружевной наколке не заставила себя долго ждать. Встав рядом и взяв в руки блокнот, она терпеливо глядела в угол зала, пока Воробьян... тьфу, Кошелев элегантно-небрежно

подавал даме валявшуюся в углу столика карточку меню, внутренне холодея от страха – вдруг травма головы или иное что спровоцировало у Алены волчий аппетит?

Однако, на его счастье, девушка вернула ему карточку со словами:

– На ваше усмотрение, Дима, – и принялась с чисто женским любопытством рассматривать немногочисленных посетителей «Ласточки».

Кошелев, внешне корча из себя избалованного неумеренным потреблением изысканных блюд и благородных вин Вандербильда Моргановича Онассиса, потел над меню, как жулик-бухгалтер над балансом перед ревизией. Лихорадочно подсчитывая стоимость перечисленных на шершавых, испятнанных страницах блюд и подыскивая удобоваримый вариант, Дмитрий бросил случайный взгляд на свою визави и с огромным неудовольствием засек беззвучно грохнувший из красивых глаз Алены выстрел-взгляд на развалившегося за соседним столиком симпатичного и безукоризненно одетого молодого парня. Тот лениво потягивал пиво и медленно пережевывал разговор с восседающей напротив раскрашенной во все цвета радуги девицей.

Даже самое примерочное сравнение с красавчиком было явно не в пользу седого, согнутого в дугу и с редким штакетником зубов во рту Кошелева. Желая обратить результат разыгравшегося невидимого единоборства в свою пользу, Дмитрий нанес мощный превентивный удар, заказав ужин

стоимостью ровно в десять долларов и три «деревянных». В золотовалютном резерве остались только засиженные штаны на его вислом заде. Он даже не поинтересовался, любит ли Алена заказанные блюда – главное, что они ему нравились. Да и проголодался он изрядно, и вообще – гулять так гулять!

Через некоторое время яркая представительница профессии «Чего изволите?» принялась сносить продукцию «Ласточки» пред грозные очи и алчно разинутую пасть светского льва и томные глазки прихваченной им на десерт антилопы. В предвкушении удовольствия настроение Кошелева сразу подскочило – тем более что застреленный наповал жгучими глазами Алены сосед с грохотом поднялся из-за стола и удалился на полусогнутых, уводя под крылышко своего попугайчика.

Описание торжественного акта чревоугодия – поедания немногочисленных и незамысловатых, но довольно неплохо приготовленных блюд и выпивания крепких напитков опустим во избежание смертельных случаев – ведь можно и слюной поперхнуться. Скажем лишь, что уже через полчаса Дима с Аленой считали себя старыми, хорошими друзьями (во всяком случае, по его мнению) и мило ворковали о всяких пустяках, как пара голубков. Сладенький десерт в постели должен был неминуемо последовать.

Но вот настал и суровый момент расплаты. Подчистивший тарелки до ослепительного блеска Вандербильт Мор-

ганович допил последний глоток кофе, вытер масляные губы и вялым жестом подозвал к столу мгновенно сменившую имя на «Плати поживей да мотай поскорей!» работницу бара. Та с дежурной резиновой улыбкой приблизилась на расстояние удара и с видом судебного пристава назвала сумму кошельковского убытка.

Дмитрий вальяжно кивнул головой, – ни дать, ни взять кувейтский шейх инкогнито, – вытащил из кармана потрепанное портмоне. Из него на тусклый свет показались три сиротливо сжавшихся в комок «деревянных» и гордо взиравшая на них зеленая бумажка.

– Баксами, я надеюсь, можно? – горделиво процедил Дмитрий сквозь редкий ряд пожелтевших зубов.

– Хоть тугриками, – до заушных впадин улыбнулась судебный пристав в кружевной наколке. – Это будет... – она наморщила безоблачный лобик – ... десять баксов и три нашенских.

– Пожалуйста! – словно мошну с золотыми луидорами, широким жестом протянул означенную сумму Кошелев – и без всякого намека на «чаевые».

Официантка не глядя сунула комок «нашенских» в карман передника и с уважением развернула зеленую купюру, втайне надеясь, что внутри завалилось еще что-нибудь лично для нее.

Надежда в ее глазах быстро сменилась разочарованием, а затем – недоумением.

– Это всё? – ледяным тоном осведомилась официантка.

Брови Кошелева недоуменно поползли вверх. Глуповато-весело подмигнув Алене – это что же, наглый рэкет? – он таким же насмешливо-холодным тоном поинтересовался:

– А чего вы еще хотите? Мы чая, кажется, не пили, – и с тонким, как ему казалось, намеком вновь развязно подмигнул спутнице. Та захлопала ресницами, как овца.

– Что вы мне дали? – температура тона официантки неуклонно приближалась к абсолютному нулю.

– Как – что? Вы же сами сказали, что за баксы м о ж н о! – с совершенно уже похабным намеком хохотнул развеселый Кошелев и опять зачем-то подмигнул Алене, как клоун в цирке.

– За баксы, а не за б а к с, – как дубинкой по голове, четко отпечатала официантка. – Вы дали мне три «деревянных» и один доллар. Еще девять американских долларов, пожалуйста, – официально-деловым тоном заключила она и протянула руку, как нищий на паперти.

Улыбка медленно сползла с лица Дмитрия. Головной мозг перестал соображать и выбил в округлившись глазах шейха большой знак вопроса.

На чем-то его явно разводят, но вот на чем – он никак не мог понять, и потому совершенно растерялся.

– Не по-о-онял, – протянул он дежурную дебильно-дегенеративную фразу и вдруг – полетел с места в карьер:

– Ты чё, подруга? Я дал тебе десятку! Протри бульки!!

Выражение ледяного спокойствия вмиг исчезло с лица официантки. Из сузившихся глаз будто выскочил злобный бультерьер и с рычанием бросился на взъерошенного поборника справедливости.

– Свои фары протри, алё! – мгновенно перешла она на «ты» и сунула купюру под самый нос Кошелева, не выпуская, впрочем, из рук.

Дмитрий внимательно, даже излишне внимательно вгляделся – и тут же ему ужасно захотелось приобрести другие глаза, ибо своим он с этой секунды перестал доверять.

Действительно – доллар. О д и н.

Оглушенный Кошелев несколько секунд нюхал зеленую бумажку в крепких пальчиках работницы бара, тупо впившись в нее глазами, и вдруг вспыхнул, как газовый фонтан – казалось, что вокруг него снопами рассыпались искры.

– Ловкость рук и никакого мошенничества?! – заревел он голосом портовой сирены с такой силой, что ему жалобно отозвались перепуганные стаканы на столах. – Да ты, коза, – Дэвид Копперфильд? А ну, отдавай бабки! – он попытался выхватить деньги из цепких рук официантки, но та ловко увернулась. Кошелев вновь грозно поднял над главою корчеватую десницу, но – так и застыл, словно в стоп-кадре.

– Ты чё, алё? – злобно зашипела кобра в кружевном передничке. В следующую секунду ее голос приобрел тон циркулярной пилы, наскочившей на огромный сук. – Ты чё, козел?! – недостаток словарного запаса она с успехом компен-

сировала агрессивностью бешеной гиены. – Счас я тебя накормлю, подгузник бэ-у, – увесисто пообещала благовоспитанная дама и, повернув голову в сторону кухни, трубным голосом призвала на подмогу карающие органы:

– Миша! Иди сюда! Бегом!

Не совсем бегом, но довольно резвым шагом из врат чистилища выкатился означенный «орган» Михаил – злобно-го вида стриженный крепыш с крепкими кулаками. В глаза Дмитрию почему-то сразу бросились две большие наколки на его оголенных до плеч мускулистых руках: на левой – «последний», на правой – «аргумент».

– В чем проблема, малыш? – вращая пороссячьими глазками, прогнусавил Михаил.

– Да вот – клиент... Платить не хочет, руки распускает... – презрительно указала «малыш» на в момент приунывшего Кошелева. – «Кинуть» нас захотел, п-пенёк ос-синовый! – процедила она, скривив губы в кольцо Мёбиуса. – Не на ту нарвался, милоч! Я на одесском Привозе зачалась, родилась и выросла! Там, где ты, убогий, учился, я преподавала! – добавила она в самое ухо ошалевшего от такого поворота дел Кошелева, у которого при виде «группы поддержки» мгновенно отнялись язык и конечности.

Алена, почуяв курносим носиком запах жареного отнюдь не из кухни, проворно вскочила и исчезла с поля предстоящего боя. Никто ей не препятствовал.

– А ты, чайничек, не убежишь, – ласково прорычал Миша,

преградив своей мощной грудью путь к выходу.

Дикая ярость волной цунами захлестнула Кошелеву глаза и вдруг схлынула, оставив голый берег и одни развалины от грозного минуту назад настроя. Обломки его дрожащих ног рассыпались, и он в изнеможении грохнулся на квакнувший стул.

Через несколько секунд Дмитрий посиневшими губами не совсем внятно сформулировал осенившую его разгадку волшебного превращения десятки в единицу:

– Ах ты, сволочь! Кидала собачий! А еще папку носишь!..

– Какого папку? Кто сволочь? – несказанно удивился такой наглости Михаил. – Обалдел, дядя? А ну, вставай на копыта! Быть кровопролитию!

И оно непременно произошло бы, но перепуганный Кошелев со скоростью автомата Калашникова разъяснил оппонентам создавшуюся туманную ситуацию, с большим трудом упредив мощный удар Мишиного «последнего аргумента» по своей несчастной физиономии.

Все объяснялось до смешного просто – его «кинул» возле радиорынка мнимый продавец валюты, всучивший Кошелеву, как распоследнему идиоту, однодолларовую купюру вместо десятидолларовой. Весь незатейливый «развод» в один момент ясно встал перед димочкиным мысленным взором, как на ладони.

Фокус-мокус-пинтипокус: на обратной, невидимой лоху стороне элегантной папки, как два скорпиона, в точно та-

ком же совокуплении сложены затертые однодолларовые бумажки. «Ширмач» отвлекает внимательный взор покупателя и – хоп!

У «клиента» вмиг вырастают ослиные уши.

– ... Вот так я лоханулся! – с горестной улыбкой закончил Дмитрий печальное повествование. – Хорошо, хоть сотню не купил!

Обитатели «Ласточки» досыта посмеялись над готовым расплакаться Кошелевым, однако просьбам о финансовой амнистии не вняли – подобных историй они слыхивали немало, а благотворительностью не занимались.

Происшедшее стало для Кошелева завершающим ударом – крепким апперкотом под «ложечку», после которого последовал неизбежный нокаут.

Такого черного дня в жизни Дмитрия еще не было. То чуть не плачущий, то деревянным смехом хохочущий Кошелев в совершенном расстройстве всех функций организма поздней ночью пешком воротился домой. Машину пришлось оставить в залог вышибале-хранителю «Ласточки» и его нимфе-циркулярке.

– Чтoб ты горела, такая жизнь! – завершил Кошелев неудачный день сакраментальной фразой и грохнулся на диван.

...Эту ночь Дмитрий не спал. Он лежал на диване, вытянувшись, сложив руки на груди и уставившись в ободранный потолок невидящим взглядом, как покойник – только свеч-

ки в руках не хватало. Едва уловимое дыхание не нарушало царившей в комнате абсолютной тишины.

Кошелев не вставал, не ел, не пил. Время от времени выражение мертвого спокойствия на его лице сменялось то маской язвительной насмешливости, то гримасой горести и тоски. Мучительные раздумья иногда подергивали его веки, временами скашивали набок рот. Это все показывало, что обитатель квартиры скорее жив, чем мертв.

Тем не менее, к утру он умер.

Чуть только забрезжил густо-синий рассвет, с дивана поднялся вновь родившийся Дмитрий Кошелев. Он был внешне в точности похож на усопшего – разве только немного побледнел и осунулся. Внутренне же новорожденный стал совершенно другим.

Так часто происходит в жизни – пока гром не грянет, мужик не перекрестится, а набожную жизнь тем более не начнет.

Человека поражает бронхиальная астма – и тогда, задыхаясь и синея, он наконец-то бросает курить (дотоле уговоры врачей и его домашних были тщетны). Крепко пьющий мужчина однажды терпит постыдную постельную неудачу с женщиной своей мечты – и только такой удар по голове и самолюбию заставляет его задуматься. Иной гражданин многие годы зарабатывает мизерные деньги, не желая напрягаться, – и до определенного момента его это устраивает (ведь что-либо менять – невыносимо тяжело). И только обьевшаяся сно-

творного из-за вечной травли одноклассницами плохо одеваемая им дочь подталкивает его к активным переменам.

И так далее.

Для Кошелева роль клюнувшего в мягкое место жареного петуха сыграл – для кого анекдотичный, а для него трагический – случай с денежным расчетом в баре «Ласточка». Именно трагический – ведь слово «трагедия» в буквальном переводе с древнегреческого означает «песнь козла». Именно такую песню поет в этой стране стройный хор несчастных обывателей под чутким руководством «хозяев жизни». Одну из ярких партий в этом сереньком хоре до сегодняшнего дня блял Кошелев.

Как упомянутый курильщик десятки раз принимает окончательное и бесповоротное решение бросить курить, так и Кошелев многократно ставил перед собой задачу с утра (первого числа, понедельника, Нового года) начать совершенно новую жизнь по давно разработанному и утвержденному плану. Но он, хоть и в козлином обличье, все-таки был человеком – и ничто человеческое было ему не чуждо. В том числе лень и инертность: ведь между принятием решения и претворением его в жизнь – огромная бездна, куда безмолвно падают и бесследно исчезают благие намерения. Сколько великих идей умерло, едва родившись, задавленные неумолимым бытом! А чего-то в жизни достигают в первую очередь не столько гениальные, сколько трудолюбивые и практичные, которые находят в себе силы развер-

нуть в нужном направлении тяжелый ход обыденности и укоренившихся привычек.

Белка выскочить из колеса может, только разрушив его.

Позавтракав чем Бог послал, Дмитрий оделся, взял из домашнего «загашника» деньги (с банковского счета брать Дмитрий запретил себе напрочь даже в самых патовых случаях) и отправился вызволять нашкодившую «Хонду» из алчных когтей «Ласточки».

Путь от его затасканного обиталища до злополучного бара был неблизкий. Кошелев брел, как всегда согнувшись в позу просителя. Он шагал, как во сне, краем глаза следя за светофорами на переходах и угловато обходя препятствия.

Даже встречные женщины не в силах были отвлечь его от высоких дум.

– «Почему?» – с безграничным удивлением в который раз спрашивал себя Дмитрий. – «Почему я, много знающий и еще больше умеющий человек, с высоким уровнем интеллекта и способностей к творчеству, должен влачить серое, обыденное, набившее оскомину существование? Почему я должен подбивать активы перед каждой мелкой покупкой – вместо широких заказов без подсчета вонючих копеек? Отчего я должен сначала спрашивать цену, и лишь потом рассматривать товар? Почему я не могу покупать то, что

мне нравится, а вынужден брать всякую дрянь, которая мне по карману? Почему?!...»

От мечущихся в мозгу риторических вопросов он всегда начинал скрипеть зубами. Вот и сейчас пробежавшие мимо школьницы с испугом отшатнулись от странного прохожего, издававшего сквозь плотно стиснутые губы какой-то деревянный треск, отчетливо различимый даже в уличном шуме.

Кошелев опомнился – зачем шокировать публику, рискуя к тому же последними зубами? – и бодрее зашагал по мощеному разноцветной плиткой тротуару.

Но неотвязные мысли продолжали бежать за ним, как свора злых собак. От раздумий уже никуда нельзя было деться, ничем не отвлечься. Дмитрия поразило своего рода безумие, нечто вроде белой горячки. Только вместо чертей каждые пять минут ему грезился кейс с аккуратно уложенными пачками стодолларовых банкнот – один, всего лишь один миллион американских долларов.

Этот вожденный миллион Кошелев утвердил себе целью занять к сорока годам. Как программу-минимум. Почему именно миллион и отчего к сорока годам – он и сам не мог толково объяснить. Круглые цифры – да и только.

Однако своим воспаленным мозгом грезящий наяву виртуальный миллионер вполне трезво осознавал, что заработать миллион даже к сорока годам в его теперешнем положении – утопия. Именно – *заработать*. А вот *заполучить* миллион – это вполне возможно. По крайней мере, стоит по-

пытаться.

Всеми данными для того, чтобы занять означенный миллион, Кошелев обладал. Или почти всеми: ума, хитрости, изворотливости, коварства, жестокости, продажности в нем было напичкано с избытком вкупе с полным отсутствием моральных принципов. О религиозности даже речь не шла. Чего еще нужно? Только горячее желание!

Но вот каждый раз это горячее желание ушатом холодной воды остужал вопрос номер один: по какому пути получения легкой наживы направить свои стопы? К чему приложить свои очумелые ручки? С чего и как конкретно начать?

Сразу за первым вопросом горной грядой вставал вопрос второй: где взять толкового напарника, которому можно было бы довериться, как самому себе? Умники-ботаники протирают штаны в разных НИИ, не помышляя о богатстве и власти, и потому на роль Зорро не годятся; трижды же судимые «братки» у Кошелева вызывали аллергию.

Третий вопрос со скрежетом и звоном внезапно встал перед Кошелевым в виде трамвая третьего же маршрута. Его широкая красная морда замерла сантиметрах в тридцати от носа Дмитрия. Неудавшийся трижды кандидат в покойники очнулся от дум, моментально оценил ситуацию, попятился и... сел на мостовую. У него отнялись ноги и заложило уши. Взволнованный рокот сгустившейся вокруг толпы, нетерпеливые гудки застопорившихся машин и отборные слова вагонновожатого доносились до Кошелева, будто

сквозь толстый слой ваты.

Потарахтел дальше трамвай, разошлись зрители, а отодвинутый сердобольными прохожими на грязную обочину Дмитрий сидел, как китайский болванчик, уткнувшись остекленевшим взглядом в одну точку на противоположной стороне улицы.

Этой точкой была безвкусно-яркая вывеска с надписью «Кафе-бар «Ласточка» над гостеприимно распахнутой дверью, в проеме которой торчал славный вышибала Миша и изгалялся над в прямом и переносном смысле севшим в лужу вчерашним горе-клиентом. Кошелев зачарованно смотрел на его громко хохочущую рожу, глумливо выставленный вперед палец и крепко прижатую к животу левую руку – будто Михаил сию секунду собрался бежать по неотложной нужде.

Дмитрий уже не думал о несостоявшемся поцелуе с трамваем. Он медленно поднялся, вялыми взмахами рук кое-как очистил брюки от пыли и заморожено двинулся к бару. И пока он преодолевал эти два десятка метров – целая буря чувств пронеслась в его душе. И отнюдь не острое желание разорвать на мелкие части славного Мишаню доминировало в ней.

Нет, нельзя дальше жить незаметным лицом из толпы. Никак невозможно. Вариться в каше мелких обывательских страстей, носиться бурым волком в поисках десятки, вернуться в водовороте серых будней, слегка разбавленных се-

рыми же праздниками, осточертело Кошелеву до тошноты.

А будь Mr. Dmitriy Koshelev миллионером – вся жизнь его была бы иной. Как на другой планете. Миллион – это высокий и толстый забор, мощная плотина, по разные стороны которой течет разная жизнь. И находишь Дмитрий по ту сторону забора – ничего, абсолютно ничегошеньки из дурацких происшествий последних времен с ним не произошло бы. В новеньком «Роллс-ройсе» никогда не заклинило бы тормоза; никакая сволочь у базара не ткнула бы Дмитрию один доллар вместо десяти, потому как его и возле базара не было бы – нечего миллионерам там делать; не осмелел бы его дебил Миша в дрянном баре, а если бы осмелел – это была бы последняя в его никчемной жизни насмешка; не всучили бы ему пр-роклятые «кидалы» на «Яме» р-рас-спр-р-роклятый «Ситроен», напротив – владельцы престижнейших автосалонов с ножами в руках дрались бы за право предложить его величеству Диме последние новинки мирового автопрома!..

А женщины... Ах, сволочи! Целый гарем Дмитрий заставил бы лизать прах у его ног!

С бледным до синевы лицом, закусив губу, будущий миллионер дрожащей рукой ткнул десять долларов широко улыбающемуся Мише и получил взамен ключи. Еще вчера полученный с Кошелева доллар был присвоен официанткой в виде компенсации за моральный ущерб. Кошелев не возражал.

Энциклопедический случай с покупкой великолепного «Ситроена» в свое время бросил в подготовленное к посеву

сердце Кошелева зерна нового сознания. Происшествие же в злополучной «Ласточке» вырастило и укрепило колючий стебель, на котором пышным цветом распустились ядовитые цветы.

Уже через полчаса, вызволив из вражеского плена горько плакавшую водянисто-маслеными слезами «Хонду», Дмитрий облек в четкий пошаговый порядок давно созревший в голове план действий и незамедлительно приступил к его реализации.

Часть III

Отхлебнув дымящегося кофе из обжигающего пальцы пластикового стакана, Дмитрий Кошелев перевернул страницу и вновь углубился в чтение. Вот уже три битых часа он сидел в громадном читальном зале научной библиотеки.

Первоначальный пышный вулкан делового энтузиазма давно угас и покрылся серым пеплом. Дмитрию уже не раз приходилось бить себя кулаком по голове и восклицать: «Эй, брат Кошелев! Ты – мужик или барахло?» Пополнив подобным возгласом иссякшую силу воли, он вместо похода на пиво с таранью отправлялся в библиотеку питаться духовной пищей, где в неисчислимых количествах поглощал книги по теории и практике минно-взрывного дела, а также по наркотическим веществам и ядам.

Такие справочники из хранилищ научных библиотек выдавались далеко не всем – эти темы были наглухо закрыты для массового читателя. Кошелев был весьма неприятно удивлен, услышав от миловидной хранительницы знаний такую новость. Но это препятствие на пути к новой жизни не повергло его в панику – Дмитрий из любого положения умел найти выход.

В принципе, в насквозь прогнившей стране победившего Пирровой победой капитализма любой вопрос решается с помощью дензнаков, но Кошелев, подобно Ленину, решил

пойти другим путем. Во-первых, жаль было денег, а во-вторых – зачем сразу оставлять ненужные следы?

Так в послужном списке самозваного кандидата в новые русские появился первый, пусть малозначительный, факт конфликта с законом.

Вообще, по большому счету, с законом в той или иной степени конфликтует каждый – и Дмитрий не был исключением. Такие противоправные деяния, как уклонение от уплаты налогов, незарегистрированная предпринимательская деятельность, перепродажа краденого и элементарный обман должностных лиц и простодушных граждан давно уже были корявыми литерами вписаны в незамысловатую историю его жизни. Однако с недавних пор он ступил на совершенно другую, очень скользкую стезю. Ему предстояло стать минером – в прямом и переносном смысле, а для такового первая ошибка в большинстве случаев становится последней.

Ее-то, непоправимую ошибку, он и пытался исключить из всех возможных вариантов целиком и полностью. Как он сам говаривал, посмеиваясь, – «целиком и наполовину».

В хилой груди Дмитрия Кошелева пряталась, как мышь в норе, мелкая и низменная душонка – настолько трусливая, насколько и подлая. Безрассудная рискованность, удаляя бесшабашность и тому подобное Диминой натуре были никак не свойственны.

Небезопасные или скандальные разговоры он предпочитал вести по телефону; если бить – то из-за угла.

А свести к исчезающе малой величине опасность «погореть» возможно было только лишь при условии выверенной, до последнего миллиметра и секунды, разработки.

Боязнь встретиться с опасностью лицом к лицу с годами превратилась в некую медицинскую проблему, нечто вроде фобии.

Тем не менее, Кошелев громадными усилиями воли из разболтанного лентяя сумел переделаться в последовательного упрямца.

Как на хорошего инженера или писателя, без остатка увлеченного любимым делом, иногда находят озарения (даже во сне), так и на Кошелева иной раз снисходили всякого рода выдумки да идеи, настолько он был захвачен осуществлением своей мечты. Количество умственных усилий неизбежно переходило в качество.

Кое-что Дмитрий черпал из многовекового опыта незаконопослушной части человечества, иногда изобретал велосипеды сам. Первым – одним из самых важных – ним было принято правило: поменьше «светись» – во всяком случае, под своим именем. Кошмарный урок, полученный на «Яме» и за ее пределами, не пролетел сквозь уши, напротив – засел в «чердаке» Кошелева толстым колом.

Полностью следуя изложенному выше правилу, для посещения закрытых отделов библиотек Кошелев собственноручно смастерил себе липовое удостоверение личности. Ненавистную бороду отращивать не стал – до конца жизни

таскать этот дурацкий веник на лице, что ли?

Он просидел за работой целый день, но потерянное время того стоило. Взяв поздним вечером результат своего кропотливого труда в перепачканные руки, новоявленный фальшивомонетчик приятно удивился самому себе.

– Ай да Дима, ай да сукин сын! – паскудно изгадил своим именем выражение восторга великого писателя Кошелев, разглядывая свое творение.

С новеньких, еще остро пахнувших типографской краской красных корочек с надписью золотым тиснением «Удостоверение» (прогрессивно перестроившиеся новорусские типографии в изобилии печатали подобные заготовки для всякого рода преступного люда, и продавались они на каждом шагу) на Кошелева строго взирал сквозь огромные очки его несуществующий двойник – Максим Андреевич Павлов. Как явствовало из каллиграфическим почерком выведенного пояснения к образу, означенный М. А. Павлов являлся начальником отдела охраны некоей фирмы «Феникс» («Веник-с», – хихикал, потирая ладони, Кошелев).

Виртуальный Павлов родился рано утром, когда Кошелев, нацепив на свой длинный нос шутовские очки с простыми стеклами (они остались у него еще с веселой студенческой поры), сфотографировался в фотоателье «Момент» в далеком районе города.

Документальное оформление новорожденного было уже делом техники. В специализированной фирме Дмитрий от-

печатал на компьютере нужный текст и старательно заполнил нужные графы.

Попотеть пришлось над печатью. Из трех имевшихся у него «утерянных» печатей с помощью бумажных масок Кошелев сотворил оттиск четвертой – никогда не существовавшей. Шлепнув его поперек глумливо улыбающейся рожки Павлова, Дмитрий громким пением торжественного марша завершил творение лже-сотрудника «левой» фирмы «Феникс» – воистину родившейся из пепла сгоревших предприятий.

С приятным ощущением недаром прожитого дня Кошелев поужинал и лег спать.

Некоторые опасения Дмитрия насчет звонка сотрудниками библиотеки по несуществующему телефону директору «Феникса» совершенно не оправдались. Безотказно, как всегда, сработало правило второе – побольше наглости! С уверенным видом без секунды промедления тычь в нос любую фальшивку – взрослые люди обычно доверчивы, как дети.

Неудачно попытавшись однажды сунуться в анналы одной из научных библиотек, во второй раз хитрый лис Кошелев туда не полез – благо на одной библиотеке свет клином не сошелся. К дверям научной библиотеки на другом конце города на ярко-красной «Хонде», как и подобает солидному чи-

новнику, подкатил уже М. А. Павлов.

То и дело поправляя сползающие с носа и безжалостно натирающие непривычную переносицу тяжелые очки, он предъявил новенькое удостоверение работнице библиотеки и хлопнул о стол списком интересующих его книг.

Пожилая хранительница знаний человечества лишь бегло взглянула на «ксиву», но внимательно ознакомилась со списком. Видимо, старая школа грозно окликнула ее из глубины прошедших лет – глаза библиотекарьши подозрительно сузились:

– А зачем вам эти книги? Это для военных специалистов и экспертов-криминалистов! А вы...

Недрогнувшим голосом Кошелев не дал развиваться опасной теме, без сучка и задоринки отчеканив заранее обдуманый ответ:

– Как – зачем? Я же являюсь на-чаль-ни-ком от-де-ла о-хра-ны! Удостоверение внимательно читали? Я не кто иной, как солдат на страже! А солдат обязан знать оружие врага – и тогда победа будет за нами!

Кошелев внутренне ржал, как лошадь – просто умирал от смеха. А наружно – строгий Максим Андреевич Павлов выдавал на-гора правильные речи. В конце концов, Дмитрий обнаглел до упора и заявил:

– Да что у вас за порядки? Я Ивану Петровичу пожалуюсь! Кто был этот Иван Петрович – библиотекарь не знала, однако бушевавшая в ней старая школа мгновенно заткнулась

и взяла под козырек. Бросив короткое «подождите», она удалилась в святая святых и через некоторое время вернулась со стопкой требуемых книг. Формальности не заняли много времени, и Кошелев, ощущая себя разведчиком в тылу врага, проследовал в чистый и тихий читальный зал, уселся за угловой стол и углубился в чтение.

...Пьянящее чувство агента 007 давно ушло в небытие; потянулись серые учебные будни. Мелкой розничной торговлей Кошелев зарабатывал на хлеб насущный, а в свободное время водружал на нос осточертевшие очки и ехал в библиотеку. Там его уже принимали за своего и без лишних разговоров выдавали требуемую литературу. Дмитрий брал в буфете стакан кофе, с тяжким вздохом шел к «своему» угловому столу и погружался в скучный мир сухих цифр и пресных выкладок.

Вот и сегодняшний день был до оскомины во рту похож на вчерашний. С момента открытия библиотеки «студент» торчал за столом и штудировал «Учебник сержанта инженерных войск», конспектируя те или иные места в ревностно скрываемую от посторонних глаз толстую тетрадь. Ее он хранил дома в специально устроенном тайнике пуще зеницы ока.

Кошелев, конечно же, вовсе не собирался идти в армию. Храни Господь от этого! Из этого учебника он, как сок из лимона, выжимал нужное – теорию минно-взрывного дела.

Ищущий да находит, стучащему открывают. Диме еще

в школе неплохо давались точные науки, в том числе физика и химия. Теперь, по прошествии стольких лет, он достал с верхней полки своего стриженного «чердака» пропахший мышами и нафталином начальный капитал знаний и пустил его в оборот.

Ничего сверхоригинального Кошелев не замыслил – напротив. Большие деньги можно было «сделать» несколькими проторенными путями: вымогательством или торговлей высоколиквидным товаром – наркотиками, людьми, оружием или взрывчаткой. Причем становиться слепым орудием в чужих руках он вовсе не горел желанием – наоборот. Он вознамерился единолично занять какую-нибудь дотопе пустующую «нишу» и, как сам выражался, «закрутить свою мафию».

По этим двум направлениям он и вел «геологоразведочные» работы, тоннами изучая всевозможные книги, имеющие хоть отдаленное отношение к наркотическим, отравляющим, психотропным и взрывчатым веществам.

Он долго сопоставлял все возможные варианты – и колебался в выборе. Подобно буриданову ослу, он стоял между несколькими путями обогащения и глупо вертел седой головой.

Неумолимое время шло, а веселого перезвона монет в продранных карманах Кошелева что-то не слышалось. Напротив: он забросил все свои каналы добычи средств к существованию, постепенно отошел от дел – и, что называет-

ся, выпал из обоймы. Тощие ручейки денежек, текущие в его дырявое портмоне, обмелели и засохли. Будущий злой гений, в конце концов, добрался до своего банковского счета – и будто схватил снег горячими руками: деньги стали таять с возмутительной быстротой. Как известно, деньги трудно заработать, а уж потратить...

Так продолжалось всю зиму, весну и половину лета. В голове Дмитрия накопилось несколько тонн самых разнообразных данных, которые упорно не желали превращаться в разноцветные пачки наличных.

Но охота, как известно, – пуще неволи. Со временем Кошелев, по крупицам собирая знания, как пчела мед, охватил мысленным взором проблему как бы с высоты птичьего полета – и в один прекрасный день определился.

Выяснилось, что синтезировать какой-нибудь «крутой» наркотик – например, героин – одному, в домашних условиях, было технически невозможно, – и Дмитрий тут же отбросил эту идею. А мотаться курьером по перепродаже хозяйского зелья, как уже было сказано выше, Кошелев изначально не собирался. Тем умный человек и отличается от глупого, что вникает в глубинную суть явления, в начале пути ясно видя его конец. Дмитрий прекрасно понимал, что, став обычным наркокурьером без связей в преступном мире, нужных знакомств, опыта тюремных «посадок» – и даже если бы имел таковые! – закончит плохо. В конце туннеля он неизбежно увидит либо тюремную решетку, либо захлоп-

нувшуюся крышку гроба (хотя нет, не увидит, потому что крышка захлопнется над ним). Ко всему прочему, Кошелев очень боялся попасть в зависимость от кого-либо – а наркокурьер неизбежно становился подневольным до конца своих немногочисленных дней. Если кто-либо думает, что, сунувшись в эту сферу, он сразу спокойненько загребет пару миллионов, получит «БМВ», путевку на Гавайи и «соскочит» – он ужасно ошибается. Все перечисленные блага достанутся определенным высокопоставленным господам, а низкозасунутым – синяки и шишки. Кому вершки, а кому корешки. Мир уж таков.

Да и вообще – работать на кого-то Кошелев после некогда приключившейся с ним оказии закаялся раз и навсегда.

* * *

Однажды, во время банальной прогулки по суетливому базару, Дмитрия неожиданно, перепугав до состояния ступора, стукнул по плечу старый знакомец Сергей Викторов.

– Здорово, Димон! – широко улыбаясь и привычно щуря правый глаз, приветствовал бывшего однокашника Викторов. – Сколько лет, сколько зим! Ты чего пыль базарную трамбуешь?

– Да так, просто прогуливаюсь, – уклончиво ответил «Димон». – Себя показать, людей посмотреть. Вот тебя, например.

– Не только посмотреть, но и послушать! – жизнерадостная улыбка старого знакомого растеклась еще шире по плоскому добродушному лицу. – Как поживаешь?

– Никак, – пожал узкими плечами Кошелев. – Семь на восемь. Но – не двенадцать.

– Как это – никак? – Викторov вдруг резко качнулся вперед, чуть не сбив отпрянувшего Кошелева с ног. Привычно присвоив толкнувшему его толстому гражданину несколько имен из Красной книги, Сергей пригласил одноклассника в пивной бар, расположенный тут же, на рынке, и завлекавший клиентов оглушительной музыкой из выставленной на тротуар колонки.

– Даже побазарить с другом не дадут! – бурчал Сергей, волоча за рукав не особенно упирившегося «друга».

В полутемном зальчике, насквозь пропитанном бьющими в нос ароматами кислого пива и полуистлевшей рыбы, Сергей Викторov гостеприимно усадил Кошелева за угловой столик и направился к стойке.

Пребывавший в выжидательном напряжении Дмитрий облегченно расслабился, разглядев в ладони Сергея несколько мятых бумажек. Ты глянь, уплатил – и за него, Кошелева, тоже. Значит, его дела не так уж плохи. В отличие от моих...

Поутру в питейном заведении посетителей пребывало – сущая мелочь. Люди были в поте лица заняты зарабатыванием средств, прежде чем подарить их владельцу «трактира». Гул базарного улья доносился сюда значительно ослаблен-

он сокрушенно вздохнул.

– Не идет бизнес. Клиент какой-то... прижимистый пошел. За копейку удавится.

– Что же, – пожал плечами визави. – Все деньги стали считать. Время такое.

– Ну, а ты как? – соскользнул Дмитрий с язвящей душой темы. – Рассказывай!

– Лучше всех! – благодушию старого знакомого не было пределов. – Обожди секунду – возьму еще по бокальчику!

Преданный любитель пива Кошелев обеими руками был «за».

Вторая порция пенного напитка внесла еще больше непринужденности в общение записных товарищей.

– ... В данный момент торговля лесом – лучший бизнес! – убеждал «гения радиотехники» Викторов. – Брось ты свои безделушки и займись делом! Откуда дровишки? Из лесу, вестимо! Лесник, слышишь, рубит, а я отвожу! И продаю. Улетают в момент!

– Ну, ты возишь. А я причем? – поднял выцветшие брови Кошелев. – У меня лесопилки в частном владении не числится.

– Дай срок – будет и лесопилка! – изогнул бровь «Папа Карло». – Имею я такие планы. А пока... а пока... – он допил пиво и стукнул бокалом о столешницу. – У меня шофера нет на грузовик.

– А зачем тебе шофер? – удивился Кошелев, напряженно

размышлявший о третьем дармовом бокальчике. – Самому в падло баранку крутить?

– В падло, – мотнул головой Сергей. – Категории нету, да и не умею я... Боюсь, короче. Так пойдешь?

– Ку-куда? – поднял из пивной пены осоловелый взгляд Кошелев.

– Да ко мне, шофером! – похлопал его по тщедушному плечу Виктор. – Лес возить! Ты да я, да мы с тобой! У тебя же категория «С» открыта? Мы ж еще, помнится, в школе сдавали! Ты экзамен сдал, а я чуть в кусты не заехал!

– Открыта, – уронил сожалеющий взгляд обратно в бокал Кошелев. – А что за лесовоз у тебя? «МАЗ»? Или, может, «Вольво»? Категорией «Е» я не обзавелся...

– На «МАЗ» я еще не заработал, а на «Вольво» тем более, – вздохнул дровяной магнат. – «Ифа».

– «Ифа»? – удивился Дмитрий. – Почему «Ифа»?

– Недорого продавалась! – честно признался Виктор. – За четыреста баксов купил, еще пару сотен вложил – и катаюсь уже второй год. Да вот – водитель мой скоропостижно уволился. А там уже штабель бревен ждет. Не вывезу – другие сцапают. Желающих – до фига и еще немного. А лично шоферить – ну его в башлык. Сам разобьюсь и других покалечу. Ну, что скажешь?

– Когда ехать? – отодвинул в сторону пустой бокал Кошелев.

– Позавчера! – хмыкнул Виктор. – А серьезно... Если

можешь – завтра.

...Нищему собраться – только подпоясаться. Спозаранку Дмитрий уже деловито расхаживал вокруг «Ифы», стуча носком ботинка по шинам, как заправский лихой шоферюга. Еще раньше он заправил бак доверху и проверил уровень масла.

Более никаких проверок машины перед дальним рейсом Кошелев не проводил. Не царское это дело – в липком мазуте плавать да нежные пальцы обдирать. По его мнению, сто долларов в месяц, положенные ему работодателем, того не стоили.

И хоть по тем временам это были весьма значительные для наемного работника деньги, его сиятельство баронет Дмитрий Кошелев ценил свой эксклюзивный труд значительно дороже.

Но, как известно, на безрыбье и рак – рыба.

Сергей Викторов с небольшим черным кейсом в руках вышел из маленького домика, который он снимал с женой и тремя детьми, уселся в кабину и тоном Гагарина рявкнул: – Поехали! – и так же исторически взмахнул рукой.

Сказка о попе и работнике его Балде зазвучала с первым оборотом дизеля.

Кошелев еще накануне опробовал новое средство передвижения, и сегодня выглядел за рулем весьма уверенно.

За окном ярко блистало свежее утреннее солнце, щедро поливая росную землю излишне горячей любовью. Несмотря

на ранний час, погода за окном напоминала тропики в полдень.

Дмитрий запустил мотор и несколько минут недвижимо сидел, склонив голову к капоту и будто прислушиваясь к работе дизеля.

«Двигатель прогревает!» – с невольным уважением подумал хозяин конторы о новом батраке, хотя в такую жару прогреть агрегат не было никакой необходимости.

На самом деле трясущийся в крупном ознобе Кошелев (дизельное сердце «Ифы», как и все его собратья, в изобилии дарило нещадную вибрацию кабине, особенно на холостых оборотах) последний раз решал мучительную дилемму: быть или не быть ему проданным наймитом у своего же одноклассника? А может, плюнуть на его заманчивое предложение и отправиться домой досыпать? Облом пахать! Обло-о-ом!

Однако, пораскинув раскисшими мозгами, «наймит» все же решил отправляться в путь-дорогу. Страстное желание развеяться, отвлечься от серой обыденности вкупе с острой необходимостью заработать взяли верх над заскоруждой ленью и парализующей расслабухой.

Кошелев мотнул остроносой головой, как отгоняющий мух конь, и решительно тронул машину с места.

Застоявшийся двадцатипятилетний немецкий дизель весело зарокотал и играючи поволок порожний грузовик по славянскому ухабистому проселку – разве что на губной

гармошке не запиликал. Вырулив на большак, Кошелев прибавил скорости и фальшиво засвистал нечто, отдаленно смахивающее на «Дойче зольдатен, унтер-официрен». Блаженно развалившийся на пассажирском сиденье Викторов весело улыбнулся и покачал большой лысеющей головой:

– Смотри, в партизанские леса направляемся!

– Думаешь, могут по дороге мину заложить? – подыграл Кошелев. – Не бойсь, герр майор! Аллес будет гут!

Так, весело перешучиваясь, они мчались по ровной дороге, настигая и сходу обгоняя попутные машины и пугливо сторонясь встречных. Перебрасывались шутками-прибаутками, обменивались мнениями по поводу нынешней жизни вообще и лесоторгового бизнеса в частности, перемывали кости знакомым и громко ржали.

Поздним вечером прибыли на место. Погрузку пришлось отложить до рассвета.

* * *

...«Лесоторговый воротила» неуклюжим шмелем вился вокруг «Ифы», низко просевшей под непомерным грузом толстых сырых бревен.

– Крепче увязывайте! Крепче! – покрикивал он на «партизан», не обращавших ни малейшего внимания на его окрики.

Работа кипела, как перегретый котел. Двое крепких му-

жиков неспешно делали свое дело по увязке и закреплению груза; переживавший за все хозяин метался серым волком, надрывал душу; не отвечавший ни за что Кошелев подпирал плечом столетнюю сосну неподалеку, бросая иронические взгляды на рабочую суету.

– А тебе на кажется, Серега, что «Ифа» не совсем предназначена для таких испытаний? Из нее лесовоз – как из палочки трактор! Задний мост слабенький, чулочки тоненькие, а ты на нее, беднягу, сырые коряги...

– Заглохни, Дима! – от шутливой еще недавно тона «па-на директора» не осталось и следа. Сергей Викторov всецело был поглощен решением сложного уравнения, в котором пьянящая страсть наживы сравнивалась с трезвыми доводами рассудка.

Больше нагрузишь – больше выручишь; меньше нагрузишь – вернее домой довезешь, без риска обломаться и встать раскорякой посреди дороги.

– Чем больше посижу – тем больше наловлю я... – задумчиво мычал под нос Викторov, мучительно борясь с искушением. – Чем больше наловлю – покушаю сытнее; чем больше я поем, тем больше я посплю... Чем больше я посплю – тем буду здоровее!

Искушение, как всегда, взяло верх. Повинуясь указующей деснице клиента, крановщик довесил на трудовой горб тяжело крякнувшего грузовика еще четыре толстенных ствола.

«Ифа», казалось, застонала человеческим голосом. Затре-

щали под неподъемным грузом борта, закрипели прогнувшиеся сверх меры рессоры. Зад машины просел чуть ли не до земли; кабина же, напротив, рванулась вверх, будто собираясь взлететь в лазоревые небеса.

Кошелев встревоженно покачал головой, но не сделал ни малейшей попытки воспрепятствовать чинящемуся на его глазах вандализму.

«Партизаны» прочно увязали разошедшиеся далеко в стороны борта грузовика, приняли, не глядя, полагающуюся мзду и нетерпеливо замахали руками, прогоняя крохоборов прочь – следом за «Ифой» уже вырос длиннющий хвост таких же нетерпеливых «лесопромышленников».

На этот раз веселый свист не смог пробиться сквозь крепко стиснутые зубы Кошелева. Мгновенно вспотевшему, несмотря на прохладное утро, водителю-профессионалу было не до песен.

Перегруженный грузовик с натужным ревом пробивался по раздолбанному лесному «хайвэю» к голубой мечте всей своей подневольной жизни – федеральной автотрассе. В надсадных выхлопах дизеля, громком скрипе всех частей «Ифы», тяжелых вздохах тормозов явственно слышалась полупесня-полуплач: «Хочу домой, в Германию!»

Однако сторбившиеся в кабине двое ненормальных с каменными лицами такой привилегии даже к пенсии трудяге грузовику не обещали. Напротив – выбравшись из лесной чащи на ровную серую ленту асфальта, державшую среди

темных лесных массивов неуклонное направление на юго-восток, Кошелев воткнул третью передачу и выжал педаль акселератора до пола.

Дизель удрученно взревел, однако вынужден был подчиниться насилию. Из последних сил он поволок, задыхаясь и кашляя, тяжеленный воз отнюдь не хворосту.

– Откуда дровишки? – подмигнул хитрым глазом «поп» Виктор.

– Из лесу, вестимо! – повеселел Балда Ефимович Кошелев.

Дорога побежала под уклон, и Кошелев мгновенно, как на автаралли, включил нейтральную передачу.

Грохот дизеля разом стих. Автомобиль, облегченно бормоча, побежал под уклон, скрипя и раскачиваясь, как океанский лайнер на волнах. Кошелев осторожно действовал баранкой, твердо памятуя о неважной управляемости перегруженным автомобилем.

За окном все чаще замелькали выстроившиеся во фронт строевые сосны, словно отдавали честь вековечному работяге грузовику. Пропитанный хвойным настоем целительный воздух пьянящими волнами наполнял душную кабину, расправляя озабоченные морщины на лбах двух вжавшихся в сиденья камикадзе.

Беззаботная стрелка спидометра плясала свой легкомысленный танец возле отметки «70». В самом конце затяжного спуска Кошелев врубил передачу и нажал на «газ», наме-

реваясь с ходу выскочить на недлинный, однако крутенький подъем.

Ужасающий треск раздался откуда-то сзади, из-под загруженного сверх всяких пределов кузова.

В следующий момент могучие сосны-великаны за окнами кабины вдруг бросились на беззащитную «Ифу» и принялись играть нею, как консервной банкой, переворачивая ее во всех плоскостях и страшными пинками, с грохотом и звоном, посылая ее от команды к команде через всю дорогу, попутно расшвыривая по асфальту смолистые бревна, как спички.

Несчастливая «Ифа», рваным веером разбросав окрест ненавистный груз, несколько раз перевернулась и застыла у самой кромки дремучего леса.

* * *

...«Какого рожна ты на меня улегся?» – грозно кричал Дмитрий пьяному Коле, который, вернувшись домой с какого-то бухалова, не нашел места лучше, как грохнуться своей шестипудовой массой прямо на ноги прилегшего на диван старшего брата.

Брат Коля, никак не реагируя на запретительные меры, развалился слоновьей тушей поперек голеней Дмитрия и оглушительно захрапел, мыча и постанывая в алкогольном угаре.

«Да ты слезешь когда-нибудь, пьяная сволочь?!» – заорал Дмитрий во всю глотку, пытаясь коленями спихнуть вонючую тушу Николая на пол. Однако, несмотря на отчаянные потуги, это ему не удавалось. Родимый братец непостижимым образом резко прибавил в весе и будто посмеивался над посиневшим от натуги Кошелевым, хитро щуря правый глаз.

Тьфу ты, елки!.. Это же Сергей Викторов собственной нетрезвой персоной! Обмывал, видать, продажу леса, устал и зашел к нему передохнуть!

«Напилася я пья-а-а-ана-а, не дойду я до до-о-о-ому!» – вдруг назойливо зазвучала, завывла в ушах невесть откуда исходившая песня.

Ты, Серега, можешь петь, или спать, или ино что, но ноги-то мои уже затекли!

«Слезь, пожалуйста!» – по-хорошему попросил друга Кошелев. – «Ляг по-человечески и дрыхни хоть неделю!»

Сергей Викторов, развалившись, как бегемот на лежке, молчал и все так же больно давил на голени готового расплакаться батрака.

«Да встань же ты, кабанюра полосатый» – вне себя вскричал Кошелев и принялся кулаками молотить по мягкому, раскисшему от водки лицу спящего магната.

Но что это? Подлая дрянь Виктор под градом уничтожающих ударов все так же безмятежно улыбался и пускал хмельные пузыри, а Кошелев взвыл еще громче – теперь уже от острой боли в скрюченных пальцах. Наглая рожа пьяного

лесопромышленника только с виду была рыхлой. На деле же карающие кулаки Кошелева будто молотили по токарному станку, ушибаясь и ранясь о выступающие грани и острые углы.

...От жгучей боли в избитых кистях Дмитрий Кошелев пришел в себя. Некоторое время он с удивлением созерцал мотающуюся перед самым носом чью-то руку с окровавленными пальцами, медленно, но остервенело молотившую по раскрытому в страшной наготе замасленному мотору.

Лишь только захлестнувшая сознание невыносимая боль подкинула Кошелеву подсказку, что эти ободранные кровоточащие пальцы – его собственные. Он немедленно прекратил самоистязание, однако ему мучительно захотелось вновь кромсать кулаком все, что попадется – до такой степени затекли и болели ноги ниже колен.

Кошелев с томительным предчувствием перевел глаза вниз – и сразу крепко стиснул воспаленные веки.

Вот так, буднично, обыденно, тихо и спокойно сходят с ума.

Ноги Кошелева ниже колен были придавлены неуклюже, грузно навалившимся Сергеем Викторовым.

Как... ой, как... как же это прозывается-то... ой-ой... дежавю?.. Нет, это вроде о другом... а это... это...

А это – материализовавшийся кошмарный сон. Что, в конечном итоге, и есть сумасшествие.

В голове Кошелева гудели и с грохотом перетирали об-

рывки мыслей громадные корявые жернова. Он с удовольствием пролежал бы вот так, закрыв глаза, вечность, если бы не усиливающаяся с каждой секундой боль в неловко повернутых ногах.

Это обстоятельство вынудило готового расплакаться Дмитрия вновь разлепить веки и глянуть вниз.

Викторов по-прежнему недвижимо лежал поперек голени Кошелева в каком-то неестественном, изломанном положении, завернув правую руку за спину далее всех мыслимых ограничений, а левую уложив на груди, как покойник.

Но он не улыбался со своим всегдашним хитрым прищуром; по его бледному, как мел, лицу струилась алая кровь, постепенно густея и умирая.

Кро-овь!!!

Кошелев, не переносивший вида даже капли крови, – откуда и прыть взялась – дернулся изо всех сил, рывком высвободил из-под обмякшего Виктора затекшие ноги и в слепом страхе пополз, туманно соображая – куда, только бы подальше от окровавленного Сергея. Сознание его вновь помутилось.

Во второй раз Кошелев, придя в себя, круглыми от удивления глазами обнаружил свои ноги уже свободными, хотя ощущение навалившейся на них тяжести все не проходило. И замкнутого пространства, пахнущего солидом и остывающим железом, вокруг тоже не существовало – чистое небо и яркое солнце встревожено заглядывали в его безумно рас-

ширенные зеницы.

С мучительным стоном Дмитрий исхитрился встать сперва на четвереньки, а затем и в полный рост. Вдруг его качнуло, и он вынужден был ухватиться за нечто громоздко возвышающееся рядом.

Внезапно и резко к нему вернулась способность соотносить и трезво оценивать происходящее. Кошелев повел глазами вокруг – и ужаснулся.

На обочине дороги распласталась вверх колесами изуродованная до неузнаваемости «Ифа». Кабина ее была смята и скошена на сторону; кузов разбит в щепки; задних колес вообще не было – ни на своем месте, ни где-то поблизости. Ступив несколько шагов к трассе, Кошелев обозрел окрестности и схватился за голову.

В радиусе нескольких десятков метров трассу, грунтовые обочины и полосу отвода устилали бревна – целые, ободранные и разнесенные в щепы. Или это валялись куски скоропостижно скончавшейся «Ифы» – понять было невозможно.

Поодаль виднелась оторванная задняя ось грузовика, уткнувшаяся в толстую сосну.

Еще дальше угадывалась длинная вереница застывших в ожидании автомобилей и толпа недоумевающих и взволнованных людей.

Дмитрий с треском повернул гудящую голову на сто восемьдесят. С другой стороны на трассе цветасто шевелилась та же анимированная картинка – только ближе, отчетливее

и шумливей.

Незадачливый водила неверными прихрамывающими шагами побрел вокруг поверженного автомобиля. Глянув на непривычно оголенные задние рессоры, он сразу понял все.

У многократно перегруженного грузовика, не выдержав изощренных пыток и безалаберного отношения, лопнула правая стремянка – ответственная деталь, крепящая задний мост к рессоре. Итогом стало выворачивание задней оси из-под машины и неминуемое опрокидывание последней на полном ходу.

Вдруг Кошелев запнулся обо что-то и чуть не упал.

У самых ног Дмитрия валялся раскрывшийся кейс Виктора. Какие-то деловые бумаги, высыпавшись из него, устилали пожухлую траву. А это что?..

Это же...

Безотчетным движением Дмитрий Кошелев сгреб несколько разбросанных посреди бумаг зелено-серых купюр, оглянулся вокруг и бросился, очертя голову и забыв о боли, в лес – прочь от страшного места.

* * *

...В общем, Дмитрий Ефимович Кошелев всеми фибрами души жаждал совершенно другого – создать свою, личную империю, где он был бы главным действующим лицом, за-

облачным и ни для кого не достижимым, чтобы все вершки доставались именно ему. А пушечное мясо пусть комендоры заряжают в «стволы» и ублажают всех алчущих крови.

Оставался еще один способ сбора сметаны с навоза – производство и реализация взрывчатки. Как ни странно, изготовление взрывчатых веществ не представляло большого труда, и его вполне реально было организовать не то чтобы в домашних, но все же в сравнительно нехитрых условиях. Тот же гексоген можно было сострять из довольно простых составляющих, достать которые не составляло особых трудностей.

Однако, пораскинув мозгами, Кошелев и эту идею скомкал и выбросил в утиль, ибо этот путь в итоге приводил идущего в тот же тупик. Для реализации своего «товара» неизбежно пришлось бы вступить в деловые отношения с людьми, которые жизнь продавца ценили дешевле пули. В конце концов, окажешься, брат Кошелев, тем самым бессловесным презервативом, который единожды используют и вышвыривают – и часто в разорванном виде. Ну, уж нет!..

И он, как Иванушка у камня, избрал третий – рискованный, неизведанный, но многообещающий путь.

Часть IV

Сергей Антонов в кругу знакомых и сослуживцев слыл, в сущности, неплохим человеком. Добрый, веселый, непьющий, неглупый, аккуратный, увлеченный спортсмен, человек долга и чести – хоть картину пиши. Беда его (или счастье?) была в одном – он был неисправимым правдолюбом и искателем справедливости.

Во всем мире таким индивидуумам живется несладко, а в нашей стране – и вовсе горько. Однако людьми, превыше всего ценящими добро и справедливость, не становятся – ими рождаются.

«Правды, правды ищи» – сказано в Слове Божьем. И подобные Люди, даже в глаза не видя святого Писания, живут по его законам. И ничего с собой поделать не могут: такие они есть и другими не станут. Безжалостные реалии жизни с течением времени, конечно, могут внести в их мировоззрение кое-какие коррективы, обточить излишне острые углы, однако железный стержень вечного борца за правду внутри них остается, и никакая ржавчина его не берет.

Еще тяжелее жить тому из них, который еще и умен. Тогда он начинает видеть в людях и устройстве мира то, чего другие попросту не замечают – а увиденное не радует взор. Мудрый видит всю грязь человечества – и чем больше он пытается разобраться в первопричинах происходящего, тем

в большее отчаяние впадает, осознавая, что взялся за неразрешимую задачу. В двух словах это явление описано задолго до нас: во многой мудрости много печали.

Именно поэтому Сергей при всех своих положительных человеческих качествах отнюдь не был счастливым человеком. Он не мог быть счастлив в принципе, ибо всякую боль человеческую он всегда пропускал через свое сердце. При всем том он ясно осознавал, что любую несправедливость по отношению к людям чинит не кто иной, как сами люди. Это было очевидным противоречием – всем сердцем любя людей, Антонов до глубины души ими же и огорчался.

Главным моральным принципом (отнюдь не христианским) Сергея Антонова был такой: всякий, преступивший черту закона человеческого, не имеет права называться человеком и взывать к снисхождению. Сознательно содеял зло – отвечай! Застрелить на месте вора, забравшегося в квартиру, Сергей считал деянием вполне уместным и справедливым. Более того – для него не было большего морального удовлетворения, чем творить возмездие за совершённое злодеяние или хотя бы наблюдать за этим процессом.

При всем том парень вовсе не был Бэтменом, и удовлетворять таким образом свою жажду справедливости особой возможности не имел.

Противоречие же между давлением пара и прочностью корпуса может взорвать котел.

Если пар не найдет выхода.

Сергей Антонов крепко зажал отверткой последний винтик и отер перепачканной маслом рукой пот со лба. Оглядевшись со всех сторон результат своего многодневного труда по ремонту кинжала, он взвесил его на вытянутой руке и довольно улыбнулся. Внушительных размеров тяжелый нож с наборной рукоятью удобно лежал в ладони. На отполированном до блеска хищном лезвии бликовало вечернее солнце.

Сергей сунул кинжал в ножны, приладил его под мышку и закрепил ремнями на манер кобуры пистолета. Стоя перед зеркалом, он принялся отрабатывать молниеносное выхватывание кинжала из ножен – раз, потом еще раз, затем еще и еще. Получалось неплохо, и удовлетворенный Сергей отправился отдыхать.

Несмотря на то, что Сережа неплохо владел приемами рукопашного боя, каковые непрерывно совершенствовал, он крайне редко выходил из дома без какого-либо оружия. Нет, пистолета он не имел – даже газового. Все, что у него имелось, было из разряда холодного оружия, придумано им самим и сделано его собственными руками.

Сергей Антонов отнюдь не являлся кровожадным бандитом. Если у кого-то успело сложиться такое мнение о нем – оно поверхностно и в принципе ошибочно. Напротив, в быту он зарекомендовал себя человеком очень вежливым, ти-

хим и вообще неконфликтным. Сергей никогда не портил отношений с кем-либо первым – если только в этом не было крайней необходимости. С ним вполне можно было лететь на Марс – совместное с Сергеем долгое сосуществование в тесной кабине космического корабля ни для кого не стало бы в тягость.

Однако вежливым и тихим он оставался сугубо до того момента, пока с ним поступали адекватно; едва лишь стоило кому-то проявить неуважение, как из-под маски мирного обывателя тут же высывались звериные клыки.

Но случалось такое нечасто – острых ощущений Сергей Антонов не искал, и сомнительного венца короля микрорайона не жаждал.

...А начиналось все классически – как в кино.

Сережа Антонов рос мальчиком слабым и болезненным. Человеческое же общество, как это ни прискорбно, морально недалеко ушло от животного – а во многих отрицательных качествах его и перещеголяло. Дети же отчего-то особенно жестоки – может, потому, что права древняя идиома: устами ребенка глаголет истина. В том числе – истина о низости и подлости человеческой

Одним словом: падающего – подтолкни!

Слабого – забей!

Полностью сообразно этим принципам относились однокашники к тихому и скромному Сереже Антонову. Они с сатанинским удовольствием постоянно оскорбляли и избива-

ли его.

У Сережи не было ни старшего брата, ни сильного друга. Отец помогал только мудрыми, но бесполезными советами типа «защищайся сам». Слабые попытки мальчика последовать подсказке и постоять за себя воспринимались обидчиками как бунт на корабле, и Сергей получал удвоенную порцию тумачков.

Дотянись это безобразие до окончания школы – вполне возможно, что во взрослую жизнь Сергей Антонов вступил бы со сгибающим спину грузом комплекса неполноценности.

Все изменил Его Величество Случай.

Если бы в начале пути кто-то сказал вечно освобожденному от уроков физического воспитания Сереже, что в недалеком будущем он будет иметь довольно неплохие навыки рукопашного боя – он бы пожал плечами и забыл об этом: до такой степени нелепым в то время казалось такое пророчество.

Как всегда безотказно сработала старая верная пословица: с кем поведешься, от того и наберешься.

Судьба улыбнулась Антонову: он познакомился с очень необычным парнем, который сразу вырос в глазах Сережи до размеров высокого идеала, несмотря на рост 167 сантиметров. Звали его Александр Бузько.

Сблизила их музыка. Оба любили ее до беспамятства – Саша как профессионал (он окончил музыкальную школу),

Сереза как дилетант – он по самоучителю выучился играть на гитаре. Как водится, оба имели магнитофоны и увлекались звукозаписью.

Однажды Саша на перемене подошел к Сергею и попросил у него переписать аудиокассету с концертом его любимого музыканта Жана-Мишеля Жарра. Так завязалась их дружба.

И что самое интересное – четырнадцатилетний Саша Бузько оказал большое влияние на пятнадцатилетнего Сергея Антонова.

Надо сказать, что первое впечатление Серези от знакомства с Александром было весьма неоднозначным.

Сергей принес обещанную кассету Саше сразу после занятий. Александр, усадив гостя на диван, предложил подождать, пока он закончит тренировку, так как прерывать ее нежелательно. Имеет ли Сергей время? Да, имеет. Ну что ж, пусть побудет пока зрителем.

И перед ошеломленным взором притихшего в углу дивана Серези развернулось невиданное им дотоле действо. Оно произвело на подростка впечатление тем большее, что в те времена ни на киноэкране, ни тем более наяву увидеть подобное было практически невозможно.

Александр перед приходом нового знакомого только приступил к первой части тренировки – к упражнениям из хатха-йоги.

С отвалившейся чуть ли не до колен челюстью Анто-

нов глядел на диковинные упражнения и позы – асаны, мастерски выполняемые Александром. Иногда челюсть Сережи возвращалась на место, давая хозяину возможность задать какой-нибудь вопрос. Бузько отвечал – и челюсть Антонова опять возвращалась в положение крайнего удивления. Названия упражнений – «уткурдана», «сарвангасана», «чакрасана» и другие – свежим ветром влетали в уши болезненного парня, настраивая его на новый лад – силы духа и уверенности в себе.

Закончив с хатха-йогой, Саша без промедления приступил ко второй части занятий – отработке приемов каратэ.

Изумлению Сергея не было границ. Вспотевший Бузько по ходу дела давал короткие пояснения. Сережа только кивал головой.

Заключительная часть тренировки Александра посвящалась закалке ударных поверхностей тела.

Сережа где-то уже слышал о подобном и, пока Саша тихонько стучал ребрами ладоней по деревянному бруску, увлекся своими мыслями.

Тем временем Бузько оставил брусок в покое и подошел к стене. Постоял немного, сжимая и разжимая кулаки. В глазах диванного зрителя вновь засветился неподдельный интерес – неужели будет бить кулаками в голую стену?

Однако вместо удара кулаком Саша быстро шагнул вперед и с резким наклоном ударил в стену... головой. Раздался глухой гул. Ошеломленному Сергею даже показалось, что

покачнулся дом. А Бузько, вместо того, чтобы упасть и потерять сознание, с остервенелым блеском в глазах принялся долбить лбом стену из разных положений – ударами фронтальными и боковыми, снизу вверх и сверху вниз – вылитый дятел Вуди. Безжалостно избиваемая стена вздрагивала, как от боли.

Наконец Саша закончил истязать ни в чем не повинную стену, отступил на шаг и принялся растирать ладонью слегка покрасневший (не разбитый, нет!) лоб.

– А это тебе... к чему? – только и смог выдать из себя обалдевший Сергей.

– К чему? Пойдем во двор, – усмехнулся Бузько, как ни в чем не бывало. Затем повернулся и пошел на улицу. Антонов с некоторой опаской проследовал за ним в глухой закуток двора.

Завернули за угол сарая – и новое ошеломляющее впечатление заставило Сережу остановиться и вытаращить удивленные глаза.

В закрытом от посторонних глаз пространстве между домом, сараем и пристройкой к дому находилась неплохо оборудованная тренировочная площадка каратиста.

Но Саша не стал заниматься на снарядах. Его худенькая грациозная фигурка, обогнув висящую на перекладине боксерскую грушу, согнулась над чем-то в самом углу площадки. Подойдя ближе, Антонов увидел там сложенную черепицу – самую обыкновенную, красно-бурую, хоть сейчас

на крышу.

Но Бузько ремонтировать крышу отнюдь не собирался. Установив возле стены сарая два толстых деревянных бруска, он принялся аккуратной стопкой накладывать на них черепицу. «Одна, две, три, четыре, пять...» – мысленно сосчитал Антонов. Не успел он и глазом моргнуть – тресь!!! С трескучим звоном обломки черепицы посыпались вниз.

– Как ты это? Чем?.. – у Сергея, мальчика очень впечатлительного, онемели обе руки, будто это он только что уничтожил полдесятка черепиц.

– Пятой ладони, – с некоторым пренебрежением, как о чем-то совершенно незначительном, отвечал чуточку возгордившийся перед благодарной аудиторией Бузько. – Да это так, разминка, – добавил он и вновь принялся накладывать черепицу на бруски – на сей раз семь штук.

– Са-а-ша-а! – донесся в их глухой закуток далекий женский голос. – Ты там?

– Да, да! Скоро приду! – крикнул в ответ Александр. – Мать вернулась, – коротко пояснил он Сергею.

– А... ничего за черепицу не будет? – с некоторой опаской спросил тот.

Саша только рукой махнул. Вытащив из кармана небольшой кусок фланели, он сложил его вчетверо и положил сверху на приговоренную к смерти черепицу. Затем стал в боевую стойку, громко выдохнул, вдохнул и с резким наклоном вниз ударил аккуратно сложенную стопку головой.

С тем же сухим обреченным стоном бывшая черепица посыпалась вниз. Обломки стучали один о другой, как кости.

– Ну и ну! – только и нашелся сказать Сергей Антонов.

...В насущной необходимости владеть навыками самозащиты Сергей вскоре имел случай убедиться воочию.

В тот тихий летний вечер ничто не предвещало неприятностей. Ребята увлеченно гоняли мяч на школьной спортплощадке – их залихватские крики были слышны издалека. Скучающий Сережа Антонов направился к ним. Нет, играть в футбол он не умел – хотелось просто поглазеть. Оказалось, что и Саша Бузько, и одноклассник Сережи Коля Быков тоже находились в числе зрителей.

Сережа подсел к ним на скамью, и втроем они завели беседу о всяком-разном.

Однако аркадская идиллия вскоре была прервана самым неожиданным образом. Откуда ни возьмись, на площадке появился слегка разогретый винными парами Юрик Моисеев – местный гром и молния. Его появление произвело эффект полета коршуна над птичьим двором: игра сразу прекратилась, звонкие голоса примолкли. Каждый из ребят отлично знал этого наглого и самоуверенного субъекта, весьма развитого физически и не очень – умственно. К тому же за ним тянулась кровавая слава сильного кулачного бойца и бесшабашного хулигана.

Весьма довольный произведенным впечатлением, с пьяной ухмылкой, Юрий важно совершил круг почета под

встревоженными взглядами приунывших пацанов. Каждый из них в эти минуты лихорадочно решал дилемму – трусливо ретироваться с площадки, тем самым опозорив себя до конца дней своих, или остаться и вытерпеть до конца возможные испытания. А Моисеев продолжал наматывать круги, будто в русскую рулетку играл – кому не повезет?

Наконец, бесплодная ходьба ему надоела; боек, дотеле вхолостую клацавший в его непутевой голове, разбил капсулю дури, каковая и поперла незамедлительно наружу. Выбор отморозка неожиданно пал на ничем не приметного Колю Быкова – мальчика худенького и росточком небольшого. Развязной походкой Юрик подкатил к нахохлившемуся Коле и внезапно сделал страшно удивленные глаза.

– Ты где, змей, этот браслет нашел? Я потерял его... вчера, – прогудел он и схватил побледневшего парня за руку, на запястье которой в лучах предзакатного солнца красновато поблескивал дешевенький браслетик-сувенир.

– Это мой, – угрюмо пробормотал Коля.

– Так я вру-у?! – мутные глазки Моисеева враз налились волчьей злобой. Резким рывком он поднял перепуганного Быкова на ноги и совсем уж было собрался приступить к показательной экзекуции. Несчастный парень обреченно съехался и зажмурил глаза, с ужасом ожидая от карающей неизвестно за что моисеевской десницы увесистого леща.

Внезапно среди гробовой тишины громом с ясного неба раздался требовательный возглас:

– А ну, оставь его!

Белесые брови хулигана удивленно поползли вверх, едва не оказавшись на макушке. Он сильно оттолкнул от себя полуживого от страха Колю и резко обернулся. Коля с размаху уселся обратно на скамейку, но сила инерции оказалась слишком велика – не удержавшись на узкой доске, он нелепо взмахнул руками и грохнулся в сочную траву, задрав кверху ноги.

Не обращая никакого внимания на возившегося в крапиве Колю, Моисеев узкими и пожелтевшими от бешенства глазами, как рысь, с минуту молча в упор рассматривал стоявшего в полутора шагах Сашу Бузько. Наконец перекошенный рот его разлепился:

– Ты чё, шнурок?

Приклеившийся к сиденью скамейки Сережа Антонов замер, превратившись в каменное изваяние – что сейчас будет?

Развязка наступила быстро. Неуловимым движением обогленный хулиган подскочил к Саше и схватил его за обе руки, видимо, намереваясь вмиг покончить с бунтарем своим излюбленным приемом – ударом колена в пах, после которого противник повергался в состояние абсолютной прострации и поступал в полное распоряжение шаловливых ручек Моисеева, расписывавших врага под орех.

Невольные зрители замерли, предвкушая кровавую расправу. Самые решительные уже оглядывались в поисках

взрослых, могущих воспрепятствовать избиению.

И расправа не замедлила последовать. Саша молниеносно шагнул вперед и с силой отпущенной пружины ударил уже занесшего ногу Моисеева лбом в лицо.

С глухим хрустом голова недавнего повелителя площадки мотнулась назад, как тыква на колу. Уставившись закатившимися белками вмиг опустевших глаз в синее небо, он разжал кулаки и тяжело, как сноп, рухнул на траву.

– С-сынок! – презрительно сплюнул Саша, повернулся и величественным шагом победителя двинулся прочь.

Оцепеневшие ребята очнулись и одновременно выдохнули – будто порыв ветра пронесся над площадкой. Глаза их прикипели к не подававшему признаков жизни Моисееву. Из его разбитых вдребезги губ и носа обильно струилась кровь.

В этот миг Сергей Антонов впервые ощутил в себе это непередаваемое чувство – ту величайшую степень восторга, блаженного экстаза от совершенного правосудия и наказания зла.

«И зачем мне это нужно? Зачем мне это нужно?! Зачем?!» – в такт шагам билась одна и та же мысль в гудящей голове Сергея Антонова. Ни о чем другом задыхающийся мозг думать был не в состоянии, а помутневший взор все ме-

нее отчетливо различал мелькающие кроссовки бежавшего впереди Александра Бузько.

Сколько километров они пробежали – Сергей не представлял себе даже приблизительно, поскольку совершенно потерял ориентировку во времени и пространстве. Все его внутренности, казалось, сжались в тугий комок и застряли в горле, трепеща в резонанс бешено частящему сердцу. Хватая широко разинутым ртом ускользающий воздух, будущий Джеки Чан совсем уж было вознамерился плюнуть на все и упасть прямо посреди дороги – сил больше не оставалось.

Внезапно окружающий черно-белый мир окрасился во все оттенки зеленого цвета, а многопудовые ноги несколько полегчали. Меркнувшее сознание мученика науки сообразило, что они вбежали в лес, и тропинка пошла под уклон.

Сквозь колокольный звон в ушах до Сергея донесся отчетливый голос Саши:

– Уклоняйся от веток – без глаз останешься! Блокируй их! Как Брюс Ли – помнишь?

«Он что, двужильный, что ли?» – промелькнуло во взболтанном мозгу Сергея; а через секунду он с удивлением отметил, что его верхняя половина тела живет как бы отдельной жизнью, исправно уклоняясь от торчащих на пути многочисленных веток и сучьев. Судорожно прижатые к бокам чугунные руки – о, чудо! – вдруг ожили и принялись быстро сновать в разные стороны, отшибая настойчиво лезущие в лицо ветви кустарника. Все-таки многие месяцы совмест-

ных тренировок не прошли зря.

Наконец-то! Выбежав на широкую ровную поляну, Бузько хотел было скомандовать отбой, но, обернувшись назад, только крикнул. Антонов чутьем угадал предстоящее спасение от кошмара и через секунду уже распластался на траве, широко раскинув руки. Грудь его вздымалась, как штормящее море, а залитые потом глаза отрешенно уставились в знойное небо.

Через некоторое время в них затеплилась жизнь. Еще через минуту зрачки дрогнули и поползли по кругу, разыскивая проклятого истязателя в зеленой кутерьме.

Бузько стоял неподалеку в боевой стойке «киба-дачи», выполняя дыхательные упражнения.

К Сергею постепенно вернулась способность чувствовать и соображать – вообще жить. Он услышал звонкие голоса птиц, рассмотрел в высокой траве ползущего жучка, с восхищением – в который уже раз – подумал: «Двужильный, гад!» – и теплая волна смешанного благодарно-восторженного чувства к Саше залила его грудь.

– Ну? Оклемался? – широко улыбаясь, Бузько приблизился ко все еще лежавшему бревном Сергею и подал ему руку. Будто вихрь подхватил того с земли – столь мощным рывком Саша поднял своего подопечного на ноги, которые от неожиданности подогнулись, еще не оправившись полностью от бешеной гонки.

– Тьфу ты! – мотнул Сережа головой, как конь. – В гла-

зах темно, ёлки! В жизни так не бегал! Ты хочешь моей смерти, паразит? – и полушутя-полусерьезно ткнул Сашу пятой ладони в грудь. Рука будто провалилась в пустоту – гр-рох! – снова, теперь уже на живот, Антонов улегся в шелковую траву. Как всегда безупречно выполнив прием, Саша опять улыбнулся:

– Ну, отдохни еще!

– Не-е, – замотал головой поверженный Антонов, – будем заниматься!

Улыбка тут же улетучилась с Сашиного лица.

– Слышу речь не мальчика, но мужа! – уже совершенно серьезно сказал он и гортанно выкрикнул:

– Хаджиме!

У Сергея каждый раз от этого слова, означавшего по-японски «начинай», мороз продирает по коже. Вот и сейчас восторженное, непередаваемое словами чувство зародилось где-то в животе и быстрыми волнами разлилось по телу, интенсивно вытесняя свинцовую усталость и заменяя ее бодростью и силой.

Шел третий год их знакомства и совместных занятий каратэ.

Сергей Антонов оказался способным учеником. Свою недостаточную физическую развитость он с успехом компенсировал огромным трудолюбием и всепобеждающим желанием добиться успеха в своем начинании. Характер у него оказался нестигаемый, а терпение – огромное.

Сколько парню пришлось вынести, особенно в начале пути, – одному Богу известно. Сбитые в кровь кулаки, дикая боль в перерастянутых мышцах ног, хроническая усталость и синяки, синяки, синяки: на руках, ногах, груди, спине, лице – сплошь. Все это приходилось безропотно терпеть, так как Саша в тренировочных боях его не жалел – бил, как выражался один незабываемый киногерой, аккуратно, но сильно. На расстоянии либо заочно искусству рукопашного боя не научишься – таковым было, есть и будет основное тренерское правило.

«Тяжело в учении – легко в бою», – утешал себя мученик науки и терпел, терпел, терпел, глотая пот, слезы, а иногда и собственную солоноватую кровь.

...Сидя в уютном баре за чашкой кофе, Сергей Антонов предавался невеселым размышлениям.

Не лучшим образом складывалась его жизнь – единственная и неповторимая. Тридцать два – почти половина отпущенного Всевышним срока – уже истекла. Какие-то промежуточные итоги надо бы подвести, Сергей Валентинович... А – что подводить?

Престижной профессии не приобрел, больших денег не нажил. Ватаги близких друзей, как иные прочие, не имел из-за полнейшего равнодушия к веселым забавам и хмель-

ным пирушкам. Женился молодым и не по любви, а так – чтобы быть, как все. Очень скоро избалованная и капризная женушка оставила его и ушла к другому. Слава Богу, хоть детьми обзавестись не успели. Им, ни в чем не повинным крохам, всегда и всюду приходится держать ответ за глупости родителей.

Прекрасная пора – детство. И не только беззаботностью своей хороша она. Замечательна эта пора в первую очередь своей романтичностью, остротой и красочностью восприятия всего окружающего, восторженностью мечтаний о будущем.

Но вот это самое будущее, это «прекрасное далеко» наступило – и незаметно, капля за каплей, стекает в бездонную прорву прошлого. И капельки эти бывают разные – иные с примесью слюны от частых приступов смеха, другие – с соловатым привкусом слез; некоторые же окрашены в этакий коралловый цвет – страшный цвет крови.

А уж с житием преподобного Сергия Радонежского – *его* святого – «житие» Сергея Антонова не имело ровным счетом ничего общего.

Прочитанная когда-то газетная статья об этом истинном святом произвела на парня огромное впечатление. Как камертон начинает звучать в ответ на музыкальную ноту того же тона, так его душа отозвалась на прочитанное. Смысл статьи проник в его разум и сердце до самых сокровенных глубин; он не забыл ни одного слова из той газетной полосы,

думы о тех далеких временах посещали его с завидным постоянством.

Отчего так – Сергей Антонов не понимал. Его теперешние представления о жизни не совсем вязались с тем, как понимал жизнь игумен Сергей, можно сказать – совсем не вязались.

Кроме одного – оба, как воды в пустыне, жаждали правды. Сергей, полностью уйдя в себя, не замечал ничего вокруг – даже заинтересованных взглядов находящихся в баре девушек. Дело молодое – не мог не привлечь пытливый женский взор симпатичный белокурый юноша спортивного телосложения с грустинкой в голубых глазах, лицо которого украшали несколько – конечно же, боевых – шрамов.

Одна из девиц лет двадцати до того увлеклась созерцанием не обращавшего на нее никакого внимания Сергея, что совершенно запомнила то обстоятельство, что она не в Эрмитаже, а рядом – не добродушный экскурсовод, а ее «хозяин» – толстощекий «Вован Сидорович» пороссячьего вида, к тому же набравшийся до одноименного визга. Некоторое время он не замечал «левых» поглядываний своей подружки, будучи крайне увлеченным слюноточивой беседой с соседом по столику – весьма развязным и очень нетрезвым субъектом.

Скользя по залу рассеянным взором, Антонов наткнулся на неприкрытые в своей откровенности девичьи глаза, как на штык. Сфокусировав взгляд, Сергей оценил ситуацию –

и горько усмехнулся: «И ты туда же, зеленуха! Естественно, твой спутничек вызывает у тебя омерзение, – а куда денешься? Кто платит, тот и ездит... Подожди, нахлебаешься ты еще. За все в жизни надо чем-то расплачиваться», – думал он, допивая кофе и собираясь уходить.

Девушка же его улыбку расценила, видимо, по-своему. Бросив молниеносный взгляд на «Вована» и найдя его состояние близким к впадению в летаргический сон, она вновь зацепила взгляд Сергея своими зелеными глазищами и недвусмысленно облизала губки розовым язычком. И тут же едва не откусила его, получив увесистый подзатыльник. Аккуратно уложенные волосы ее взметнулись, как от порыва ветра, и так и застыли лохмами.

– А какому ж это козлу ты лыбу тянешь, а? – гроыхнул на весь бар хриплый голос «Вована», а его налитые вином и злобой глазки принялись шарить по углам. Посетители бара замолкли в недобром предчувствии.

– Да что ты, Вова? – дрожащим голосом залезбила девица. – Да я... никому... – красивые глаза ее наполнились слезами.

«Ты смотри – Вова! Уж не Сидорович ли?» – снова усмехнулся про себя Антонов, сохраняя внешнее спокойствие. Но мускулы его непроизвольно подтянулись – включилась охранная система, как любил он говаривать.

– А-а-а! – прорычал Вова, встретившись туманным взором со стальным блеском глаз Сергея, и начал вставать из-за

стола, как бегемот с лежки. Опрокинулся стул, покачнулся стол – упала большая бутылка, покатила к краю столешницы, сбивая бокалы, и – хр-р-р-р! – разбилась вдребезги о цементный пол. В гробовой тишине это прозвучало, как взрыв гранаты. Недопитое вино кровавой струйкой потянулось под белоснежную туфлю виновницы «торжества».

Все это отчетливо отразилось в по-кошачьи сузившихся зрачках Сергея: и тускло сверкавшие в лужице вина осколки разбитой бутылки, и широко раскрытые тревожные глаза девушки, и направляющийся к нему с видом разъяренного носорога Вова – все приобрело повышено четкие очертания.

Назревала стычка; однако Сергей продолжал сидеть, внешне абсолютно спокойный, даже слишком.

Но это спокойствие было только внешним. Все его тело мгновенно будто получило некий допинг: мышцы подобрались, внимание заострилось, кровь в жилах побежала быстрее – и не от страха, нет. Бешеная злоба в одно мгновение возникла в груди, побежала в разные стороны раскаленной магмой, хлынула в голову и залила глаза.

«И откуда вы только беретесь, такие мерзавцы? Почему вы везде и всюду чувствуете себя, как в своем хлеву, всегда уверенные, что вы – хозяева, а остальные – слуги? Какого лешего вы не ведете себя тише воды, ниже травы?» – метеором пронеслись в мозгу Сергея безмолвные выкрики.

«Вован» приблизился. Антонов спокойно допивал кофе, ничего не предпринимая. Он был научен горьким опытом

и прекрасно понимал, что в подобных ситуациях ничего не следует делать первым. Глаза многочисленных свидетелей в эту секунду фиксируют каждое его движение, уши вбирают каждое слово – и не приходится сомневаться, что свидетельства посетителей бара вкупе со связями и средствами Вовы всегда будут не в его, Сергея, пользу. И не стоит давать им, сволочам, лишние козыри в руки. Это ведь только в кино разухабистые супергерои устраивают дикий погром в баре и эффектно удаляются прочь. Жизненные реалии куда прозаичней – сцены такого рода неизбежно заканчиваются вынужденным визитом в райотдел милиции или еще куда похуже.

– Ты чё, козел? Чё бульки вылупил на Иркуту? В общество слепых хочешь записаться, гнида сушеная? – вместе с волной густого перегара в воздух вылетели каркающие звуки. Антонов повернул на голос бледное лицо и перекосившимися от отвращения губами тихо произнес:

– Да п-пош-шел ты...

В баре повисла непродолжительная пауза.

– Ты... чё – охренел, алё? – побагровел до черноты ошарашенный «Вован» и размахнулся правой рукой с твердым намерением презентовать Сергею увесистую затрещину по затылку.

Для Сережи, бывавшего и не в таких переделках, подобная хватка была не опаснее детской игры в мячик. Молниеносным движением правой руки он отодвинул на край

стола пустую чашку и наклонил голову вниз. Волосатый кулачище Вовы пронесся, как полено, над головой Сергея, лишь слегка чиркнув по макушке. Громила, видимо, мнивший себя крутым бойцом, тут же, хакнув, возвратным движением руки вознамерился хлестнуть противника наотмашь.

Но Сергей к тому времени уже прочно стоял на ногах. Двуручным блоком остановив неуклюжий полет вовинной конечности, ногой он резко ударил Вову сбоку под коленный сгиб и одновременно обеими ладонями мощно двинул в жирную челюсть.

Гр-рох! – от рухнувшей навзничь восьмипудовой туши в прах рассыпался соседний столик, из-за которого вовремя успела ретироваться молодая пара, оставив, впрочем, недоенный обед.

– Эй, эй! Хватит! Вы что?! – закричал, размахивая руками, бармен из-за стойки, в силу служебного положения опомнившийся первым. – Сейчас милицию вызову! – добавил он, схватился дрожащими руками за телефон и начал тыкать непослушными пальцами в кнопки.

Сергею не было никакого смысла далее оставаться в злополучном баре, а тем более вести душеспасительные беседы с представителями доблестной милиции. «Вован», как пить дать, «подмажет» где надо и выйдет сухим из воды. Обмакнут в дерьмо его, Сергея.

Что ж, он в грязь лицом не ударил ни перед собой, ни пе-

ред зрителями – пора красиво удалиться. Сергей брезгливо двинул ногой поднявшегося на четвереньки негодяя, отчего тот с бессильным рыком вновь повалился в месиво из щепок, осколков посуды и остатков еды. «Ни дать, ни взять – свинья!» – с омерзением подумал Сергей и устремился к выходу. Внутри у него все кипело от негодования.

Проходя мимо бармена, Антонов кинул на него короткий взгляд и не смог удержаться от улыбки.

Зрелище было уморительное. Бармен, немолодой уже лысоватый мужчина, умоляюще смотрел на Сергея кроличьими глазами, вытирая непослушными руками крупные капли пота с побледневшего лица. Трясущимися губами он пытался что-то сказать, но не решался, опасаясь, видимо, заработать на орехи. Перед ним во весь рост стояла трудновыполнимая задача: с кого получить возмещение убытков – с кабана Вовы или со светловолосого каратиста. Наскоро взвесив в уме этих два варианта, он провел глазами неспешно удалявшегося Сергея и тяжело вздохнул. С каратиста можно было получить разве что в ухо. С «Вована», пожалуй, в другое. А от хозяина бара – в третье, если бы оно росло на его бесталанной голове. Ибо установка от Александра Игоревича имела четкая – убытки подобного рода или твердой рукой получать с виновного, или возмещать из своей не очень-то размашистой зарплаты.

Ну что ж, хошь-не-хошь, а не дольешь. Посуду бьешь – меньше пьешь. Так-то, господин хулиганистый клиент.

Бармен еще раз тяжело вздохнул и вышел из-за стойки – с риском для жизни попытаться успокоить все еще бушующего Вовика и помочь официантке с посудомойкою навести порядок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.